

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2021**

2

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
В.С. Золотарёв (заместитель главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-корр. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 25.06.2021. Выход в свет 28.06.2021.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 14,41. Уч.-изд. л. 15,47. Тираж 250 экз. Заказ № 8068

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
V.S. Zolotarev (Deputy Editor-in-Chief),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apyschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print June 25, 2021. Publication June 28, 2021.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 14.41. Publ. sign. 15.47. Edition 250 copies. Order number 8068

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):
344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.
E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

doi 10.18522/2687-0770-2021-2

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 2 (210) 2021 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 2 (210) 2021*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Этнос и «этнические нации» в модернистских теориях нации: содержание и критика 4
Ирицян Г.Э. Роль деятелей «консервативной революции» в деле обоснования нацизма 17

Alaverdyan A.L., Maltsev K.G. Ethnicity and “Ethnic Nations” in Modernist Theories of the Nation: Content and Criticism 4
Iritsyan G.E. The Role of the “Conservative Revolution” Activists in the Substantiation of Nazism 17

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Агафонов А.И. Гербовые изображения на портретах войскового атамана Донского войска Д.Е. Ефремова и особенности формирования южнороссийского дворянства в XVIII веке 23
Венков А.В. Генерал Греков 8-й 35
Джабаева Т.Ч. Недостатки административного управления царской администрации в Дербентской губернии по данным ревизии 1860 года 43
Казаров С.С. Леонов Иван Григорьевич – первый ректор Ростовского педагогического института 48
Кармов Р.К. Численность северокавказских абазин в середине XVIII века 53
Медведев М.В. Южный фронт в прорыве немецких рубежей на Миус-фронте в августе 1943 года 57
Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в концепции А.Е. Преснякова 64
Нарежный А.И., Галуза Н.В. Культурно-просветительские проекты Владикавказской железной дороги в конце XIX – начале XX века 73

Agafonov A. I. Armorial Images on Portraits of the Military Ataman of the Don Army D. E. Efremov and Features of the Formation of the Southern Russian Nobility in the 18th Century ... 23
Venkov A.V. General Grekov the 8th 35
Dzhabaeva T.Ch. Shortcomings of the Administrative Management of the Tsarist Administration in the Derbent Province According to the Audit of 1860..... 43
Kazarov S.S. Leonov Ivan Grigorievich - First Rector of the Rostov Pedagogical Institute..... 48
Karmov R.K. The Number of North Caucasian Abazins in the Middle of the 18th Century 53
Medvedev M.V. The Southern Front in the Breakthrough of the German Defense on the Mius Front in August 1943..... 57
Mininkova L.V. The Theory of the Patrimonial State in the Concept of A.E. Presnyakov..... 64
Narezhny A.I., Galuza N.V. Cultural and Educational Projects of the Vladikavkaz Railway in the Late 19th and Early 20th Century 73

Папазян К.Л. Г.Х. Чалхушьян – организатор благотворительности в Нахичевани-на-Дону в конце XIX – начале XX века	79
Ярмолич Ф.К. Популяризация книги и культуры чтения в советском городе в 1950–1960-е годы	83

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Адылгареев В.И. Проблемы формирования и распределения доходов населения в концепциях зарубежных научных школ	87
Бондаренко Г.А., Полякова И.А. Структурно-динамические изменения экономической и трудовой сфер г. Ростова-на-Дону: статистический анализ	94
Узнародов Д.И. Социально-экономическое развитие Республики Крым в 2018–2020 годах	100

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Кислицына И.Г. А.Г. Филонов и его книга «Очерки Дона»	106
--	-----

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Анчабадзе Ю.Д. – Армяне Причерноморья : энциклопедия / науч. ред. и сост. И.В. Кузнецов, рук. проекта, ред. Х.В. Мхитарян. М. : УП Принт, 2020. Т. 1. 492 с.	111
Матвеева А.М. – <i>Рябцев В.Н.</i> Из истории геополитической мысли в годы Гражданской войны на Юге России. 1918–1920 гг. (очерки). Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2020. 624 с.	115
Пуховская Н.Е. – <i>Болдырев Р.Ю., Болдырева С.Ю.</i> История Германии : в 2 ч. : учеб. пособие. Архангельск: Северный (Арктический) фед. ун-т, 2021. Ч. 1 : 1493–1815. 101 с.; Ч. 2 : 1815–1914. 128 с.	118

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)	122
---	-----

Papazyan K.L. G. H. Chalkhushyan - Organizer of Charity in Nakhichevan-on-Don in the Late 19th - early 20th Century	79
Yarmolich F.K. Popularization of Books and Reading Culture in Soviet City in the 1950s-1960s	83

ECONOMIC SCIENCES

Adylgareev V.I. Problems of Formation and Distribution of Income of the Population in the Foreign Scientific Schools Concepts	87
Bondarenko G.A., Polyakova I.A. Structural and Dynamic Changes in the Economic and Labor Spheres of Rostov-on-Don: Statistical Analysis	94
Uznarodov D.I. Socio-Economic Development of the Republic of Crimea in 2018-2020	100

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Kislitsyna I.G. A.G. Filonov and his book “Essays of the Don”	106
--	-----

BOOK REVIEWS

Anchabadze Y.D. - Armenians of the Black Sea region: encyclopedia / scientific ed. and comp. I.V. Kuznetsov, project manager, ed. H. V. Mkhitarian. Moscow: UP Print, 2020. Vol. 1. 492 p. ...	111
Matveeva A.M. – <i>Ryabtsev V.N.</i> From the History of Geopolitical Thought during the Civil War in the South of Russia. 1918-1920 (essays). Rostov-on-Don: Foundation of Science and Education, 2020. 624 p.	115
Pukhovskaya N.E. - <i>Boldyrev R.Yu., Boldyreva S.Yu.</i> History of Germany: in 2 parts. Training manual. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University Press, 2021, part 1: 1493-1815, 101 p.; part 2: 1815-1914, 128 p.	118

Recommendations for the Design of Transliteration (References)	122
---	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 101.1:316
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-4-16

ЭТНОС И «ЭТНИЧЕСКИЕ НАЦИИ» В МОДЕРНИСТСКИХ ТЕОРИЯХ НАЦИИ: СОДЕРЖАНИЕ И КРИТИКА

© 2021 г. А.Л. Алавердян ^a, К.Г. Мальцев ^b

^a Борисовская СОШ № 2, Борисовка, Россия,

^b Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Белгород, Россия

ETHNICITY AND “ETHNIC NATIONS” IN MODERNIST THEORIES OF THE NATION: CONTENT AND CRITICISM

A.L. Alaverdyan ^a, K.G. Maltsev ^b

^a Borisovska Secondary School No. 2, Borisovska, Russia,

^b Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia

Алавердян Артем Левушович –
кандидат философских наук,
заместитель директора,
Борисовская СОШ № 2,
ул. Советская, 67, п. Борисовка, 309340, Россия.
E-mail: arti-medwed@mail.ru

Artem L. Alaverdyan -
Candidate of Philosophy,
Deputy Director,
Borisovska Secondary School No. 2,
Sovetskaya Str., 67, Borisovska, 309340, Russia.
E-mail: arti-medwed@mail.ru

Мальцев Константин Геннадьевич –
доктор философских наук, профессор,
кафедра теории и методологии науки,
Белгородский государственный
технологический университет им. В.Г. Шухова,
ул. Костюкова, 46, г. Белгород, 308012, Россия.
E-mail: pavic69@mail.ru

Konstantin G. Maltsev -
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Theory
and Methodology of Science,
Shukhov Belgorod State Technological University,
Kostyukova Str., 46, Belgorod, 308012, Russia.
E-mail: pavic69@mail.ru

Представление нации и этноса в горизонте требований «либеральной метафизики» (К. Шмитт) обусловлено рядом принципов: либеральный индивидуализм предполагает понимание любой действительной общности как ассоциации на основе самоопределения автономного индивида-гражданина; ассоциации есть социальные общности, в них «природное» и «естественное» может допускаться как «остаток» (В. Парето), который надлежит снять; индивид представлен в социальной действительности через интересы, которые в политике как управлению рационально «гармонизируются» на основе «пересекающегося консенсуса» – посредством компромисса, т. е. речь всегда идет о политической нации, этническая «окрашенность» которой есть временно непреодоленная черта, связанная с ее генезисом. Этнос – «социальная группа» на основе «культурного своеобразия» – в случаях политизации ведет к «извращениям» в нациестроительстве («этнические нации») и морально неприемлемой политике национализма. Представление этноса как «природного феномена» абсолютно исключено в экономической парадигме (Дж. Агамбен) либеральной метафизики; в статье выделяется идеальный тип представления этноса как «природного феномена» – теория этноса Л.Н. Гумилева и демонстрируется его существенная несовместимость с жестким концептуальным каркасом понимания нации в либеральных модернистских и постмодернистских теориях нации и этноса. Делается вывод о том, что завершенность с точки зрения либеральных императивов представления этноса (и нации) приобретает в конструктивистских концепциях, в которых идентичность, социальная группа истолковываются как аналитические инструменты и, таким образом, «этническое» и «национальное» представлены «бессубстанциально» («групповость без групп») как результат фреймирования.

Ключевые слова: этнос, нация, индивидуализм, «либеральная метафизика», ассоциация, политическая нация, фреймирование.

The representation of a nation and an ethnos in the horizon of the requirements of “liberal metaphysics” (K. Schmitt) is conditioned by a number of principles: liberal individualism presupposes the understanding of any real community as an association based on the self-determination of an autonomous individual-citizen; associations are social communities in which “natural” and “artificial” can be admitted as a “residue” (V. Pareto), which must be removed; the individual is represented in social reality through interests, which in politics as management are rationally “harmonized” on the basis of an “intersecting consensus” - through a compromise - that is, we are always talking about a political nation, whose ethnic “coloration” is a temporarily unresolved trait associated with its genesis. Ethnicity - a “social group” based on “cultural identity” - in cases of politicization leads to “perversions” in nation-building (“ethnic nations”) and a morally unacceptable policy of nationalism. The idea of an ethnos as a “natural phenomenon” is absolutely excluded in the economic paradigm (J. Agamben) of liberal metaphysics; the article highlights the ideal type of representation of an ethnos as a “natural phenomenon” - the theory of ethnos by L.N. Gumilyov and demonstrates its essential incompatibility with the rigid conceptual framework of understanding the nation in liberal modernist and post-modernist theories of nation and ethnos. It is concluded that the concept of an ethnos (and a nation) acquires completeness from the point of view of liberal imperatives in constructivist concepts, in which identity, a social group are interpreted as analytical tools and, thus, “ethnic” and “national” are presented “without substance” (“Grouping without groups”) as a result of framing.

Keywords: ethnos, nation, individualism, “liberal metaphysics”, association, political nation, framing.

Введение. Постановка проблемы

Представление нации в господствующей на Западе либеральной метафизике при всех различиях в концептуализации этого представления не допускает колебаний в одном: нацию надлежит представлять как *гражданскую ассоциацию*, учрежденную в конечном счете свободным решением входящих в нее автономных индивидов; это называется обычно гражданской нацией, или политической нацией [1, 2]. Однако признается, что среди еще не изжитых остатков естественности в *действительных нациях* один представляет собой корень зла, т. е. является причиной политического национализма (с его идеей национальной исключительности и национального превосходства), национальных конфликтов, препятствует окончательному утверждению гражданской лояльности как единственному легальному способу связи между гражданином и государством, – обычно этот «остаток» именуют этничностью (этносом). Относительно этноса и этничности существует два частично пересекающихся дискурса.

Во-первых, проводится различие между гражданскими и этническими нациями [3]. Причем суждения относительно них имеют одновременно и нормативный, и оценочный характер. Во-вторых, в большем числе случаев этнос и этническое интерпретируют не как природное, но как социально-культурное и тем самым, с одной стороны, оправдывают (в противном случае – неприемлемую) почти очевидность того, что современные нации, как бы ни описывался их генезис, имеют в качестве основы и сохраняют как составную часть (или аспект) эт-

нос/этничность, хотя больше, как утверждают, не определяются им; с другой – посредством такой нейтрализующей интерпретации нивелируют природное и естественное. Таким образом, следует различать этнические нации и этничность в гражданской/политической нации: это – разные дискурсы (в этом случае неуместно говорить о понятии [4]), и их частичное пересечение несколько не дает оснований к их даже частичному отождествлению.

Наша задача – описать аналитические схемы, применяемые для того, чтобы представить этнос социальной группой и никогда – природным феноменом; выявить необходимость подобного подхода в связи с основоположениями либеральной метафизики; продемонстрировать идеологическую и политическую ангажированность этого представления (что, кстати, несколько не означает отказа в научной объективности); определить границы, в которых оно имеет значение, т. е. исследовать его форму.

Поскольку предметом изучения является способ представления этноса и нации в западной традиции (преимущественно модернистской и конструктивистской), то, во-первых, противоположное им представление (нами выбрана концепция этноса Л.Н. Гумилева) мы определяем как фон, по отношению к которому реализуется анализ (т. е. разложение на элементы) избранной нами традиции. Во-вторых, речь не ведется о достоверности (или тем более истинности) утверждений модернистских (или конструктивистских) теоретиков: предметом является не сам этнос/нация, но необходимость именно такого представления в горизонте господствующей либеральной метафизики, выпол-

няющей в том числе нормативную функцию. В-третьих, многочисленные исследования отечественных авторов, посвященные выяснению природы этнического и национального, отличаются именно тем, что для них отсутствует подобная нормативная основа, а значит, представления, определяющие направление исследования, способ постановки вопросов и выводы, выстраиваются в других и различных перспективах, как правило, в соответствии с научной дисциплиной, в границах которой работает тот или иной автор; философский интерес в таком случае не является определяющим, в соответствии с задачей нашего исследования, предполагающего сопоставление двух противоположных представлений. Для понимания одного из них, мы вправе, ввиду сказанного, уклониться от вопроса о том, каким образом этнос и нация понимаются в отечественных науках и философии (вопрос заслуживает самостоятельного предметного исследования) как нерелевантного относительно предмета нашего познавательного интереса.

Представление этноса как «природного феномена»

Выполнение нашей задачи существенно облегчается тем, что в науке имеется представление этноса, его понятие, которое включает и синтезирует все элементы/утверждения, считающиеся неприемлемыми в горизонте либеральной метафизики. Теория этноса Л.Н. Гумилева [5] является действительной и полной противоположностью либеральному дискурсу этноса. Мы полагаем понятие этноса Л.Н. Гумилева максимально репрезентативным именно в качестве противоположности либеральной практике и традиции интерпретации этноса и этнического и считаем методологически допустимым использовать аргументы «сторон», как если бы полемика действительно имела место: существо проблемы делает это возможным.

Гумилев определяет, что этнос – «феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий» [5, с. 7], и утверждает: «Этносы – явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Зем-

ли» [5, с. 17]. Он сразу предлагает условиться о назначении терминов, так как спорить о словах считает бессмысленным занятием. Греческое «этнос» Гумилев переводит как «вид, порода», подразумевается – людей [5, с. 38]. Причем для своей постановки темы он считает, что «не имеет смысла выделять такие понятия, как “племя” или “нация”, потому что нас интересует тот член, который можно вынести за скобки, иными словами, то общее, что имеется и у англичан, и у масаев, и у древних греков, и у современных цыган» [5, с. 38].

«Это свойство вида *Homo sapiens* группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и “своих” (иногда близких, а часто довольно далеких) всему остальному миру. Противопоставление “мы – они” (*conditio sine qua non*) характерно для всех эпох и стран... Явление такого противопоставления универсально, что указывает на глубокую его подоснову» [5, с. 38]. Следует задаться вопросом, «какое значение или, главное, какой смысл вкладывает каждый человек» [5, с. 15], когда, например, говорит: «Я – русский». При этом Гумилев настаивает на том, что не бывает «людей вне этнической принадлежности»: «Несомненно одно – вне этноса нет ни одного человека на Земле. Каждый человек на вопрос: “Кто ты?” – ответит: “русский”, “француз”, “перс”, “масаи” и т.д., не задумавшись ни на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее» [5, с. 15]. По крайней мере так было до недавнего времени (космополитическое мировоззрение в эпоху глобализации раскрывает такую возможность [6]), и принадлежность эта имеет характер непосредственности: «“Объединиться в этнос” нельзя, так как принадлежность к тому или другому этносу воспринимается самим субъектом непосредственно, а окружающими констатируется как факт, не подлежащий сомнению. Следовательно, в основе этнической диагностики лежит ощущение. Человек принадлежит к своему этносу с младенчества. Иногда возможна инкорпорация иноплеменников, но, применяемая в больших размерах, она разлагает этнос» [5, с. 47].

Одновременно с этим отсутствует основной критерий, по крайней мере очевидный, определяющий принадлежность к этносу: «У нас нет ни одного реального признака для определения любого этноса как такового, хотя в мире не было и нет человеческой особи, которая была бы внеэтнична. Все признаки определяют этнос

“иногда”, а совокупность их вообще ничего не определяет» [5, с. 47]. Таким образом, непосредственное ощущение принадлежности есть, но его, как утверждает Гумилев, крайне сложно именно опосредовать, т. е. осознать и определить; «о существовании этноса говорит только то, что он непосредственно ощущается людьми как явление (феномен)» [5, с. 10], – «но ведь это не доказательство» [5, с. 10].

Конечно, самым простым выходом из этого положения, утверждает Гумилев, было бы вообще отказаться от не имеющего значения термина; именно это происходит, когда под этносом мыслится социальная категория: «Тогда “этнос” – величина мнимая, а этнография – бессмысленное времяпрепровождение, так как проще изучать социальные условия» [5, с. 61]. Опережая изложение, заметим, что именно это делает абсолютное большинство исследователей, разделяющих представление действительности в экономической парадигме, от вполне внятных утверждений на эту тему И. Валлерстайна [7] до рассуждающей об этнических нациях Л. Гринфельд [3]. Гумилев же считает: «данная точка зрения ошибочна, что становится очевидным, если спекуляции подменить наблюдениями натуральных процессов, доступными вдумчивому человеку» [5, с. 61].

Этнос есть «пограничный» (между биосферой и социосферой) феномен потому, что сам человек есть одновременно природное и социальное существо. Причем Гумилев настаивает (и это следующий «пункт», в котором он радикально расходится с «основоположениями либеральной метафизики», равно как и современными версиями марксизма), что природное не снимается социальным, хотя, безусловно, социальное и воздействует, и преобразует природное: «Социальные закономерности развития человечества не “отменяют” действия закономерностей биологических, в частности мутаций» [5, с. 7], а значит, «исследовать их необходимо, дабы избежать теоретической односторонности и практического вреда, который мы наносим сами себе, игнорируя или сознательно отрицая нашу подчиненность не только социальным, но и более общим закономерностям развития» [5, с. 7].

Собственно говоря, отличие здесь не методологическое, но идеологическое: в Баденском неокантианстве и Г. Риккерт [8], и М. Вебер [9, 10] (с оговорками) отстаивали утверждение, что бесконечное интенсивное и экстенсивное мно-

гообразии действительности может быть целиком объектом тематизации как естествознания, так и исторических наук о культуре. Риккерт настаивает на «чисто методическом» разделении наук в соответствии с познавательным интересом и решительно отказывается от «предметной классификации», самой известной из которых в то время была дильтеевская: «науки о природе» и «науки о духе» [11].

Таким образом можно утверждать, что первоначально право этноса (и этнологии) до выделения объекта и тематизации его в предмет, вполне бесспорно методологически: никто не может «запретить» рассматривать «фрагмент действительности» в перспективе естествознания, – вопрос лишь в том, будет ли такое рассмотрение успешным. Однако чисто методической точкой зрения Гумилев не ограничивается, когда утверждает, что «мы исходим из того, что этнос в своем становлении – феномен природный» [5, с. 13], и потому в его представлении этноса реальность понятия и действительность факта должны быть объединены.

Итак, согласно Гумилеву, человек был и есть одновременно природный и социальный; здесь до всяких возможных рассуждений и интерпретаций нужно просто видеть: «Принято говорить: “Человек и Земля” или “Человек и Природа”, хотя еще в средней школе объясняют, что это элементарный, примитивный антропоцентризм, унаследованный от Средневековья. Да, конечно, человек создал технику, чего не создал ни динозавр мезозойской эры, ни махайродус эры кайнозойской. Однако при всех достижениях XX в. каждый из нас несет внутри себя природу, которая составляет содержание жизни как индивидуальной, так и видовой. И никто из людей, при прочих равных условиях, не откажется от того, чтобы дышать и есть, избегать гибели и охранять свое потомство. Человек остался в пределах вида, в пределах биосферы – одной из оболочек планеты Земля. Человек совмещает присущие ему законы жизни со специфическими явлениями техники и культуры, которые, обогатив его, не лишили сопричастности стихии, его породившей. Человечество как биологическая форма – это единый вид с огромным количеством вариаций, распространившийся в последнюю эпоху по всей поверхности земного шара» [5, с. 13–14].

Точно так же как человек, являющийся членом социальных коллективов различного рода и уровня, одновременно имеет возраст, определя-

емый в самом общем виде воздействием гормонов, то же самое, полагает Гумилев, «можно сказать про долгоживущие коллективы, которые в социальном аспекте образуют разнохарактерные классовые государства или племенные союзы (социальные организмы), а в природном – этносы (народности, нации). Несовпадение тех и других очевидно» [5, с. 48]. Таким образом, при «обобщении материала в единый доступный наблюдению и изучению комплекс (историческая география) мы обязаны рассматривать его в двух ракурсах – со стороны социальной и со стороны природной. В первом ракурсе мы увидим политические партии, философские школы и т.п.; во втором – этносы, т.е. коллективы людей, возникающие и рассыпающиеся за относительно короткое время, но имеющие в каждом случае оригинальную структуру, неповторимый стереотип поведения и своеобразный ритм, имеющий в пределе гомеостаз» [5, с. 49].

Главное здесь различать области природного и социального, в которых действуют разные закономерности. Социальные и природные ритмы не совпадают («если мы просмотрим всю мировую историю, то заметим, что совпадения смены формаций и появления новых народов – всего лишь редкие исключения, тогда как в пределах одной формации постоянно возникают и развиваются этносы, очень не похожие друг на друга» [5, с. 37]). «Характер этногенеза существенно отличается от ритмов развития социальной истории человечества» [5, с. 8]. В общем здесь мы имеем дело с различными, хотя и пересекающимися причинными рядами: «Очевидно, что социальные и природные явления не идентичны, но имеют где-то точку соприкосновения» [5, с. 35].

Гумилев полагает, что научной задачей является найти и определить эту «точку соприкосновения», причем «это не может быть антропосфера в целом» [5, с. 35]. Он пишет: «Даже если понимать антропосферу как биомассу, то необходимо отметить две стороны явления: а) мозаичность, ибо разные коллективы людей по-разному взаимодействуют с окружающей средой; если же учесть хорошо известную историю последних пяти тысяч лет, то это разнообразие и выяснение его причин окажутся ключом к поставленной проблеме; б) многогранность изучаемого предмета – человечества. Это надо понимать в том смысле, что каждый человек (или человечество в целом) является и физическим телом, и организмом, и верхним звеном како-

либо биоценоза, и членом общества, и представителем народности, и т.п.» [5, с. 35]. Дисциплинарная структура современной науки позволяет и предполагает методологическое различие для ясного и отчетливого познания («корректное каузальное сведение» является необходимым условием последующего синтетического представления): «В каждом из перечисленных примеров предмет (в данном случае человек) изучается соответствующей научной дисциплиной, что не отрицает других аспектов исследования» [5, с. 35].

Этнос, по Гумилеву, как раз является искомой точкой соприкосновения природного и социального. В этногенезе «в единой мировой истории ритмы этногенеза сопряжены с пульсом социального развития, но сопряжение не означает совпадения, а тем более единства. Факторы процесса истории различны» [5, с. 37]. Задача научного исследования, которая в данном случае называется Гумилевым анализом, «заключается в том, чтобы выделить в нем феномены, непосредственно присущие этногенезу, и тем уяснить себе, что такое этнос и какова его роль в жизни человечества» [5, с. 37–38].

Мы имеем возможность, вследствие развития научных представлений и накопления материала, сопоставить динамику природных процессов с историческими событиями, не смешивая их: «Биоценология показала, что человек входит в биоценоз ландшафта как верхнее завершающее звено, ибо он – крупный хищник и как таковой подвластен эволюции природы, что отнюдь не исключает наличия дополнительного момента – развития производительных сил, создающих техносферу» [5, с. 36]. Различие между биосферой и техносферой Гумилев считает принципиальным: первая может восстанавливаться и расти, видоизменяться, вторая – только разрушаться. Более того, «как бы ни была развита техника, все необходимое для поддержания жизни люди получают из природы. Значит, они входят в трофическую цепь как верхнее, завершающее звено биоценоза населяемого ими региона. А коль скоро так, то они являются элементами структурно-системных целостностей, включающих в себя, наряду с людьми, domestikаты (домашние животные и культурные растения), ландшафты как преобразованные человеком, так и девственные, богатства недр, взаимоотношения с соседями – либо дружеские, либо враждебные, ту или иную динамику социального развития, а также то или иное сочетание языков

(от одного до нескольких) и элементов материальной и духовной культуры. Эту динамическую систему можно назвать этноценозом» [5, с. 8]. И, добавим от себя, никакая цифровая экономика информационного общества не изменит существенно этого обстоятельства (хотя высказываются и другие мнения относительно этого).

Итак, «формой существования вида *Homo sapiens* является коллектив особей, противопоставляющий себя всем другим коллективам. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени, что и составляет проблему этногенеза. Все такие коллективы более или менее разнятся между собой, иногда по языку, иногда по обычаям, иногда по системе идеологии, иногда по происхождению, но всегда по исторической судьбе. Следовательно, с одной стороны, этнос является производным от исторического процесса, а с другой – через производственную деятельность – хозяйство, связан с биоценозом того ландшафта, в котором он образовался» [5, с. 46–47]. «Мозаичная антропосфера, постоянно меняющаяся в историческом времени и взаимодействующая с ландшафтами планеты Земля, – не что иное, как этносфера. Поскольку человечество распространено по поверхности суши повсеместно, но неравномерно и взаимодействует с природной средой Земли всегда, но по-разному, целесообразно рассматривать его как одну из оболочек Земли, но с обязательной поправкой на этнические различия. Таким образом, мы вводим термин “этносфера”. Этносфера, как и прочие географические явления, должна иметь свои закономерности развития, отличные от биологических и социальных. Этнические закономерности просматриваются в пространстве (этнография) и во времени (этногенез и палеогеография антропогенных ландшафтов)» [5, с. 39].

Анализ представления этноса, предложенного Л.Н. Гумилевым, не является специальной задачей нашего исследования. Сказанного по существу достаточно для того, чтобы использовать концепцию Гумилева в качестве идеального типа (или идеально-типической модели) этноса, принципиально противоположной и целиком неприемлемой для представления этноса в либеральной версии экономической парадигмы, в горизонте либеральной метафизики. Однако обозначим еще те элементы, которые (все вместе или по отдельности) составляют этнос (и черты, характеристики, параметры – атрибуты его понятия), но ни один из которых не опреде-

ляет его сущность. Это имеет значение для понимания критики этноцентризма и натурализма, которым озабочены модернистские теории нации.

Во-первых, как мы уже писали, этнос нельзя интерпретировать как социальную общность. В первую очередь он не определяется через характер общественного производства, не соотносим с классами, и тем более – не детерминирован экономически. Гумилев указывает на в общем-то всем известные обстоятельства, которые почему-то в данном случае принимаются в расчет с оговорками (особенно это касается современных марксистов, например И. Валлерстайна и Э. Балибара [7], сводящих современные расовые и этнические конфликты *в конечном счете* к классовым). Итак, «как известно, классы – это социально-исторические категории. В доклассовом обществе их аналогом являются племенные или родовые союзы, например кланы у кельтов. В широком смысле понятие “социальная категория” может быть распространено на устойчивые институты, например государство, церковную организацию, полис (в Элладу) или феод. Но каждому знающему историю известно, что подобные категории совпадают с границами этносов лишь в редчайших случаях, т.е. прямой связи тут нет» [5, с. 49].

И в целом экономика, по общему мнению, ломает национальные границы и «при наличии общеевропейского рынка, однородной техники, схожести образования в разных странах и легкого изучения соседних языков, в Европе XX в. этнические различия должны стираться» [5, с. 50]. Но «на самом деле» «ирландцы уже отпали от Великобритании, не пожалев сил на изучение своего древнего и почти забытого языка. Претендуют на автономию Шотландия и Каталония, хотя за последние 300 лет они не считали себя угнетенными. В Бельгии фламандцы и валлоны, до сих пор жившие в согласии, начали бешеную борьбу, доходящую до уличных драк между студентами обоих этносов» [5, с. 50]. Таким образом, «поскольку в древности тоже наблюдается лишь случайное совпадение общественно-политических и этнических пиков (или спадов), то очевидно, что мы наблюдаем интерференцию двух линий развития или, говоря языком математики, двух независимых переменных. Не заметить этого можно только при очень сильном желании» [5, с. 50]. Такое желание есть, оно неодолимо и *детерминировано*, и следует выяснить, как.

Во-вторых, культура в целом и язык в особенности также не являются достаточными для этноса. И.Г. Фихте именно в языке видел сущность нации, но нация – не этнос [12]. Гумилев утверждает, что если попытаться «раскрыть природу зримого проявления наличия этносов – противопоставления себя всем остальным: “мы” и “не-мы”», то его «рождает и питает» «не единство языка». «Ибо есть много двуязычных и триязычных этносов и, наоборот, разных этносов, говорящих на одном языке» [5, с. 50]. Он приводит множество примеров и заключает: «Поскольку целостность народности не нарушалась, надо сделать вывод, что дело не в языке» [5, с. 51]. Таким образом, «хотя в отдельных случаях язык может служить индикатором этнической общности, но не он ее причина» [5, с. 51]. Самый характерный пример, приводимый Гумилевым, следующий: «Турки были этносом, но молодой солдат слушал команду по-турецки, беседовал с матерью по-польски, а с бабушкой по-итальянски, на базаре торговался по-гречески, стихи читал персидские, а молитвы – арабские. Но он был османом, ибо вел себя, как подобало осману, храброму и набожному воину ислама» [5, с. 52].

В-третьих, этнос не определяется культурой, и «сведение этногенеза к “языково-культурным процессам” искажает действительность, умаяя степень сложности этнической истории...» [5, с. 57]. Серия примеров, приводимых Гумилевым из истории Византии, Исламского мира, Индии, подтверждают это.

В общем культурные и социальные факторы имеют значение, но не решающее для формирования этноса: «Сикхи стали этносом на основе религии, монголы – на основе родства, швейцарцы – вследствие удачной войны с австрийскими феодалами, спаявшей население страны, где говорят на четырех языках. Этносы образуются разными способами» [5, с. 54]. Заключение, отметим, почти совпадающее с модернистской критикой примондиализма.

Не является определяющим и ни один природный фактор, взятый в отдельности, ни даже их совокупность.

Во-первых, влияние географической среды, ландшафта на этногенез очевидно («связь этнической культуры с географией несомненна» [5, с. 38]), однако «ею нельзя исчерпывать всю сложность взаимоотношений многообразных явлений природы с зигзагами истории этносов»

[5, с. 38–39]. «Сложившись в определенном регионе, где приспособление к ландшафту было максимальным, этнос при миграции сохраняет многие первоначальные черты, которые отличают его от этносов-аборигенов» [5, с. 39]. Гумилев подчеркивает, что «изменение условий существования» «иной раз влияет настолько сильно, что образуются новые признаки и создаются новые этнические варианты» [5, с. 62].

«Этносы всегда связаны с природным окружением благодаря активной хозяйственной деятельности. Последняя проявляется в двух направлениях: приспособлении себя к ландшафту и ландшафта к себе. Однако в обоих случаях мы сталкиваемся с этносом как с реально существующим явлением, хотя причина возникновения его ясна. Да и не надо сводить все многообразие изучаемой темы к чему-либо одному. Лучше просто установить роль тех или иных факторов. Например, ландшафт определяет возможности этнического коллектива при его возникновении, а новорожденный этнос изменяет ландшафт применительно к своим требованиям. Такое взаимное приспособление возможно лишь тогда, когда возникающий этнос полон сил и ищет для них применения. А затем наступает привычка к создавшейся остановке, которая для потомков становится близкой и дорогой» [5, с. 59], что еще раз подтверждает утверждение, что «этногенез – процесс не социальный, ибо спонтанное развитие социосферы лишь взаимодействует с природными явлениями, а не является их продуктом» [5, с. 59].

Географическая среда влияет на способ хозяйствования, миграции, взаимоотношения с соседями, а «характер трудовых процессов, потребление, войны, создание государства или падение его – такие же объекты этнографического исследования, как и свадебные обряды или ритуальные церемонии. А изучение народов в фазах их развития и в противопоставлении себя соседям немислимо без учета географической среды» [5, с. 56]. Но географическая среда – лишь один из факторов этногенеза, и не следует этнологию заменять экономической географией и демографией [5, с. 56].

Этнос также не имеет жесткой привязки к тому, что называется расой: «Столь же неверно приравнивать этнос к биологическим таксономическим единицам: расе и популяции. Расы отличаются друг от друга физическими признаками, не имеющими существенного значения для жизнедеятельности человека. Популяция –

это совокупность особей, населяющая определенную территорию, где они осуществляют свободное скрещивание, будучи отделены от соседних популяций той или иной степенью изоляции. Этнос, по предложенному нами пониманию, – коллектив особей, имеющий неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос – это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям» [5, с. 56–57].

Наконец, по Гумилеву, «большинство крупных народов имеет несколько этнографических типов, составляющих гармоничную систему, но весьма разнящихся между собой как во времени, так и в социальной структуре». «Поморы, питерские рабочие, староверы в Заволжье, сибирские золотоискатели, крестьяне лесных и крестьяне степных губерний, казаки донские и казаки уральские были внешне совсем не похожи друг на друга, но народного единства это не разрушало, а близость по быту, скажем, гребенских казаков с чеченцами их не объединяла» [5, с. 54].

Итак, «проблема этногенеза» помещается Гумилевым «на стыке трех наук: истории, географии (ландшафтоведения) и биологии (экологии и генетики)» [5, с. 31], «а коль скоро так, то можно дать приближение определения термина “этнос”: этнос – специфическая форма существования вида *Homo sapiens*, а этногенез – локальный вариант внутривидового формообразования, определяющийся сочетанием исторического и хоронимического (ландшафтного) факторов» [5, с. 31].

Модернистские и постмодернистские теории этноса и нации; этнические нации и этническое фреймирование

Постараемся выяснить существенные особенности представления этноса в модернистских и постмодернистских теориях нации и национального, жестко определенных экономической парадигмой политического [13] в горизонте господствующей в западном общественном знании либеральной метафизики [14], причем именно так, чтобы представить наглядно, т. е. реализовать то, что со времен Декарта называется демонстрацией.

Исходным пунктом является рассуждение Калхуна, который определяет горизонт интер-

претации нации и национального: «С точки зрения современного Запада, индивиды существуют в себе и сами по себе: ни сети отношений, ни всеобъемлющая иерархия не являются основным источником идентичности. Эта современная идея индивида как локуса неразложимой идентичности – по крайней мере потенциально самодостаточной, самостоятельной и саморазвивающейся...» [15, с. 102].

Таким образом, главная задача либерального представления нации – выстроить его в перспективе принципиального индивидуализма, который выступает не только в качестве методологического принципа, но и императива либеральной идеологии [16]. Названный принцип фундирован кантовским понятием субъекта как разумного, свободного (самоопределяющегося), и морального лица [17]. Все прочие свойства индивида, приобретенные им исторически и социально, есть акциденции. Либеральная интерпретация кантовской философии предполагает потенциально бесконечную пластичность наборов подобных свойств, которые есть результат свободного выбора автономного индивида: естественные сообщества как остатки (или пережитки) в процессе самосознания и самоопределения снимаются (при необходимости этот процесс следует ускорить), – все сообщества должны стать свободными ассоциациями граждан, тождественных в отношении разума и различающихся в степени достигнутой разумности. Однако еще у Канта (на это последним обратил внимание С. Жижек [18]), в связи с его пониманием свободы возникает вопрос о возможности «сущего зла», и, как утверждает Жижек, Кант при всех колебаниях положительно решает вопрос о возможности самоопределения к злу.

Собственно говоря, идеальный тип этнической нации и является одним из способов реализации такой возможности. Во всяком случае именно так он представляется Л. Гринфельд [3] с оговоркой, что, разумеется, в действительности имеется лишь приближение к данному идеальному типу. Наиболее приближенными к идеальному типу этнической нации Гринфельд считает немцев и русских. Пример немцев особенно показателен, так как из этнического самоопределения Гринфельд выводит появление нацизма и связанные с ним преступления. Субъектом этнического самоопределения, определившим процесс нацистроительства немецкой нации, Гринфельд считает группу интеллектуалов, не-

устроенных в социальном отношении и стремящихся эту ситуацию исправить. Но главное ею производится моральное вменение так определенному субъекту рессентимента, чем определено нациестроительство «немецкой нации» (в отношении «передового Запада») и его дефекты почти непосредственно рассматриваются как причины последующих преступлений.

Б. Як, один из последних исследователей, посвятивших свою работу рассмотрению нации в концептуальных рамках политической философии [19], также утверждает, что политический национализм, который он квалифицирует как одну из главных опасностей для современности, может быть представлен как извращение морального чувства. Например, он пишет, что фактический опыт национализма подводит нас к концептуализации национализма как «смеси идеологии и групповой лояльности, убеждений и настроений» [19, с. 200]. Национализм как социальный феномен «отличает не один только набор каких-то конкретных идей или чувств, а тот способ, каким он сочетает убеждения и настроения. Точнее говоря, национализм представляет собой смесь убеждений, придающих повышенную важность национальному сообществу, с чувствами особого попечения и лояльности к своей нации и ее членам» [19, с. 193]. Причем «одна из форм этой смеси, взрывоопасный состав из убеждений о политической легитимности и чувств лояльности к нации, уже разошлась по каждому уголку современного мира» [19, с. 193], и именно эта «злокачественная форма» национализма «представляет опасность».

И если «для образования националистических установок и поведения достаточно соединения чувств лояльности к нации с приверженностью к новой идее народного суверенитета» [19, с. 229], то социально опасным и морально неприемлемым он может стать, когда «свой отличительный характер национализм получает как раз таки благодаря сочетанию двух вещей, смеси какой-то конкретной формы социальной дружбы с убеждениями относительно его особой важности в нашей жизни. Новые убеждения о важности национального сообщества делают центром внимания и вливают энергию в общеразделяемую лояльность, которая в прошлом редко когда занимала очень высокое место в балансе человеческих страстей. А настроения групповой лояльности и коллективное предпочтение своего сообщества обеспечивают нацио-

налистическим принципам ту эмоциональную силу, мобилизующую и вовлекающую народные массы энергии» [19, с. 199]. Причем в случае, если вместе с «приверженностью к общим принципам или той интенсивностью, с которой выражается лояльность к нации» [19, с. 194], наличествует также и то, что «сочетание убеждений с настроениями мотивирует их стремиться к какому-то конкретному благу для членов их собственной нации» [19, с. 194]. Способность «помогать мобилизовывать население и порождать коллективную мощь, способность инспирировать и упрощать координацию деятельности больших количеств людей» [19, с. 483] сочетается в политически и морально неприемлемой националистической риторике с претензией на «наше особое внимание, каким образом они помогают группе представлять ее нужды и интересы» [19, с. 486; 20]).

Этот способ рассмотрения не акцентирует специально вопрос о характере *этничности*; представление об этничности как «природном феномене» – просто *нерелевантно* и даже просто, кажется, *неизвестно* (разумеется, «методически») авторам, рассуждения которых мы привели выше.

Однако этот способ критики «этнических наций» и национализма не является *основным* из представленных в литературе; относительно него есть влиятельное мнение, что «не существует никаких эмпирических критериев, позволяющих установить способность наций добиваться суверенитета, поддерживать сплоченность, оберегая себя от внутренних расколов, или очерчивать четкие границы, ссылаясь на единство культуры или ее особую древность» [15, с. 32]. Брубейкер также считает, что с самого первого шага в исследовании следует отказаться от (в других случаях конститутивного) жесткого различения (которое к тому же нельзя последовательно провести) между гражданскими нациями и этническими [21, с. 20–21]: «Национализм не поддается четкому разбиению на типы с ясно очерченными эмпирическими и моральными профилями» [21, с. 265]. Тем не менее Брубейкер не отказывается от него вовсе, полагая необходимым в аналитическом и прежде всего в нормативном исследовании, причем важнейшей задачей является «отделить работу по аналитическому упорядочению от деятельности по нормативному оцениванию» [21, с. 265]. Нормативное должно быть в любом случае сохранено в той степени, в какой мы заинтересо-

ваны в обосновании политических целей в отношении нации и национализма (а заинтересованность, повторим, здесь определяющая и в отношении научного познания тоже: никакое исследование не должно сколько-нибудь поколебать приверженность ценности свободного решения автономного индивида в неолиберальной трактовке) [22].

То есть даже при ясном понимании «отсутствия эмпирических критериев» нормативность должна удерживаться, – и именно как требование либеральной метафизики и либеральной идеологии.

Этнос, представленный как природный феномен, не может быть «результатом свободного рационального выбора», хотя, когда Гумилев описывает процесс этногенеза, он отмечает, что в самом начале дружина или ватага, которая затем может стать этносом, является свободной ассоциацией, – но в этногенезе снимается именно свобода. Итак, этнос может быть представлен как природный феномен либо как социальный феномен, и только в этом случае, в процессе социально-исторического развития, он включается в состав политической нации.

Такое, *необходимое в определенной перспективе* представление этноса четко фиксируется И. Валлерстайном [7]. Он в другой связи и в перспективе своего «обновленного марксизма» и теории мир-системы различает расу, нацию и этническую группу. Высказанные им определения в полной мере по сути действительны для любой разновидности либеральной теории нации. «Многообразные “сообщества”, к которым мы все принадлежим, чьих “ценностей” придерживаемся, по отношению к которым подтверждаем нашу “лояльность”; “сообщества”, определяющие нашу “социальную идентичность” – все они как один суть исторические конструкты» [7, с. 263]. Такие конструкты находятся в постоянной реконструкции; эти «лояльности, идентичности никогда не являются изначальными, так что любое историческое описание их структуры или их развития через века необходимо оказываются первичным образом определенными идеологией настоящего времени» [7, с. 263]. При этом, отмечает Валлерстайн, «категории, различающие социальные слои или социальные группы и применяемые в научном обиходе, многочисленны, зачастую пересекаются и остаются неясными. Мы сталкиваемся с такими терминами, как класс, каста, национальность, гражданство, этническая группа, племя,

религия, партия, поколение, разряд и раса. Не существует никаких строгих дефиниций – скорее наоборот. Лишь немногие авторы пытаются хотя бы соотнести эти термины между собою» [7, с. 221]. Однако минимальное общее согласие относительно соотношения расы, нации и этничности достигнуто: под расой можно разуметь генетически непрерывную группу, под нацией – историческую социально-политическую группу, под этносом (что особенно важно в связи с нашей постановкой вопроса) – культурную группу – именно «социальные категории» [7, с. 93].

Такое понимание еще более радикализируется в конструктивизме, когда Брубейкер представляет идентичность, группу, национальное как аналитические инструменты, что позволяет мыслить «групповость без групп», а нацию представлять как продукт «этнического фреймворка», лишенный эссенциальности и внутренней необходимости, т. е. не как понятие, но как дискурс, которому может быть противопоставлен конкурирующий дискурс, и «спор» таким образом разрешается в перспективе политической целесообразности, на основе властного решения, и должен получить институциональное опосредование, т. е. легальность.

Аргументы против «примордиализма» и «перенниализма» суммарно изложены у Э. Смита [23]. Он начинает с констатации: «Нельзя сказать, что нет никаких альтернативных великих нарративов, никаких конкурирующих парадигм, с позиций которых можно было бы осуществить более или менее радикальную критику модернизма» [23, с. 268]. Но, утверждает Смит, «несмотря на достаточную обоснованность многих критических работ такого рода, предложенным альтернативам до сих пор, как правило, не удавалось получить поддержку большинства исследователей данной области. Кроме того, основные послышки модернизма укоренены настолько, что даже те, кто, стремясь “преодолеть” их, подрывают и фрагментируют эти послышки, скорее отказываются от всяких попыток построения великих теорий, нежели предлагают альтернативу» [23, с. 268]. Затем Смит аргументированно подвергает критике «органические теории» наций, доказывая, что все называемые как «нациеобразующие» критерии/атрибуты недостаточны для объяснения (они «обозначаются» в результате каузального сведения, проведенного относительно представления действительной нации ко времени, «когда нации еще не было»: некий «концепт», реальность ко-

того постулируется, но действительность не может быть обнаружена); причем, упоминая об этносах как предшествующих образованию наций, он твердо придерживается понимания, представленного нами со ссылкой на Валлерстайна, как общепринятого, – сразу «отметая» любые возможности иначе понимать «этническое»: своеобразной границей, разделяющей «допустимое» от «немыслимого» и «неприемлемого» является представление нации И.Г. Фихте, т. е. «культурная интерпретация» [16].

Выводы

Различение этноса и нации проводится последовательно, вне зависимости от различных способов представления; но в экономической парадигме либеральной метафизики как гражданской ассоциации на основе свободного выбора самоопределяющегося автономного индивида предполагает представление этноса как социальной общности: только так этнос можно «встроить» в нацию. Здесь аргументация выстраивается в перспективе уже принятого решения, которое раскрывает возможность определенного объяснения этничности, создает принципиальное содержание дискурсов об этничности, обуславливает оценки этнической составляющей: политическое решение является условием возможности «нормативно правильного» представления этноса в модернистских теориях и обеспечивает его научную объективность – в границах выбранной парадигмы.

Последовательное проведение методологического принципа индивидуализма обуславливает радикализацию модернистского представления в направлении снятия «остатков» (в значении термина, приданного ему В. Парето) природности и естественности в представлении как нации, так и этноса: задача, последовательно решаемая конструктивистскими теориями нации; этничность интерпретируется здесь как этническая фреймированность [24].

В той степени, в какой процедура редукции природного и естественного (их следует также различать: если природное исключено сразу, то естественность, определенная через культуру, является предметом критики) к индивидуальным интересам, культурным особенностям, социально-историческим общностям не доводится до конца, – прибегают к моральной оценке и дисквалификации этнического как недопустимой политизации этнического.

Представление этноса как природного феномена абсолютно исключается, маргинализируются любые проявления такого, заранее объявленного антинаучным подхода (как правило, посредством именно политической дисквалификации); этнический конфликт должен быть либо представлен посредством разукрупнения и фрагментации, как этнически-фреймированный конфликт частных групповых (социальных) и индивидуальных интересов, либо как проявление национализма. Весь комплекс проблем, связанный с взаимоотношениями этносов как природно-исторических феноменов и с этногенезом, как они представлены у Л.Н. Гумилева, – не представимы в модернистских теориях: речь не идет о правомерности или неправомерности игнорирования, но именно о том, что в экономической парадигме просто нет ни места, ни необходимых для этого способов представления. Даже в тех случаях, когда этнический конфликт приводит к войне, геноциду, этническим чисткам, схема интерпретации остается прежней, варьируются только способы реагирования (концепция новой войны как полицейской операции, выдвинутая М. Калдор в связи с новым осмыслением насилия в бывшей Югославии и на Ближнем Востоке также жестко вписана в обозначенный концептуальный каркас [4, 25].

Сказанное выше не является ни недостатком, ни следствием произвольных предпочтений, – но необходимостью представления нации и этноса в концептуальных рамках, заданных в либеральной метафизике.

Литература

1. Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2020. № 4 (208). С. 4–14.
2. Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24–31.
3. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
4. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80.
5. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ: Астрель, 2006. 510 с.

6. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.

7. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М. : Логос, 2004. 288 с.

8. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб. : Наука, 1997. 532 с.

9. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Избр. произв. М. : Прогресс, 1990. С. 416–494.

10. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избр. произв. М. : Прогресс, 1990. С. 345–415.

11. Дильтей В. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1 : Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. 760 с.

12. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб. : Наука, 2009. 350 с.

13. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб. : Изд-во Ин-та Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.

14. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Понятие политического. СПб. : Наука, 2016. С. 93–170.

15. Калхун К. Национализм. М. : Территория будущего, 2006. 288 с.

16. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Модернистский и конструктивистский способы концептуализации нации и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 273–291.

17. Кант И. Критика практического разума // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 311–504.

18. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М. : Дело РАНХиГС, 2014. 528 с.

19. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 520 с.

20. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Моральный курс нации и национализма в горизонте либеральной парадигмы политического // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 42–52.

21. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

22. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430–434.

23. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. : Праксис, 2004. 270 с.

24. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Категоризация, фреймирование, дискурсивная формация: к вопросу о способах интерпретации нации и национального в горизонте порядка суверенных наций-государств // Kant. 2020. № 3 (36). С. 145–156.

25. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л., Ломако Л.Л., Мальцева А.В. Понятие политического и мировой беспорядок: перспективы согласия, войны и глобального имперского порядка. Кн. 2 : Генезис мирового имперского порядка в экономической парадигме политического. Белгород : Изд-во БГТУ, 2020. 752 с.

References

1. Alaverdyan A.L., Maltsev K.G. (2020). Sociological-historical discourse of the nation: method and structure. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki (Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science)*, No. 4 (208), pp. 4-14. (in Russian).

2. Alaverdyan A.L., Maltsev K.G. (2020). "Civil nation" and a sovereign people: research into the need for a national form of political unity. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, No. 5 (114), pp. 24-31. (in Russian).

3. Grinfel'd L. (2012). *Nationalism. Five paths to modernity*. Moscow, PER SE Publ., 528 p. (in Russian).

4. Lomako L.L., Maltsev K.G. (2020). A few comments on the "novelty" of the "new war" discourse: "innovation" and tradition. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, No. 4, pp. 70-80. (in Russian).

5. Gumilyov L.N. (2006). *Ethnogenesis and the Earth's biosphere*. Moscow, AST: Astrel Publ., 510 p. (in Russian).

6. Beck U. (2008). *Cosmopolitan worldview*. Moscow, Center for Research on Post-Industrial Society Press, 336 p. (in Russian).

7. Balibar E., Wallerstein I. (2004). *Race, nation, class. Ambiguous identities*. Moscow, Logos Publ., 288 p. (in Russian).

8. Rickert G. (1997). *Borders of natural science education of concepts*. St. Petersburg, Nauka Publ., 532 p. (in Russian).

9. Weber M. (1990). Critical research in the field of logic of cultural sciences. *Selected works*. Moscow, Progress Publ., pp. 416-494. (in Russian).

10. Weber M. (1990). "Objectivity" of socio-scientific and socio-political knowledge. *Selected works*. Moscow, Progress Publ., pp. 345-415. (in Russian).

11. Dilthey V. (2000). *Collected works*: in 6 vol. Vol. 1. Introduction to the sciences of the spirit: The experience of laying the foundations for the study of society and history. Moscow, House of Intellectual Books, 760 p. (in Russian).
12. Fichte I. G. (2009). *Speech to the German nation*. St. Petersburg, Nauka Publ., 350 p. (in Russian).
13. Agamben J. (2018). *Kingdom and Glory. To theological genealogy of economics and management*. Moscow, St. Petersburg, Gaidar Institute Press, Faculty of Liberal Arts and Sciences Press, St. Petersburg State University, 552 p. (in Russian).
14. Schmitt K. (2016). Spiritual and historical state of modern parliamentarism. *The concept of the political*. St. Petersburg, Nauka Publ., pp. 93-170. (in Russian).
15. Calhoun K. (2006). *Nationalism*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 288 p. (in Russian).
16. Lomako L.L., Maltsev K.G. (2020). Modernist and constructivist ways of conceptualizing the nation and nationalism: a comparative analysis. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, No. 3, pp. 273-291. (in Russian).
17. Kant I. (1965). Critique of practical reason. *Works*: in 6 vol. Moscow, Mysl' Publ., vol. 4, part 1, pp. 311-504. (in Russian).
18. Zizek S. (2014). *A delicate subject: the absent center of political ontology*. Moscow, Delo RANEPА Publ., 528 p. (in Russian).
19. Yak B. (2017). *Nationalism and moral psychology of the community*. Moscow, Gaidar Institute Press, 520 p. (in Russian).
20. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. (2020). Moral discourse of the nation and nationalism in the horizon of the liberal paradigm of the political. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, No. 6, pp. 42-52. (in Russian).
21. Brubaker R. (2012). *Ethnicity without groups*. Moscow, Higher School of Economics Press, 408 p. (in Russian).
22. Lomako L.L., Maltsev K.G. (2020). Constructivist paradigm in the study of nation, nationalism, ethno-national conflict: some critical remarks. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, No. 8 (147), pp. 430-434. (in Russian).
23. Smith E. (2004). *Nationalism and Modernism: A Critical Review of Contemporary Theories of Nations and Nationalism*. Moscow, Praxis Publ., 270 p. (in Russian).
24. Lomako L.L., Maltsev K.G. (2020). Categorization, framing, discursive formation: on the question of how to interpret the nation and the national in the horizon of the order of sovereign nation-states. *Kant*, No. 3 (36), pp. 145-156. (in Russian).
25. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L., Lomako L.L., Maltsev A.V. (2020). *The concept of political and world disorder: perspectives of harmony, war and global imperial order*. Book 2. Genesis of the world imperial order in the economic paradigm of the political. Belgorod, BSTU Press, 752 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

1 апреля 2021 г. / April 1, 2021

УДК 1:3+1:93

doi 10.18522/2687-0770-2021-2-17-22

РОЛЬ ДЕЯТЕЛЕЙ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ДЕЛЕ ОБОСНОВАНИЯ НАЦИЗМА

© 2021 г. Г.Э. Ирицян ^а

^а Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве России,
Новороссийск, Россия

THE ROLE OF THE “CONSERVATIVE REVOLUTION” ACTIVISTS IN THE SUBSTANTIATION OF NAZISM

G.E. Iritsyan ^а

^а Novorossiysk branch of the Financial University under the Government of Russia,
Novorossiysk, Russia

Ирицян Гурген Эдмондович –
доктор философских наук, доцент,
профессор, кафедра информатики,
математики и гуманитарных наук,
Новороссийский филиал Финансового
университета при Правительстве России,
ул. Видова, 56, г. Новороссийск,
353907, Россия.
E-mail: Girits@yandex.ru

Gurgen E. Iritsyan -
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor, Department of Computer Science,
Mathematics and Humanities Science,
Novorossiysk branch of the Financial University
under the Government of Russia,
Vidova Str., 33, Novorossiysk,
353907, Russia.
E-mail: Girits@yandex.ru

Проводится сравнительный анализ идей значимых представителей «консервативной революции» и основных положений нацистской идеологии. «Консервативная революция» являла собой философское и политическое движение в Германии 20–30-х гг. прошлого века. Представители этого течения, пытаясь найти выход из системного кризиса немецкой республики, видели его в необходимости «революции справа». Используется аналитический метод в процессе изучения текстов некоторых «консервативных революционеров» и современных экспертов в данной области. Сопоставляются идеи правых интеллектуалов с основными положениями нацизма. Ряд маститых немецких мыслителей, таких как О. Шпенглер, А. Мёллер ван ден Брук, Э. Юнгер и некоторые другие, теоретически обосновали гегемонистские, антилиберальные и авторитарные тенденции в идеологии и политике Третьего рейха. Многие из того, что было в пропагандистском арсенале национал-социалистов, обнаруживается у представителей «консервативной революции».

Ключевые слова: «консервативная революция», Третий рейх, нацистская идеология.

The purpose of this work is the comparative analysis of the ideas of the important representatives of the “conservative revolution” and the main provisions of the Nazi ideology. The “conservative revolution” was a philosophical and political movement in Germany in the 20-30s of the last century. Representatives of this trend, trying to find a way out of the systemic crisis of the German Republic, saw it in the need for a “revolution on the right”. Using the analytical method in the process of studying the texts of some conservative revolutionaries, as well as comparing the ideas of the latter with the main provisions of Nazism, allows us to draw the following conclusion. A number of venerable German thinkers such as O. Spengler, A. Moeller van den Bruck, E. Junger, and some others have done serious theoretical work on the justification of hegemonic, anti-liberal and authoritarian tendencies in the ideology and politics of the Third Reich. Much of what was in the propaganda Arsenal of the national socialists is found in the representatives of the “conservative revolution”.

Keywords: “conservative revolution”, the Third Reich, Nazi ideology.

Немецкое государство в начале 30-х гг. прошлого века подпало под власть нацистов во главе с фюрером Адольфом Гитлером. Мотивируемые реваншистскими настроениями после поражения в Первой мировой войне и от-

вергавшие основные положения Версальского мирного договора, национал-социалисты Германии спешно восстанавливали былую экономическую, политическую и военную мощь своего государства. В первые годы своего правле-

ния нацисты были достаточно скромны в отношении масштабов своих будущих «свершений». Как заявлял Йозеф Геббельс в 1933 г. сразу после прихода Гитлера к власти, «национал-социализм – это совершенно немецкий феномен. Это можно понять только в рамках немецких условий и сил» [1]. Но позже аппетиты разгорелись, и без ложной скромности немецкие национал-социалисты объявили своей целью мировую гегемонию Третьего рейха, подкрепив все это учением о превосходстве арийских народов над прочими. Руководители НСДАП провозгласили необходимость расширения жизненного пространства для своего народа, разделив сферы влияния с союзниками. Население завоеванных стран, согласно замыслам фашистов, должно было быть частично уничтожено, а частично использовано в качестве бесплатной рабочей силы. Подобные, чудовищные по своему содержанию, планы в целом вписывались в общую идеологию национал-социалистов, разработанную ими еще в 20–30-е гг., и определенный вклад, по нашему мнению, в это дело внесло общественно-политическое движение «консервативная революция».

Попытаемся определить и уточнить роль «консервативных революционеров» в деле разработки нацистской идеологии. Представляется, что окончательная точка в этом вопросе еще не поставлена. Актуальным является выяснение вопроса о том, насколько идеологи «консервативной революции» могли нести моральную ответственность за своё вольное или невольное пособничество в обосновании преступной идеологии и практики нацизма.

Течение «консервативная революция» возникло в Германии на волне кризиса 1918–1919 гг., во многом обусловленного поражением Германии в Первой мировой войне [2, с. 101]. Это было прежде всего интеллектуальное течение и существовало оно в пространстве германского послевоенного национализма [3, с. 29]. Как пишет О.Э. Терехов, «“консервативная революция” была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера. К числу характерных черт “консервативной революции” обычно относят: национализм, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле “немецкого (прусского) соци-

ализма”, идею корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против Веймарской республики» [4, с. 5–6].

А.Ф. Филиппов указывает на то, что «консервативные революционеры – это те, кто настроен против капитализма и либерализма, но также и против интернационалистского социализма, кто придает большое значение таким категориям, как “народ” и “народный дух”, кто ставит государство выше общества» [5, с. 103].

Лидеры «консервативной революции» отказывались от рационализма и тяготели к тотальной мифологизации политической и духовной жизни германского народа. «Консервативные революционеры» создавали свое, оторванное от действительности мироустройство, в котором гармонично переплетаются немецкая душа, сильное немецкое государство и дух времени в качестве главного ориентира развития социума [6, с. 82]. Главным врагом «консервативных революционеров» становится либерализм, который, по их мнению, навязан англичанами и совершенно чужд духу германского народа. Один из лидеров новых консерваторов Артур Мёллер ван ден Брук написал эссе с недвусмысленным названием «В либерализме гибнут народы».

К числу ярких представителей «консервативной революции» относят Освальда Шпенглера, Артура Мёллера ван ден Брука, Карла Шмитта, Эдгара Юлиуса Юнга, Ханса Фрайера, Эрнста Юнгера и ряд других деятелей консерватизма в Веймарской республике.

Маститый немецкий философ начала XX в. О. Шпенглер стал значимым идеологом «консервативной революции». Он изложил идеи, ставшие основой политической программы «консервативной революции». Шпенглер полагал, что формы политического и социального устройства определенного народа невозможно эффективно транслировать другим, так как они вписаны в плоть и кровь нации, отражают её суть, являясь природными и врожденными. Он утверждал, что в реальности нация никогда не выбирает определенные формы правления и идеологии. Это все только внешние покровы, а не сущность. То, что запечатлено в конституции, само по себе не имеет никакого значения. В действительности важно только то, что использует из всего этого народный инстинкт [7, с. 30].

Народный инстинкт у немцев представляет собой тяготение к социалистическому устройству общества, социализм должен быть в крови народа, его невозможно навязать или привить.

Шпенглер заявляет претензию на монополию на социализм: «Мы, немцы, социалисты и были бы ими даже в том случае, если бы о социализме никогда ничего не говорилось. Другие народы не могут быть социалистами [7, с. 9].

Важной для обоснования «прусского социализма» у Шпенглера является идея о том, что немецкий народ – это народ труженик, типичными признаками которого представляются дисциплина и иерархическое соподчинение. «Каждый истинный немец – рабочий. Таков стиль его жизни» [7, с. 19]. Из данной характеристики германцев следует, что последние тяготеют к социализму, так как социализм делается рабочими и для рабочих. Коль скоро любой немец по своей природе труженик-рабочий, то нация рабочих и есть социалистическая нация. Идею Шпенглера о немце как рабочем и социалисте подхватили более молодые представители «консервативной революции», в частности А. Мёллер ван ден Брук и Э. Юнгер.

А. Мёллер ван ден Брук – автор концепции Третьего рейха, изложенной им в одноименном произведении, вышедшем в 1923 г. Как известно, нацисты переняли у последнего название империи «Третий рейх», хотя официально использовали его не всегда, а также заимствовали соединение национализма и социализма. Вслед за Шпенглером А. Мёллер ван ден Брук развивал идею национального социализма. С ним он и связывал создание будущего государства, полагая, что социализм может выступить её основой. По его мысли, «каждый народ имеет свой собственный социализм», способный обеспечить политическое возрождение государства [8, с. 85]. В его понимании пролетариат не являлся особой социальной группой, так как любой немец по своей природе есть работник и представитель героического типажа, а не торгашеской души как у англичан или американцев. Социализм немцев естествен и представляет собой добровольное сотрудничество предпринимателя и рабочего, которых объединяют общие национальные ценности [9, с. 130].

Существует мнение, что прямой ответственности А. Мёллер ван ден Брук за свои протофашистские идеи не несет, так как его программа имела несколько другое наполнение по сравнению с нацистской [8, с. 5]. Кроме того от сотрудничества с Гитлером А. Мёллер ван ден Брук, как известно, отказался. Лейтмотивом идеологии последнего является критика либеральной демократии. Современный немецкий

исследователь С. Маас полагает, что довольно расплывчатое теоретизирование Мёллера ван ден Брука нельзя отождествлять с национал-социализмом НСДАП [8, с. 75]. В то же время немецкого консерватора вполне можно обвинить в последовательном «германоцентризме» и приписывании немцам некой сверх национальной миссии, predeterminedенной их якобы уникальными ценностями, которых нет «ни в одной другой стране» [9, с. 125–126]. Эти ценности, объединяющие немцев, могут реализоваться только в могущественном государстве, которое и будет Третьим рейхом, полагал А. Мёллер ван ден Брук.

Достаточно обстоятельно и глубоко вышеобозначенную тематику разработал Э. Юнгер. Он унаследовал антилиберальный и антидемократический настрой Шпенглера, также свойственный нацистам, разрабатывая свой проект тотальной мобилизации общества и диктатуры рабочего. «Господство, то есть преодоление анархических пространств посредством нового порядка, возможно сегодня только как репрезентация гештальта рабочего, выдвигающего притязание на планетарную значимость [10, с. 291], заявлял Юнгер в 1932 г. Как отмечает М.А. Гузикова, «основные мотивы, конституирующие юнгеровскую философию “тотальной мобилизации”, – это война, техника и отрицание ценностей Просвещения: рационализма и персонализма, кульминирующая в отрицании бюргерского миропорядка» [11, с. 40].

Юнгеру представляется картина тотального государства с харизматическим вождем во главе, причем германцам подчиняются прочие нации, так как государство выходит далеко за рамки своего народа, охватывая огромные просторы, превращаясь в империю. В конечном итоге «репрезентативность юнгеровского проекта “тотальной мобилизации” очевидна. Тоталитарные режимы провели мобилизацию масс; рабочий, герой труда стал основным носителем идеалов большевизма и национал-социализма» [11, с. 141–142].

Характерной чертой идеологии «консервативной революции» было стремление к тотальной милитаризации общества и связанная с ним идея о войне как естественном и необходимом явлении в жизни человечества. О. Шпенглер по этому поводу писал: «Все, что по своей внутренней сущности стало человеком или человеческим творением, жертвует человеком. Идеи, вошедшие в кровь, в свою очередь требуют кро-

ви. Война есть вечная форма проявления высшего человеческого бытия, и государства существуют ради войны» [7, с. 85]. Э. Юнгер рассматривал войну как важную часть гигантского процесса работы и мобилизации всех общественных ресурсов. «Тотальная мобилизация» была возможна в «тотальном» государстве. Модель такого государства была создана К. Шмиттом» [11, с. 79].

Идею войны как природной необходимости и сущности человеческого общества культивировал еще один представитель «консервативной революции» Х. Фрайер [5]. На первых порах он открыто поддерживал фашистский режим в Германии, но чем дальше, тем больше в нем разочаровывался. В конечном итоге самим лидерам НСДАП больше уже были не нужны столь интеллектуально одаренные попутчики вроде «консервативных революционеров». В то же время вождистский и милитаристский посыл последних в полной мере был использован нацистами.

А. Гитлер в одной из своих речей, произнесенных в 1937 г., говорил: «Основной план Национал-социалистической программы состоит в том, чтобы упразднить либеральную концепцию личности и марксистскую концепцию человечества и заменить это на народную общность, укорененную в почве и связанную узами общей крови» [12]. Очевидно, что под данной «программой» подписались бы многие представители «консервативной революции», и понятно, что эти идеи были заимствованы у последних.

Исследователи, занимающиеся данной проблемой, разделились на два лагеря. Одни, как например А.В. Михайловский, соглашаются с Х. Арентдт, писавшей в отношении «консервативных революционеров»: «то, что эти безрассудные дети XX века делали или не делали, не имело никакого влияния на тоталитаризм, хотя оно и играло некоторую роль в ранних успешных попытках таких движений заставить внешний мир воспринимать их учения серьезно» [13]. О.Э. Терехов также считает, что движение «консервативной революции» не следует смешивать с нацизмом [14]. К числу защитников «консервативной революции» можно отнести А.М. Руткевича [15] и западного исследователя Р. Вудса [16].

Ко второй группе исследователей, более строго оценивающих деятельность «консервативных революционеров», мы относим С.В. Ар-

тамошина, который полагает, что «творческое наследие теоретиков “консервативной революции” способствовало адаптации нацистского учения в германском обществе и приходу фашистов к власти» [6, с. 96]. С. Маас отмечает что «косвенное участие Консервативной революции в захвате власти НСДАП нельзя отрицать», но когда нацисты показали истинную свою сущность, развернув антигуманную деятельность, то в рядах представителей «консервативной революции» «быстро воцарилось неудовольствие» [8, с. 81]. Согласно А.Ф. Филиппову, «в веймарской Германии консервативные революционеры не сливались с нацистами, но считается, что они “расчистили дорогу нацизму” в духовно-политической сфере» [5, с. 103], а в целом, по мнению последнего, «Консервативная революция начинала с огромных надежд и кончила ужасными катастрофами, после которых уже не смогла оправиться» [5, с. 142]. М.А. Гузикова считает, что движение «консервативных революционеров» имеет прямое отношение к деятельности нацистов и, следовательно, несет определенную ответственность за свои антигуманные идеи [11]. Наиболее жесткую позицию занимают А.Б. Галкин и П.Ю. Рахшмир. По их мнению, «...идеологический арсенал, который был использован германскими фашистами для завоевания влияния на массы, утверждения своего политического господства в стране, установления в ней режима кровавого террора и развязывания захватнической войны, не был их собственным в прямом смысле этого слова. Он был результатом идеологических усилий консервативных теоретиков и публицистов, особенно принадлежавших к “обновленческому”, т. е. фактически экстремистскому, направлению в консерватизме» [17].

Заключение

«Консервативные революционеры» рассматривали нацистскую партию как организацию, способную помочь создать единую и сильную Германию, которая станет мировым гегемоном. Правые интеллектуалы, очевидно, хотели быть лидерами процесса возрождения сильного германского государства и всего того, что противоречило их убеждениям, они по началу не замечали. Младоконсерваторы отводили себе почетную роль духовных лидеров и теоретиков, а нацистам предоставляли быть «барабанщиками и солдатами революции». Но как показала прак-

тика, произошла недооценка амбиций вождей НСДАП. Кроме того, «консервативная революция» на деле была достаточно разнородным движением, объединявшим людей с различными убеждениями и целями. Идеи и личности Шпенглера, Мёллера ван ден Брука, Юнгера и прочих были нужны Гитлеру и компании в основном на раннем этапе – для привлечения германских интеллектуалов и формулирования идеологической базы. Позже нацисты перешли к методам устрашения и террора, жертвами которого становились все неудобные, в том числе и некоторые представители «консервативной революции». Так, в 1934 г. был убит руками гестапо крупный теоретик «консервативной революции» Эдгар Юлиус Юнг.

Исходя из проведенного анализа, логично сделать вывод, что «консервативные революционеры» вполне осознанно поддерживали и вдохновляли нацистов в 20-е и начале 30-х гг. прошлого века, и поэтому должны нести за это историческую ответственность.

Литература

1. *Goebbels J.* The Racial Question and World Propaganda // *Rassenfrage und Weltpropaganda. Reichstagung in Nürnberg.* Berlin: Vaterländischer Verlag C. A. Weller, 1933. S. 131–142. URL: <https://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/goeb41.htm> (дата обращения: 22.02.2021).
2. *Терехов О.Э.* Э.Ю. Юнг как идеолог «консервативной революции» в освещении германской историографии // *Вестн. КемГУ.* 2012. № 3 (51). С. 101–105.
3. *Артамошин С.В.* Национал-большевизм и консервативная революция в Германии в поисках политических союзников // *Вестн. Брянского гос. ун-та.* 2019. № 4 (42). С. 29–34.
4. *Терехов О.Э.* Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2011. 192 с.
5. *Филиппов А.Ф.* Ханс Фрайер: социология радикального консерватизма. Послесловие к книге Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М. : Праксис, 2008. 144 с.
6. *Артамошин С.В.* Идеи истоки национал-социализма. Брянск : Изд-во БГУ, 2002. 184 с.
7. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм / пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М. : Праксис, 2002. 240 с.

8. *Маас С.* Борец за Третий рейх Артур Мёллер ван ден Брук / сокращ. пер. с нем. с предисл. А. де Бенуа. Киль : Регин-Ферлаг, 2010. Т. 2. 132 с.

9. *Мёллер ван ден Брук А.* Третий рейх // *Политические исследования.* 2003. № 5. С. 118–134.

10. *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт // *Тотальная мобилизация. О боли / пер. с нем. А.В. Михайловского; под ред. Д.В. Складнева.* СПб. : Наука, 2000. 539 с.

11. *Гузикова М.А.* «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. 166 с.

12. *Hitler A.* On National Socialism and World Relations. Speech Delivered in the German Reichstag on January 30th 1937 // *German propoganda Archive.* Calvin University. URL: <https://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/hitler1.htm> (дата обращения: 22.02.2021).

13. Цит. по: *Михайловский А.В.* Консервативная революция: апология господства. Статья вторая. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=17429> (дата обращения: 22.02.2021).

14. *Терехов О.Э.* «Консервативная революция» и национал-социализм в отечественной историографии // *История. Общество. Политика.* 2019. № 1 (9). С. 74–79.

15. *Руткевич А.М.* Прусский социализм и консервативная революция. Послесловие к книге Шпенглер О. Пруссачество и социализм / пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М.: Праксис, 2002. 240 с.

16. *Woods R.* The Conservative Revolution in the Weimar Republic. L.; N.Y.: Mcmillan; St. Martin's Press, 1996. 173 p.

17. *Галкин А.Б., Рахшмир П.Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем // *История, политология, философия, империализм.* М. : Книга по требованию, 2012. 194 с. URL: https://propagandahistory.ru/books/Galkin-A--A---Rakhshmir-P--YU_Konservativizm-v-proshlom-i-nastoyashchem/9 (дата обращения: 22.02.2021).

References

1. Goebbels J. (1933). The Racial Question and World Propaganda. *Rassenfrage und Weltpropaganda. Reichstagung in Nürnberg.* Berlin, Vaterländischer Verlag C. A. Weller, S. 131-142. Available at: <https://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/goeb41.htm> (accessed February 22, 2021).
2. Terekhov O.E. (2012). Jung as the ideologist of the “conservative revolution” in the coverage of German

historiography. *Vestnik KemGU*, No. 3 (51), pp. 101-105. (in Russian).

3. Artamoshin S.V. (2019). National Bolshevism and the Conservative Revolution in Germany in Search of Political Allies. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, No. 4 (42), pp. 29-34. (in Russian).

4. Terekhov O.E. (2011). *The Phenomenon of the "Conservative Revolution" in the Historiography of the Federal Republic of Germany: Basic Concepts and Problems of Interpretation*. Kemerovo, Kemerovo State University Press, 192 p. (in Russian).

5. Filippov A.F. (2008). *Hans Fryer: The Sociology of Radical Conservatism. Afterword to the book by Fryer H. Revolution on the Right*. Tr. from Germ. by Yu.Yu. Korints. Moscow, Praksis Publ., 144 p. (in Russian).

6. Artamoshin S.V. (2002). *Ideological origins of National Socialism*. Bryansk, BSU Press, 184 p. (in Russian).

7. Spengler O. (2002). *Prussianism and socialism*. Tr. from Germ. by G. D. Gurvich. Moscow, Praksis Publ., 240 p. (in Russian).

8. Maas S. (2010). *Fighter for the Third Reich Arthur Möller van den Broek*. Abbreviated, tr. from Germ. with foreword A. de Benois. Keel, Regin-Verlag, vol. 2, 132 p. (in Russian).

9. Möller van den Brook A. (2003). Third Reich. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, No. 5, pp. 118-134. (in Russian).

10. Jünger E. (2000). Worker. Domination and gestalt. *Total mobilization. About pain*. Tr. from Germ. by A.V. Mikhailovsky; ed. D.V. Sklyadnev. Saint Petersburg, Nauka Publ., 539 p. (in Russian).

11. Guzikova M.A. (2004). *Ernst Jünger's "Total Mobilization" as a Project of Modernity: Historical Reconstruction and Interpretation*. (Dissertation Thesis). Ekaterinburg, 166 p. (in Russian).

12. Hitler A. On National Socialism and World Relations. Speech Delivered in the German Reichstag on January 30th, 1937. *German Propoganda Archive*. Calvin University. Available at: [https:// research.calvin.edu/german-propaganda-archive/hitler1.htm](https://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/hitler1.htm) (accessed February 22, 2021).

13. Quoted from: Mikhailovsky A.V. *Conservative revolution: an apology for domination. Article two*. Available at: [https:// www.apn.ru/index.php?newsid=17429](https://www.apn.ru/index.php?newsid=17429) (accessed February 22, 2021). (in Russian).

14. Terekhov O.E. (2019). "Conservative revolution" and national socialism in Russian historiography. *Istoriya. Obshchestvo. Politika*, No. 1 (9), pp. 74-79. (in Russian).

15. Rutkevich A.M. (2002). *Prussian socialism and the conservative revolution. Afterword to the book O. Spengler Prussachestvo and socialism*. Tr. from Germ. by G. D. Gurvich. Moscow, Praksis Publ., 240 p. (in Russian).

16. Woods R. (1996). *The Conservative Revolution in the Weimar Republic*. London; New York: Mcmillan; St. Martin's Press, 173 p.

17. Galkin A.B., Rakhshmir P.Yu. (2012). Conservatism in the past and present. *History, political science, philosophy, imperialism*. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 194 p. Available at: [https:// propagandahistory.ru/books/Galkin-A--A---Rakhshmir-P--YU_Konservatizm-v-proshlom-i-nastoyashchem/9](https://propagandahistory.ru/books/Galkin-A--A---Rakhshmir-P--YU_Konservatizm-v-proshlom-i-nastoyashchem/9) (accessed February 22, 2021). (in Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

УДК 93/94 (929.6+929.7)
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-23-34

ГЕРБОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПОРТРЕТАХ ВОЙСКОВОГО АТАМАНА ДОНСКОГО ВОЙСКА Д.Е. ЕФРЕМОВА И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЮЖНОРОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В XVIII ВЕКЕ

© 2021 г. А.И. Агафонов ^а

^а Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

ARMORIAL IMAGES ON PORTRAITS OF THE MILITARY ATAMAN OF THE DON ARMY D. E. EFREMOV AND FEATURES OF THE FORMATION OF THE SOUTHERN RUSSIAN NOBILITY IN THE 18th CENTURY

A. I. Agafonov ^а

^а Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Агафонов Анатолий Иванович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории и культурологии,
факультет медиакоммуникаций
и мультимедийных технологий,
Донской государственный
технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: anatoly-agafonov@yandex.ru

Anatoly I. Agafonov -
Doctor of History, Professor,
Department of History and Cultural Studies,
Faculty of Media Communications
and Multimedia Technologies,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don,
344000, Russia.
E-mail: anatoly-agafonov@yandex.ru

Изучаются гербовые изображения на портретах войскового атамана Донского войска Даниила Ефремовича Ефремова, формирование дворянства на южных окраинах России. Первые портреты Д.Е. Ефремова были написаны в Киево-Печерской лавре и на Дону под влиянием польской, малороссийской шляхетской и русской художественной традиции. Написание гербовых изображений опиралось на статус войскового атамана Д.Е. Ефремова, пожалования ему чинов генерал-майора и тайного советника, приобретение дворянства.

Характеризуются дискуссионные вопросы происхождения портретной галереи Д.Е. Ефремова, предлагается новая датировка ее написания на основе изучения императорских пожалований, военных и политический событий на Дону и в России. Раскрывается композиция и символика портретов, описываются некоторые антропометрические данные войскового атамана, показывается, что портреты Д.Е. Ефремова и его гербовые изображения оказали огромное влияние на развитие донского парадного атаманского и старшинского портрета.

Высказывается и аргументируется положение о том, что портрету из Киево-Печерской лавры 1752 г. предшествовали другие, не сохранившиеся произведения, с которых были написаны «вольные» копии. Последние могут быть самостоятельными творениями.

Рассматриваются отношение правительства к донской старшине, нормативно-правовая база, регулировавшая статус региональной элиты, отдельных лиц и должностей.

Ключевые слова: Российская империя, Донское войско, войсковой атаман Д.Е. Ефремов, гербовые портреты, донское дворянство, геральдика.

The article is devoted to the study of the coat of arms on the portraits of the military ataman of the Don army Danila Efremovich Efremov, the formation of the nobility in the southern outskirts of Russia. The first portraits of D. Efremov were painted in the Kiev-Pechersk Lavra and on the Don under the influence of the Polish, Malorussian and Russian artistic traditions. The painting of the coat of arms was based on the status of the military ataman D. E. Efremov, the award of the ranks of Major General and privy councilor, the acquisition of the nobility.

The author characterizes the controversial issues of the origin of the portrait gallery of D. E. Efremov, and suggests a new dating of its painting based on the study of imperial grants, military and political events on the Don and in Russia. The composition and symbolism of the portraits are revealed, some anthropometric data of the military ataman are described, it is shown that the portraits of D. E. Efremov and his armorial images had a huge impact on the development of the Don ceremonial ataman and senior (starshina) portrait.

It is stated and argued that the portrait from the Kiev-Pechersk Lavra in 1752 was preceded by other, not preserved works, from which "free" copies were made. The latter can be independent creations.

The author examines the government's attitude to the Don elder, the legal framework that regulated the status of the regional elite, individuals and positions.

Keywords: *the Russian Empire, Don army, military ataman D. E. Efremov, armorial portraits, the Don nobility, heraldry.*

Пожалования дворянства, титулов и гербов донскому казачеству являлись важнейшим направлением социальной и военной политики самодержавия на южных окраинах Российской империи. Истории донского дворянства, донской дворянской геральдике посвящены немногочисленные статьи и исследования [1–3], донские гербы и гербовые изображения на донских портретах донских атаманов, генералов и старшин не стали предметом специального изучения [4–6].

Первым донским фамильным гербом считается рисунок, помещенный на портрете войскового атамана Данилы Ефремовича Ефремова. Исследователи относят портрет Д.Е. Ефремова к парадным [7, 8], к ктиторским барочным, сарматским, заимствованным из Украины. Он стал исходным пунктом для донской светской живописи, каноном, но не догмой [9, 10]. По мнению П.А. Белецкого, Н.А. Бондаревой, А.А. Карева и других ученых, написание первого, хранящегося в Национальном музее искусств Украины, датируется 1752 г. [11–14].

Многие вопросы, возникающие при изучении портретной галереи Д.Е. Ефремова, можно рассматривать в контексте донских, российских и международных событий, понятий и категорий геральдики, фалеристики и других вспомогательных дисциплин.

В марте 1713 г. отмечена одна из первых поездок Д.Е. Ефремова на богомолье в Троице-Сергиев монастырь (Сергиев Посад) [15, с. 120]. Позднее сменились паломнические приоритеты – Троице-Сергиева лавра на Киево-Печерскую лавру. Они объясняются успехами России в Северном Причерноморье, близкими культурно-историческими и церковными связями запорожского и донского казачества. Не менее суще-

ственны и наукометрические показатели: расстояние до Киево-Печерской лавры (до Киева примерно 800 верст) ближе, чем до Троице-Сергиевой лавры (1100 верст), время года в пути (по «зимнику, на санях», декабрь – февраль) и на богомолье, условия дорожно-транспортные и передвижения, продовольственное, имущественное и жилищное обеспечение атамана и сопровождавших его лиц, безопасность, возраст паломников и т.д. К тому же часть пути богомольцы преодолевали пешком, посещали храмы и религиозные мероприятия.

Д.Е. Ефремов как ктитор, по мнению А.А. Коноваловой, каждые полгода путешествовал на богомолье в Киево-Печерскую лавру [9], с чем трудно согласиться. Паломничество туда занимало до трех месяцев. Едва ли правительство могло допустить отсутствие в Войске боевого старшины, позже войскового атамана на долгое время. Необходимо учитывать военный характер бытия казачества, его постоянное участие в войнах и походах. Поездки на богомолье являлись важными событиями в духовной жизни донских казаков и имели большой общественный резонанс. Поэтому разрешение (или запрещение) на выезд из Донской земли в Киев, как это было 20 декабря 1749 г., и в другие места на богомолье на длительный паломнический срок давалось высочайшей властью [16, ч. 1, с. 288; ч. 2, с. 558].

В этой связи возникает вопрос о корректировке даты написания портрета из Киево-Печерской лавры, последующих портретов и копий в контексте становления и развития русской геральдики и гербоведения, символики атрибутов атаманской власти. В отечественной историографии указывается 1752 г., она отмечена белой краской в нижнем правом углу портрета, это якобы и время пребывания Д.Е. Ефремо-

ва на богомолье в Киево-Печерской лавре. В действительности богомольческое путешествие Д.Е. Ефремова в Киев и обратно в Черкасск состоялось в конце декабря 1749 – феврале 1750 г. [16, ч. 2, с. 558].

Возникают вопросы: сколько, когда и где было написано и сохранилось портретов Д.Е. Ефремова, какова их судьба? Был ли портрет Д.Е. Ефремова из Киево-Печерской лавры первым донским портретом?

В некоторых исследованиях по истории донского портрета высказывается гипотеза, что портрету из Киево-Печерской лавры предшествовал другой портрет (портреты) Д.Е. Ефремова [8, 14].

Можно предполагать, что в период восстановления Успенского храма Киево-Печерской лавры после пожара 1718 г., которое с перерывами длилось до 1777 г., был написан в технике фрески в 1730–1740-е гг. «портрет» основного ктитора храма Д.Е. Ефремова. В 1776 г. остатки мозаик были наглухо закрыты новыми стеновыми рисунками и портретами под руководством иеромонаха Захария Голубовского «с учениками».

Возобновление в 1840–1842 гг. по инициативе митрополита Филарета стеной живописи Успенского храма оказалось неудачным, работы проводились под руководством иеромонаха Орловской епархии Иринарха «с послушниками» за счет «доброхотных подаяний». В дальнейшем исправить ее не смогли авторитет и талант академика Ф.Г. Солнцева [17].

В результате последующего значительного ремонта храма в 1893–1901 гг. погибла уникальная стенопись и портреты XVIII в. лаврских архимандритов и ктиторов – князей, царей и гетманов [18]. Вероятно, погиб и портрет Д.Е. Ефремова.

В 1744 г. войсковой атаман Д.Е. Ефремов отстроил после пожара Черкасск, одновременно создал картинную галерею в Красном урочище, где разместил семейные портреты. В это время состоялось написание одного из первых портретов Д.Е. Ефремова, который не сохранился до наших дней. По свидетельствам священника г. Черкаска Григория Левитского, в галерее насчитывалось около 100 парадных портретов, в числе которых размещались семейные портреты Ефремовых, российских императоров и импера-

триц, государственных деятелей и выдающихся казаков [19, с. 6, 16]. Вероятно, с портретов Д.Е. Ефремова и С.Д. Ефремова были написаны в начале XIX в. копии, хранящиеся в Музее Лейб-гвардии Казачьего полка в Париже.

Портрет Д.Е. Ефремова из Киево-Печерской лавры можно отнести к числу первых донских фамильных и одновременно парадных портретов. Композиционно и стилистически он близок к портрету генерального есаула Войска Запорожского Михайло Миклашевского (Михаила Андреевича Миклашевского) [9].

В 1749–1750 гг. начинается написание портрета Д.Е. Ефремова неизвестным художником во время пребывания войскового атамана в Киево-Печерской лавре, завершается в 1752 г. Долгое время он находился в Успенском соборе Лавры, затем стал частью музейной коллекции Национального музея искусств Украины. Д.Е. Ефремов изображен с войсковыми клейнодами на малороссийский манер – булава и насека, что является показателем высокого социального статуса, они же выполняют функцию узнаваемости должностного лица – войскового атамана. В настоящее время сохранилось три гербовых портрета Д.Е. Ефремова. Первый (лаврский портрет) – в Национальном музее искусств в Киеве; второй (поколенный) и третий (так называемая «вольная» копия, написанная во второй половине XVIII в. неизвестным художником) – в Новочеркасском музее истории донского казачества.

Новочеркасский портрет (в полный рост) – донской, об этом свидетельствуют прежде всего войсковые клейноды. На данном портрете, в отличие от лаврского, клейноды соответствуют оригинальным, пожалованными царем Петром I в 1706 г. Они сгорели во время пожара в Черкасске в 1744 г., восстановлены императрицей Елизаветой Петровной в 1746 г. Создатель новочеркасского портрета не только их видел, но и воспроизвел пернач и насеку с детальной точностью. Эти клейноды поместил в своей монографии и донской историк В.Д. Сухоруков [20, рис. 2–4]. Войсковой атаман А.И. Иловайский на гербовом портрете, хранящемся в Новочеркасском музее истории донского казачества, изображен с регалиями, пожалованными императрицей Екатериной II в 1776 г.

а/а

б/б

Портрет Даниила Ефремовича Ефремова, войскового атамана Донского войска: а – Национальный музей искусств Украины; б – Новочеркасский музей истории донского казачества / Portrait of Danila Efremovich Efremov, military ataman of the Don Army: a - National Museum of Arts of Ukraine; b - Novocherkassk Museum of the History of the Don Cossacks

Лаврский портрет Д.Е. Ефремова – статичный, близкий по манере исполнения к фресковым портретам, новочеркасский – более живой, связан с местной и российской портретной живописью. Богатая одежда, парча с красивыми выпуклыми рисунками, также делает видимым человека в обществе. Маки присутствуют на всех портретах Д.Е. Ефремова и С.Д. Ефремова – на красном поле золотые маки, независимо от времени создания портретов. Наличие их на кафтанах известных портретов Д.Е. и С.Д. Ефремовых, членов семьи позволяет утверждать, что маки являлись фамильным цветком.

Новочеркасский (поколенный) портрет также написан на Дону, скорее всего местным художником. Он отличается от лаврского и первого новочеркасского портретов изображением войскового атамана – не в полный рост (поколенный) с небольшим разворотом влево и показом на переднем плане войскового пернача. Фоном для портрета избраны Черкасский Воскресенский собор и река Дон, клейноды близки к Новочеркасским, число «Нарядных персон» соответствует второй половине 50-х гг. XVIII в., гербовое изображение идентично лаврскому, отсутствует католический крест, кафтан украшен маками, эфес сабли близок к изображению такого на новочеркасском портрете.

Портрет Даниила Ефремовича Ефремова, войскового атамана Донского войска. Копия. Неизвестный художник. Вторая половина XVIII – начало XIX в. Музей истории донского казачества. Новочеркасск, Ростовская область, Россия / Portrait of Danila Efremovich Efremov, military ataman of the Don Army. Copy. Unknown artist. Second half of the 18th - early 19th century. Museum of the History of the Don Cossacks. Novocherkassk, Rostov region, Russia

Наличие наград, правила их ношения помогают датировать гербовые портреты из Киево-Печерской лавры и Новочеркасского музея истории донского казачества. «Нарядные персоны»: золотые медали, украшенные бриллиантами, с портретами императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны на Андреевской и Александровской лентах. Последние подчеркивают статус наград – более высокая Андреевская (ордена Св. Апостола Андрея Первозванного), затем Александровская (ордена Св. Благоверного кн. Александра Невского).

Императрица Анна Иоанновна высоко ценила заслуги Д.Е. Ефремова. За присягу и приведение под высокую руку российской государыни калмыков Дондук-Омбо в 1735 г., успешное участие в дипломатической миссии о вручении ханского титула Дондук-Омбо и в переговорах о направлении калмыков на театр военных действий русско-турецкой войны в 1737 г. [21, с. 630] она пожаловала ему свой коронационный портрет на Александровской ленте, украшенный бриллиантами, а 17 марта 1738 г. назначила войсковым атаманом Войска Донского [22, с. 18; 23, с. 42]. Вторая «Нарядная персона» на Андреевской ленте пожалована за «верные и долгие службы» императрицей Елизаветой Петровной в 1749 г., ей предшествовал подарок – золотой перстень с бриллиантами [16, ч. 2, с. 553; 23, с. 43, 54]. На лаврском портрете на Андреевской ленте на груди войскового атамана более высокая и поздняя по времени награда императрицы Елизаветы Петровны.

Можно утверждать, что лаврский портрет написан до Семилетней войны 1756–1763 гг. На новочеркасском (в рост) и поколенном портретах три «Нарядные персоны» – две известные ранее, третья – на Андреевской ленте за Померанский поход (1756–1759 гг.), т.е. портреты (или копии) увидели свет после 1759 г. Награда более высокая по статусу или при одинаковом статусе, но более поздняя по времени пожалования носилась первой, все остальные – под ней, или располагались в стороне на видном месте.

Безусловно, награждение «Нарядной персоной» не предоставляло прав и привилегий русского дворянства, патента на дворянский герб, как и назначение на должность войскового атамана при отсутствии офицерского или генеральского чина русской регулярной армии. В этой связи наше утверждение о пожаловании Д.Е. Ефремову прав и привилегий потомственного дворянства в 1740 г. [4] требует уточнений, поиска новых документов и дополнительных исследований.

Портрет Данилы Ефремовича Ефремова, войскового атамана Донского войска. Музей Лейб-гвардии Казачьего полка. Париж, Франция / Portrait of Danila Efremovich Efremov, military ataman of the Don Army. Museum of the Royal Guards Cossack Regiment. Paris, France

Погрудный портрет Д.Е. Ефремова в Музее лейб-гвардии Казачьего полка имеет две «Нарядные персоны» – на Андреевской ленте и Александровской ленте. Учитывая тщательность прорисовки портретов, точность и обязательность размещения на них наград и клейнод, можно предположить, что данный портрет был создан в 1749–1759 гг., до награждения войскового атамана генерал-майора Д.Е. Ефремова за Померанский поход.

Независимо от времени написания, на лаврском и новочеркасском (поколенном) портретах одинаковые в малороссийском картуше гербы, на новочеркасском – картуш и геральдические символы заметно отличаются. Гербовое изображение на всех портретах помещено слева на уровне и чуть выше головы, как на большинстве портретов малороссийских старшин.

Большой интерес представляет композиция гербовых портретов Д.Е. Ефремова, где войсковой атаман без головного убора. По мнению М.А. Рыбловой, должность казачьего атамана, его вербальное, предметное и образное окружение имели свою символику. Так, сменяемый (смененный) атаман снимал шапку, кланялся, а затем клал булаву на стол, поставленный посреди майдана [24, с. 86]. На лаврском, согласно малороссийской военной традиции, присутству-

ет булава, она лежит на комод, что, вероятно, означает передачу власти своему сыну Степану, в то же время насека еще в руках – символ времени на атаманской должности. На новочеркасском (в рост) и поколенном портретах в соответствии с донской военной традицией Данила Ефремов держит в правой руке пернач – символ атаманского достоинства, насека за спиной с правой или левой стороны. Это отражает сложившееся после 1753 г. двоевластие: отец – сын, что неоднократно подтверждалось правительством [16, ч. 2, с. 778–781; 25, с. 45].

Католические распятия и ларцы, большой красивый комод подчёркивают: первые – место написания портрета, влияние художественной польской шляхетской и малороссийской традиции, второй – богатство изображаемого персонажа. Каждая деталь была важной, она рассказывала о деятельности изображенного лица. На погрудных портретах Д.Е. Ефремова и С. Д. Ефремова в Музее лейб-гвардии Казачьего полка атаманы изображены с золотым перначом в руках. Поэтому ложные знаки или подмена их были недопустимы и легко разоблачались.

Гербовые портреты Ефремова разрешают определить некоторые антропометрические данные войскового атамана. Известно, что насека до 1885 г. составляла два аршина с четвертью, примерно 162–170 см, позже – два аршина – 142 см. Пернач был длиной 60–70 см. На новочеркасских портретах Д.Е. Ефремова изображены эскизно войсковые регалии, пожалованные царем Петром I донским казакам в 1704–1706 гг. Насека 1704 г. – 162–165 см, пернач 1706 г. – 70 см [20, рис. 2–4]. Стоящие рядом с атаманом насеки почти одинаковы по высоте с его ростом. Соотношение регалий и пропорций тела на портретах позволяет говорить, что рост войскового атамана Д.Е. Ефремова составлял примерно 165–170 см.

Во второй половине XVIII в. складывается донской старшинский портрет, который не имеет гербовых изображений несмотря на то, что некоторые чиновники обрели обер- и штаб-офицерские чины регулярной армии, права дворянства и права на фамильный герб. В частности, Андрей Краснощек, Федор Краснощек, Василий Машлыкин, Адриан Денисов, Ефим Кутейников, И.Т. Карасев, В.И. Иловайский, и др. [26, с. 179–180]. Законодательное закрепление за чиновниками прав и привилегий российского дворянства, начавшееся в конце XVIII – первой половине XIX в., подчеркивалось герба-

ми на некоторых портретах донских генералов и офицеров. Их исследование расширит наши представления не только о донском портрете, но и региональной геральдике. Для этого необходимо вернуться к процессу формирования дворянства на Дону, отметить его общие и особенные черты.

Художник поместил на лаврском портрете герб Д.Е. Ефремова, такие изображения были широко распространены в середине XVIII в. Его особенностью является корона, которая вынесена над щитом с лазоревым и красным наметом, подложенным золотом. С лаврского портрета герб «перешел» на другие портреты.

На гербовые изображения преимущественно на европейских портретах, как источников геральдики, обратил внимание К.А. Елохин. Однако «сарматский» портрет Д.Е. Ефремова остался вне поля зрения [27]. Портреты с гербами можно рассматривать как гербовые, где в качестве предмета исследования выступают гербы, гербовые изображения и символы. До настоящего времени сохранялись три гербовых портрета Д.Е. Ефремова и различные копии без гербов, которые находятся в экспозициях музеев России и дальнего зарубежья.

Важнейшей функцией гербовых портретов Д.Е. Ефремова являлось доказательство его высокого положения в обществе, богатства, приобретенного дворянства и привилегий. Они также отражали принадлежность к казачьему сословию, службы и подвиги во имя государства Российского.

Вымышленный герб, отсутствие у Ефремовых до начала XIX в. дворянства и герба, образа коня на польском и донском казачьем портретах удивили некоторых авторов. Причиной тому является акцент на идеи рыцарской стойкости, чем на образ всадника. Казачьему образу соответствовал «внешний облик и одежда, предметы-атрибуты «человека сражающегося», родовые гербы, барочная лексика с сильным украинским «акцентом» и культом «осени Средневековья» [14, с. 146]. В действительности Высочайше утвержденные гербы венчают атаманские портреты А.И. Иловайского, В.П. Орлова, М.Г. Власова и сохранившиеся портреты генерал-майора П.М. Грекова и полковника Т.А. Малахова. При этом заметно, что атаманские портреты написаны под влиянием парадных портретов Д.Е. и С.Д. Ефремовых и российской гербовой традиции. На многих портретах, как и Д.Е. Ефремова, присутствует герб, вой-

сковые клейноды, образ коня, подчёркивавшие принадлежность к казачеству.

Длительная борьба за власть на Дону между старшинскими группировками завершилась 17 марта 1738 г. Императрица Анна Иоанновна назначила старшину Д.Е. Ефремова войсковым атаманом Донского войска. Должность войскового атамана стала важной ступенькой в его карьере, приобретении чинов генерал-майора и тайного советника, потомственного дворянства и дворянского герба. Дата назначения Д.Е. Ефремова и факты его биографии вызывают неподдельный интерес в современной отечественной историографии, в то же время они обозначили проблемы современных ученых в изучении региональной истории, области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Следует сказать, что Д.Е. Ефремов победил в борьбе за власть, а не за атаманскую булаву или насеку. Атрибуты атаманской власти и их символику подробно исследовала профессор М.А. Рыблова [24, с. 83–95]. Пернач, бунчук, булава и насека – это внешнее выражение и отражение военной и политической власти войскового атамана в Земле Донского войска и над казаками вне ее пределов. Символом атаманской власти на Дону всегда являлся пернач, он же стал и символом власти атамана всех казачьих войск Российской империи, эту должность занимали цесаревичи, наследники престола. Пернач как символ власти закреплен не только на портретах Ефремовых (за исключением лаврского), но и на известном конном портрете цесаревича, наследника российского престола всех казачьих войск России Александра Николаевича (художник Е.И. Ботман. 1847 г.).

А.И. Ригельман приводит грамоту о назначении Д.Е. Ефремова войсковым атаманом, в которой говорится, что указ «дан в Санкт-Петербурге марта 17 дня, 1738 году» [28, с. 103–107]. В этом нет никакой ошибки, тем более заблуждений, так называемых «невнимательных» авторов и «панегиристов» Д.Е. Ефремова. Указ от 4 марта 1738 г. именуется «Об определении вместо Наказного, Войскового атамана» [29, с. 433]. Указ не просто о смене названия должности, долго опиравшуюся на исторические традиции казачества, но и в связи с определенным случаем. Утверждение П.А. Авакова, что «настоящим и действительным войсковым атаманом Ефремов был назван в отличие от И.И. Фролова, возглавлявшего Войско Донское

в качестве временно исполняющего обязанности», не соответствует тексту документа [30, с. 118–124]. Далее по тексту: «Понеже Мы за благо и потребно рассуждаем, при Донском войске особливого, для нынешнего военного случая, вместо Наказного атамана, которым доныне войсковые дела управляемы были, определить Настоящего Войскового Атамана; того ради Мы нашего войска старшину Данилу Ефремова, за долговременные и ревностные Нам службы, в оной чин Войскового Атамана жалует и определяем, и повелеваем, и определяем нашему Сенату; о таковом Нашем Всемилошвейшем определении, отправлением на Дон, и куда надлежит, грамоты и указов и прочими по тому потребными исправлениями, учинить по сему Нашему указу». Как видно из указа, он носит прецедентный характер, императрица назначает настоящего атамана с определёнными обременениями, вместо наказного атамана, войскового и «для нынешнего военного случая». Это, к сожалению, наш критик утаил, подогнал документ под выстроенную и удобную ему концепцию.

Указ от 17 марта 1738 г. развивает и уточняет указ от 4 марта 1738 г. Полный текст грамоты императрицы Анны Иоанновны опубликовали А.И. Ригельман и И.П. Прянишников, в которой нет никаких обременений, Д.Е. Ефремов указывается войсковым атаманом.

Необходимо П.А. Авакову внимательно читать императорские документы и не упрекать ученых в незнании российского делопроизводства, истории государства и права первой половины XVIII в., не предлагать некое его расширительное толкование и объяснение императорских указов. Разъяснение указов, их развитие являлось исключительной прерогативой монархов. Во-первых, указ Анны Иоанновны от 17 марта 1738 г. именной: «Божьей милостью Мы, Анна, императрица и Самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая и прочая» .... И как Вы, войско Донское, сию Нашего Императорского Величества грамоту получите, и Вам бы чинить о том, по сему Нашему указу... Указ дан в Санкт-Петербурге, марта 17 дня, 1738 году». Не по указу от 4 марта 1738 г., а указу от 17 марта 1738 г. Для Донского войска и для Российской империи назначение Д.Е. Ефремова произошло не 4 марта, а 17 марта 1738 г. не «для нынешнего военного случая», а в «вечное и непрременное атаманство» [31, с. 191–192].

Документы свидетельствуют, что 16 марта 1738 г. войсковым наказным атаманом являлся старшина Иван Фролов. В грамоте от 20 марта того же года указывается войсковой атаман Данила Ефремов. Следует уточнить, что прежде, чем появился некий дуумвират – Ефремов – Краснощеков, было пожалование чина бригадира И.М. Краснощекову 4 марта 1738 г. в атаманство Ивана Фролова, а не Д.Е. Ефремова. Настоящий дуумвират – это правление отца и сына Ефремовых с 1753 по 1760 г.

Сложился правовой прецедент – во-первых, вначале необходимо заменить название (институт) наказного атамана на войскового (по случаю), во-вторых, выбрать (фактически, по содержанию действий, назначить) одного из четырех достойных претендентов на должность, а не в чин войскового атамана. Таковым, по мнению императрицы Анны Иоанновны, являлся Д.Е. Ефремов, в-третьих, принятое решение преподнести Донскому войску как опору на старинные казачьи традиции. Известно, что «Табель о рангах» и последующее законодательство различали чины и должности, что и было учтено при назначении Д.Е. Ефремова на должность.

В конечном счете не важно, сколько инстанций и согласований пройдет указ, это интересно для истории документооборота и документооборота в России XVIII в. Главное – итоговый документ прямого действия закреплял и вводил политику правительства на Дону в государственно-правовое пространство Российской империи. Это знали и понимали ученые дореволюционного периода, большинство советских и постсоветских исследователей.

Следует сказать, что в XVIII в. чин бригадира был мечтой для многих старшин Донского войска. Приобретая его службой, они входили в высшую аристократию Донского края, а также занимали видное место в армейской иерархии Российской империи. 16 марта 1738 г. императрица Анна Иоанновна направила грамоту на Дон, «в верхние и нижние юрты», «войсковому наказному атаману Ивану Фролову», в которой указывалось, что 4 марта того же года И.М. Краснощеков пожалован чином действительного армейского бригадира. Он «стал старшим над всеми прочими старшинами», был выведен из подчинения войскового наказного атамана Ивана Фролова, в дальнейшем и войскового атамана Д.Е. Ефремова [16, ч. 1, с. 191].

Документ примечателен тем, что, во-первых, прислан действовавшему войсковому наказному

атаману И. Фролову и «всему нашему Войску Донскому», а не Д.Е. Ефремову. Он вступал в силу 16 марта того же года. Во-вторых, устанавливалась субординация армейских регулярных и старшинских чинов Донского войска, армейские имели преимущества перед войсковыми. В-третьих, определялись правила служебной дисциплины, обстоятельства, время и условия, при которых они исполнялись. В частности, «яко действительно армейский бригадир под командой войскового атамана быть не может». Но при учинении императорских нарядов (выступления в походы, на войну и на службу) «...в тех походах главным быть командиром».

23 марта 1738 г. императрица Анна Иоанновна пожаловала бригадиру И.М. Краснощекову вторую золотую медаль, украшенную алмазами, с изображением е.и.в. коронации [16, ч. 1, с. 192].

Указ императрицы Анны Иоанновны о пожаловании чина армейского бригадира И.М. Краснощекову не предусматривал никакого разделения власти и должности войскового атамана, не сложился и не существовало дуумвирата в Донском войске [15, с. 127]. Бригадир И.М. Краснощеков получал функции оперативного управления донскими полками на определенных условиях и обстоятельствах (указаны в грамоте), но оставался в стратегическом и оперативном управлении начальников русских регулярных армий, корпусов и дивизий. К военному управлению на Дону он имел весьма опосредованное отношение. К тому же необходимо учитывать, что с 1738 по 1742 г. он постоянно находился в походах и на различных театрах боевых действий, а не на Дону.

Управление донскими казачьими полками «на походе» не исчерпывают всей полноты военной и гражданской власти, деятельности войскового атамана в Земле Донского войска и за ее пределами. Военное, гражданское, административное и судебное управление на Дону никогда не распределялось между войсковыми атаманами, с одной стороны, бригадирами и генералами – с другой, если не было специального высочайшего повеления, как в 1775 г. при «Учреждении Гражданского правительства в пределах Войска Донского для правления земских дел» [32, 33].

Военная организация Донского войска включала военную подготовку, продовольственное и материальное снабжение, чинопроизводство, награждение, вооружение, защиту Донской зем-

ли от набегов ногайцев, закубанских горцев и «дружественных» калмыков, азовских и крымских татар, разведку и проч. Эти функции являлись прерогативой войскового атамана, на его имя отправлялись указы и грамоты от высочайшего имени, из Военной и других коллегий, Правительствующего Сената. Никогда на Дон не присылались высочайшие указы и другие правительственные документы одновременно двум адресатам: «Войсковому атаману Д.Е. Ефремову и бригадиру И.М. Краснощекову». То, что хорошо для исторического романа, не соответствует научному исследованию.

Войсковой атаман Д.Е. Ефремов лишь унаследовал сложившиеся обстоятельства. Спустя пятнадцать лет, в 1753 г., повторилось *déjà vu* (уже виденное). Согласно грамоте императрицы Елизаветы Петровны от 11 августа 1753 г., приводится в книге А.И. Ригельмана и И.П. Прянишникова, [28, с. 104–105; 31, с. 249]. Д.Е. Ефремову 8 мая 1753 г. был пожалован генерал-майорский чин и на него патент, а Именным указом от 8 мая 1759 г. за Померанский поход – статский чин тайного советника (3-й класс в «Табели о рангах», в армии – чин генерал-лейтенанта) [16, ч. 2, с. 801]. Генерал-майор Д.Е. Ефремов был выведен из оперативного подчинения войскового атамана С.Д. Ефремова. До конца своей жизни (конец 1760 г.) генерал-майор и тайный советник Д.Е. Ефремов в высочайших грамотах на Дон именовался войсковым атаманом, которому в «строгом подчинении» находились действовавший войсковой атаман С.Д. Ефремов и Донское войско [16, ч. 2, с. 778–781]. Вот это и был действительный дуумвират – отец и сын Ефремовы.

Для датировки и характеристики композиции портретов и герба это имеет большое значение. Фактически генерал-майор Д.Е. Ефремов получал не только по патенту дворянство, но и право иметь свой герб, размещать его на своих портретах, печатях, в делопроизводственной документации, в частной переписке и проч. Поэтому появление и присутствие герба на Киево-Печерском и других портретах войскового атамана не случайно, оно законно. Самостоятельное написание гербов, их использование и в дальнейшем юридическое закрепление за гербоносителем в Герольдии Сената было широко распространено до 1785 г., до «Жалованной грамоты дворянству».

С.Д. Ефремов оставался старшиной (войсковым полковником) Донского войска, не имел

прав потомственного дворянства. К тому же суд приговорил его к «лишению живота» (смертной казни, помилован и отправлен в ссылку в г. Пернов, позже возвращен в Петербург, где и умер), лишен прав, старшинского чина, на имущество наложен секвестр. Не следует забывать одно из важнейших положений «Табели о рангах»: «Лица, которые отставлены [от службы] за тяжкие преступления, подвергшиеся пыткам, обнажению и публичному наказанию на площади, лишались ранга, дворянства и герба. Но, за какие-либо заслуги, им могло быть возвращено прежнее состояние, только по личному высочайшему «с рукой и печатью» указу, объявленному публично» [34, с. 493]. Последнего не произошло. Императрица помиловала С.Д. Ефремова от смертной казни, но не от наказания. Так что ему нечего было передавать своим детям и внукам, ни дворянства, ни герба, ни очень богатого состояния.

Вручив пернач и войсковую насеку сыну, Д.Е. Ефремов получил больше времени для собственного духовного окормления. В это же время на портретах Д.Е. Ефремова закрепился дворянский герб, подчеркивавший его родовитость и знатность, независимость от других казачьих фамилий, и прежде всего первого на Дону бригадира и дворянина И.М. Краснощекова.

Нормативно-правовая база позволяет рассматривать время написания портретов Д.Е. Ефремова, особенности приобретения армейских чинов и дворянства, написание на портретах гербового изображения (герба), ответить на непростые вопросы становления и развития южно-российского дворянства и донской геральдики.

В этой связи возникает вопрос о полноте правоприменения всех положений «Табели о рангах» по отношению к донскому офицерскому корпусу и генералитету до 1798 г.

(Продолжение следует)

Литература

1. Агафонов А.И. Донское дворянство в конце XVIII – первой половине XIX века // Проблемы социально-экономической истории и революционного движения на Дону и Северном Кавказе (XIX – начало XX в.). Ростов н/Д., 1992. С. 21–39.
2. Горбунова Н.В. Донское дворянство в российском законодательстве (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Изв. СКНЦ ВШ. Гуманитарные и социально-экономические науки. Спецвыпуск (Право). 2006. С. 65–69.

3. Мельников А.С. Правовой статус дворянства в Области войска Донского: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 37 с.
4. Агафонов А.И. Донская геральдика. Ростов н/Д. : Омега Паблишер, 2016. 408 с.
5. Сапожников А.И. Материалы к «Донскому гербовнику». Пожалование дворянских дипломов уроженцам Дона // Донской временник. Год 2016-й. Ростов н/Д., 2015. Вып. 24. С. 210–219.
6. Сапожников А.И. Из предыстории Дворянской родословной книги Войска Донского 1826–1835. К 220-летию указа императора Павла I «Об уравнении чинов Войска Донского с регулярными войсками» (1798). Важная привилегия // Донской временник. Год 2018-й. Ростов н/Д., 2017. Вып. 26. С. 63.
7. Гуржиева И.П., Соколенко М.Е. Донской парадный портрет XVII–XIX вв. Каталог. Живопись. Графика. М. : Папирус АРС, Художник, 1993. 24 с.
8. Гуржиева И.П., Соколенко М.Е. Донской портрет XVIII века. Из собраний Новочеркасского и Старочеркасского музеев Ростовской области // Музей. Художественные собрания СССР : сб. статей и публикаций. М. : Советский художник, 1988. Вып. 9. С. 87–101.
9. Коновалова А.А. Донской портрет XVIII века: условия возникновения и развития на примере портретной галереи Ефремовых // Universum: Филология и искусствоведение. 2017. № 5 (39). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4788> (дата обращения: 07.01.2021).
10. Бондарева Н.А. Донской портрет XVIII – первой половины XIX века в контексте восточно-европейского провинциального портрета этого периода : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1996. 17 с.
11. Белецкий П.А. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л. : Искусство, 1981. 256 с.
12. Бондарева Н.А. История коллекционирования портретной живописи на Дону и перспективы ее экспонирования // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2020. № 2. С. 93–101.
13. Бондарева Н.А. Дон и Петербургская Академия художеств // Возрождение казачества: история и современность : сб. ст. к V Всерос. (междунар.) науч. конф. 2-е изд., испр. и доп. Новочеркасск, 1995. С. 127–131.
14. Карев А.А. Донской портрет в русской художественной культуре XVIII века: «Рыцарский» курс // «Мощно, велико ты было, столетье!» : сб. науч. ст., посвященный юбилею Т.В. Ильиной / под ред. Е.Ю. Станюкович-Денисовой, С.В. Мальцевой. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2014. (Труды исторического факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та. Т. 20). С. 136–151. URL: http://annales.info/rus/iskustvo/donakhud.htm#_ftnref3 (дата обращения: 15.01.2021).
15. Аваков П.А. Данила Ефремов на пути к атаманской булаве // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 116–135.
16. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1894. № 33, т. 2, ч. 1. 427 с.; ч. 2. 506 с.
17. Лебединцев П.И. О возобновлении стенной живописи в Великой церкви Киево-Печерской лавры в 1840–1843 гг. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1888. Кн. 2. С. 34–42.
18. Успенский собор. Монастыри и храмы Киева. URL: http://churchs.kiev.ua/index.php?option=com_content&view=article&id (дата обращения: 08.01.2021).
19. Левитский Г. Старочеркасск и его достопримечательности. Новочеркасск : Част. Дон. тип., 1906. 56 с.
20. [Сухоруков В.Д.]. Статистическое описание Земли Войска Донского, составленное в 1822–1832 гг. : карта и рисунки. Новочеркасск, 1892.
21. Тенкеев В.Т. «Всемиловейше жалуем тебя, подданного Нашего, и учреждаем Ханом Калмыцким». Церемония объявления Дондук-Омбо в ханское достоинство в 1737 г. // ORIENTAL STUDIES. 2019. № 4. С. 627–633.
22. Шенк В.К. Казачьи войска. СПб. : Тип. В.Д. Смирнова, 1912. 496 с.; Переизд. М., 1992. 496 с.
23. Савёлов Л.М. Донские дворянские роды. М. : Тип. И.Н. Кушнарев и К°, 1902. Вып. 2. 171 с.
24. Рыблова М.А. Казачий атаман: Статус, функции и атрибуты // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 4. 2006. Вып. 11 : Регионоведение и международные отношения. С. 83–95.
25. Савёлов Л.М. Донские дворянские роды. М. : Тип. Кушнарев и К°, 1902. Вып. 1. 173 с.
26. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д. : Изд-во РГУ, 1961. 375 с.
27. Елохин К.А. Портреты с гербами как источник геральдики // История. 2018. № 2 (66). URL: <http://history.jes.su/s207987840002134-6-1> (дата обращения: 22.01.2021).
28. Ригельман А.И. История, или Повествование о донских казаках, отколы и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела, и чем прославились, и проч., собранная и составленная из многих вернейших российских и иностранных историй, летописей, древних дворцовых записок из журнала Петра Великого, чрез труды инженер-генерал-майора и ка-

валера Александра Ригельмана, 1778 года. М. : Университетская типография, 1846. 165 с.

29. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее – 1ПСЗ). СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 10, № 7252.

30. Аваков П.А. Элита Войска Донского в 1738 году: борьба за войсковую насеку // Донской временник. Год 2013-й. Ростов н/Д., 2012. Вып. 21.

31. Прянишников И.П. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск : Войсковая тип., 1864. 249 с.

32. 1ПСЗ. Т. 20. Законы. № 14251. С. 53–55.

33. 1ПСЗ. Т. 43, ч. 1. Штаты и табели. № 14251. С. 200.

34. 1ПСЗ. Т. 6. № 3890. С. 493.

References

1. Agafonov A.I. (1992). Don nobility at the end of the 18th - first half of the 19th century. *Problems of socio-economic history and revolutionary movement in the Don and the North Caucasus (19th - early 20th century)*. Rostov-on-Don, pp. 21-39. (in Russian).

2. Gorbunova N.V. (2006). Don nobility in Russian legislation (second half of the 18th - first half of the 19th century). *Izvestiya SKNTs VSh. Humanities and socio-economic sciences. Special issue (Law)*, pp. 65-69. (in Russian).

3. Melnikov A.S. (2011). *Legal status of the nobility in the region of the Don army: historical and legal research* (Dissertation Thesis). Krasnodar, 37 p. (in Russian).

4. Agafonov A.I. (2016). *Don heraldry*. Rostov-on-Don, Omega Publisher Publ., 408 p. (in Russian).

5. Sapozhnikov A.I. (2015). Materials for "Donskoy Gerbovnik". Awarding diplomas of nobility to the natives of the Don. *Donskoy vremennik. Year of 2016*. Rostov-on-Don, iss. 24, pp. 210-219. (in Russian).

6. Sapozhnikov A. I. (2017). From the prehistory of the Noble genealogy of the book of the Don Army 1826-1835. To the 220th anniversary of the decree of Emperor Paul I "On the equalization of ranks of the Don Army with regular troops" (1798). An important privilege. *Donskoy vremennik. Year 2018*. Rostov-on-Don, iss. 26, 63 p. (in Russian).

7. Gurzhieva I.P., Sokolenko M.E. (1993). *Don ceremonial portrait of the 17th - 19th centuries. Catalog. Painting. Graphics*. Moscow, Papirus ARS, Khudozhnik Publ., 24 p. (in Russian).

8. Gurzhieva I.P., Sokolenko M.E. (1988). Don portrait of the 18th century. From the collections of the Novocherkassk and Starocherkassk museums of the Rostov region. *Museum. Art Collections of the USSR: Sat. arti-*

cles and publications. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., No. 9, pp. 87-101. (in Russian).

9. Konovalova A.A. (2017). Don portrait of the 18th century: conditions of origin and development on the example of the portrait gallery of the Efremovs. *Universum: Philology and art history*, No. 5 (39). Available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4788> (accessed January 7, 2021).

10. Bondareva N.A. (1996). *Don portrait of the 18th - first half of the 19th century in the context of the East European provincial portrait of this period* (Dissertation Thesis). St. Petersburg, 17 p. (in Russian).

11. Beletsky P.A. (1981). Ukrainian portrait painting of the 17th - 18th centuries. Leningrad, Iskustvo Publ., 256 p. (in Russian).

12. Bondareva N.A. (2020). The history of collecting portrait painting on the Don and the prospects for its exhibiting. *Novoe iskusstvoznanie. Istoriya, teoriya i filozofiya iskusstva*, No. 2, pp. 93-101. (in Russian).

13. Bondareva N.A. (1995). Don and St. Petersburg Academy of Arts. *Revival of the Cossacks: history and modernity: collection of articles to the V All-Russian (international) scientific. conf.* 2nd ed., rev. and add. Novocherkassk, pp. 127-131. (in Russian).

14. Karev A.A. (2014). Don portrait in Russian artistic culture of the 18th century: "Knightly" discourse. "Powerful, you were great, century!": *Collection of scientific articles, dedicated to the anniversary of T.V. Ilyina*. E.Yu. Stanyukovich-Denisova, S.V. Maltseva (Eds.). St. Petersburg, Saint Petersburg State University Press (Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg State University. Vol. 20), pp. 136-151. Available at: http://annales.info/rus/iskustvo/donakhud.htm#_ftnref3 (accessed January 15, 2021). (in Russian).

15. Avakov P.A. (2020). Danila Efremov on the way to the ataman mace. *Novoe proshloe*, No. 2, pp. 116-135. (in Russian).

16. *Acts relating to the history of the Don Army, collected by Major General A.A. Lishin*. (1894). Novocherkassk, No. 33, vol. 2, part 1, 427 p.; part 2, 506 p. (in Russian).

17. Lebedintsev P.I. (1888). About the renewal of wall painting in the Great Church of the Kiev-Pechersk Lavra in 1840-1843. *Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler*. Kiev, book 2, pp. 34-42. (in Russian).

18. *Assumption Cathedral. Monasteries and churches of Kiev*. Available at: http://churchs.kiev.ua/index.php?option=com_content&view=article&id (accessed January 8, 2021). (in Russian).

19. Levitsky G. (1906). *Starocherkassk and its sights*. Novocherkassk, Private Don. Publ. House, 56 p. (in Russian).

20. Sukhorukov V.D. (1892). *Statistical description of the Land of the Don Cossacks, compiled in 1822-1832: map and drawings*. Novocherkassk. (in Russian).
21. Тепкеев В.Т. (2019). "We most mercifully grant to you, our Patrial, and we title you as Khan of Kalmyk". The ceremony of declaring Donduk-Ombo to the khan's dignity in 1737. *ORIENTAL STUDIES*, No. 4, pp. 627-633. (in Russian).
22. Schenk V.K. (1912, 1992). *Cossack troops*. St. Petersburg, Printing House of V.D. Smirnov, 496 p.; Reprinted. Moscow, 496 p. (in Russian).
23. Savelov L.M. (1902). *Don noble families*. Moscow, Publ. House of I.N. Kushnarev and K, No. 2, 171 p. (in Russian).
24. Ryblova M.A. (2006). Cossack Ataman: Status, Functions and Attributes. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Series 4*. No. 11: Regional Studies and International Relations, pp. 83-95. (in Russian).
25. Savelov L.M. (1902). *Don noble families*. Moscow, Publ. House of Kushnarev and K, No. 1, 173 p. (in Russian).
26. Pronshtein A.P. (1961). *Don Land in the 18th century*. Rostov-on-Don, RGU Press, 375 p. (in Russian).
27. Elokhin K.A. (2018). Portraits with coats of arms as a source of heraldry. *Istoriya*, No. 2 (66). Available at: <http://history.jes.su/s207987840002134-6-1> (accessed January 22, 2021).
28. Rigelman A.I. (1846). *History, or the Narration about the Don Cossacks, and when they started to have their identity, and at what time and from what people settled on the Don, what their actions were, and how they became famous, etc., collected and composed of many faithful Russian and foreign stories, chronicles, ancient palace notes from the journal of Peter the Great, through the works of engineer-major-general and cavalier Alexander Rigelman, 1778*. Moscow, University Publ. House, 165 p. (in Russian).
29. *Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection* (hereinafter - ICCL). (1830). St. Petersburg, II Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery Publ., vol. 10, No. 7252. (in Russian).
30. Avakov P. A. (2012). Elite of the Don Cossacks in 1738: the struggle for a military incision. *Donskoy vremennik. Year 2012*. Rostov-on-Don, No. 21. (in Russian).
31. Pryanishnikov I.P. (1864). *Proceedings for the history of the Don Army. Diplomas*. Novocherkassk: Military Publ., 249 p. (in Russian).
32. ICCL. Vol. 20. Zakony, No. 14251, pp. 53-55. (in Russian).
33. ICCL. Vol. 43, part 1. States and report cards, No. 14251, p. 200. (in Russian).
34. ICCL. Vol. 6, No. 3890, p. 493. (in Russian).

УДК 94(47).084.2/3
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-35-42

ГЕНЕРАЛ ГРЕКОВ 8-Й*

© 2021 г. А.В. Венков ^а

^а *Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия*

GENERAL GREKOV THE 8TH

A.V. Venkov ^а

^а *Federal Research Centre The Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

*Венков Андрей Вадимович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией казачества,
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр
Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru*

*Andrey V. Venkov -
Doctor of History, Professor,
Head of Cossacks Laboratory,
Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Chekhov Ave, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru*

В 2013 г. в слободе Дячкино Тарасовского района Ростовской области учащимися и преподавателями Шахтинского Я.П. Бакланова казачьего кадетского корпуса были обнаружены захоронения сразу трех героев войны 1812 г., донских казачьих генералов – генерал-лейтенанта А.А. Карпова, генерал-майора П.М. Грекова и генерал-майора Г.А. Дячкина. Их прежние захоронения были разграблены и разрушены во время революции. Обнаруженный учащимися и преподавателями склеп был полностью заполнен битым кирпичом и другими остатками снесенного храма, около которого они были захоронены. Найденные тела лежали хаотично вперемешку с битым кирпичом, кусками надгробной плиты и другим строительным мусором. Уже несколько лет идет процесс идентификации останков. Когда этот процесс завершится, донские генералы будут преданы земле согласно их статусу и заслугам. Приводится краткая биография одного из этих незаслуженно забытых героев.

Ключевые слова: казаки, войны России, Польша, Италия, награды.

In 2013, in the Dyachkino settlement of Tarasovsky district of the Rostov region, students and teachers of the Shakhtinsky Ya. P. Baklanov Cossack cadet corps discovered the graves of three heroes of the 1812 war, Don Cossack generals - Lieutenant General A. A. Karpov, Major General P. M. Grekov and Major General G. A. Dyachkin. Their former graves were looted and destroyed during the revolution. The crypt, discovered by the students and teachers was completely filled with broken bricks and other remains of the demolished temple, near which they were buried. The bodies found were scattered randomly, mixed with broken bricks, pieces of tombstone, and other construction debris. The process of identifying the remains has been going on for several years. When this process will be completed, the Don generals will be interred according to their status and merits. This article gives a brief biography of one of these undeservedly forgotten heroes.

Keywords: Cossacks, Russian wars, Poland, Italy, awards.

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ЮНЦ РАН на 2021 г. (00-21-15, № госрегистрации АААА-А20-120122990111-9).

Генерал-майор Войска Донского Петр Матвеевич Греков считался у казаков выдающимся воином. Когда в 1904 г. семнадцати первоочередным донским казачьим полкам присваивались имена почетных шефов (Суворова, Кутузова, Потемкина, Платова), 16-й Донской казачий полк получил в качестве почетного шефа генерал-майора Грекова 8-го.

По версии биографов, Петр Греков участвовал за свою жизнь в 76 сражениях, 16 стычках, 7 ретирадах, 1 взятии, 4 занятиях, 2 блокадах, 2 покорениях городов, в 1 переправе [1, с. 41].

А злободневным исследование жизни генерала Грекова 8-го делает то, что тело его до сих пор достойным образом не погребено.

В биографии Петра Матвеевича Грекова много спорного и неизвестного. Во-первых, дата рождения.

В Военной (Сытинской) энциклопедии записка о нем начинается так: «Греков 8-й, Петр Матвеевич, г.-м. войска Донского, сподвижник Суворова и Платова, род. в 1762 г.» [2, с. 467].

В книге «Донцы XIX в.» приводится та же дата: «ГРЕКОВ 8-й, Петр Матвеевич. Генерал-майор и кавалер, 1762–1817 гг.» [1, с. 41].

В.М. Безотосный дает три варианта даты его рождения – 1762, 1764 и 1769 [3, с. 154].

Занявшись исследованием жизни Петра Матвеевича Грекова, мы обнаружили, что в послужном списке, составленном в 1799 г., указывается возраст 30 лет [4, л. 112 об.]. То есть дата рождения около 1769 г. В послужном списке за 1800 г. – 31 год [5, л. 61 об.], что подтверждает эту дату рождения.

В сборнике С.В. Корягина П.М. Греков указан казаком Луганской станицы [6, с. 31], так же как и один из его сыновей [6, с. 39].

Из чьих детей П.М. Греков происходит и какое состояние имеет – графа не заполнена в обоих послужных списках. Лишь в послужном списке за 1802 г. (там возраст – 33 года) указано: «Войска Донского из обер-офицерских детей, крестьян и подданных не имею» [7, л. 61 об.].

В записях за 1799 г. значится, что Петр Греков женат на «шляхетской» дочери Анне Матвеевне, детей не имеет [4, л. 113]. Но за 1802 г. указан сын Эраст 11 месяцев от роду [7, л. 62].

Образование: «российской грамоте читать и писать умеет, а других наук не знает» [5, л. 62].

Источники сходятся в одном – Петр Матвеевич «в службе» с 1784 г.

Авторы выходящей в начале XX в. «Военной энциклопедии» поддерживали распространяемую со времени наполеоновских войн легенду, что каждый солдат может стать маршалом, и представили П.М. Грекова следующим образом: «Простой казак, он в 1785 г. за отличие в бою с горцами на р. Малке б[ыл] произв[еден] в оф[ице]ры» [2, с. 467].

Авторы сборника «Донцы XIX в.», лучше разбиравшиеся в донской жизни, написали обтекаемо: «вступил в военную службу казаком в 1784 году, а в 1785 г., будучи произведен в хорунжие, он начал свою боевую деятельность в битве на р. Малке на Кавказе» [1, с. 41].

В послужном списке от 1799 г. все расставлено по местам: в службе казаком – 1784 мая 1-го; хорунжим – 1785 июня 19-го; в полку полковника Грекова – 1785 августа 16-го [4, л. 112 об.]. То есть 15-летний Петр Греков год числился на службе, получил офицерский чин хорунжего и после этого был послан в полк.

Полковник Греков, в полк которого попал юный Петр, – явный родственник. В это время на Кавказе нес службу полк Михаила Грекова, затем его на посту полкового командира сменил Федор Греков.

Из описания боевой деятельности, участия в боях и походах, следует, что в первый же день службы юный Греков попал в бой: «785-го августа 16 при Малке» [4, л. 113]. Далее следует более реальное описание службы: «786 апреля 8 при обозе, 10 и 20 при Владимирском редуте, июня 19 у Безвинного мыса» [4, л. 113].

Вернувшись из похода, Петр Греков 6 апреля 1788 г. получил чин сотника.

Выявленные нами события из жизни П.М. Грекова показывают, что он принадлежал к многочисленному и славному донскому клану Грековых, но к какой-то боковой ветви – сын «обер-офицера», т. е. фактически младшего офицера (старшие офицеры назывались «штаб-офицерами», а дети командиров полков «старшинскими детьми»), и приписан к Луганской станице, а не к Черкасску, донской столице. Но знатная родня его признаёт и «двигает» по служебной лестнице. И так же в будущем родня будет двигать его сына Эраста – с 10-летнего возраста запишут на службу, и в 11 лет он получит офицерский чин [6, с. 37].

В это время уже шла война с турками. Следующая запись в послужном списке: «В полку

начально генерал-майора Исаева 789 августа 4-го» [4, л. 112 об.].

Иван Иванович Исаев был одним из лучших донских военачальников, он отличился в войсках А.В. Суворова под Кинбурном, был назначен командиром Шефского полка Г.А. Потемкина и походным атаманом армии. В 1788 г. за отличие под Очаковым и Бендерами произведен в полковники. В 1793 г. – в бригадиры.

В послужном списке Петра Грекова перечислены сражения под Бендерами, при Каушанах, взятие Аккермана, атака и взятие Бендер. 7 сентября 1789 г. Петр Греков получает армейский чин поручика. 5 ноября 1790 г. он переводится в полк Василия Орлова, будущего Донского атамана. 11 декабря 1790 г. А.В. Суворов штурмом берет Измаил. Петр Греков участвует в штурме и награждается чином капитана.

22 и 28 июня 1791 г. он участвует в сражении при Мачине, после которого турки запросят мира.

Как видим, Петр Греков начинает службу в полку у родственника, а затем служит в лучших (элитных) полках донских казаков, в Шефском полку самого Г. Потемкина и в полку будущего донского атамана.

Карьерный взлет Петра Грекова приходится на кампании 1792 и 1794 гг., на Второй и Третий разделы Польши. Казачья конница начинает победоносный рейд по территории современной Украины. 15 мая 1792 г. – Мурафа, 31 мая – Спиченцы, 4 июня – Деревице, 7 – при Городище. Все это время казаки преследуют отступающие по территории Украины польские войска и дерутся с прикрывающей отступление польской кавалерией. 15 июля идут бои при Островах, 26 – при деревне Микулице, 28 – при Владимирже, 7 июля передовые русские отряды пытаются форсировать Западный Буг и вступить на польскую территорию. Петр Греков участвует в сражении при Дубенках, «где ранен пулею в левую руку» [4, л. 113].

Ранение казачьего офицера – явление не частое. Сам Я.П. Бакланов в свое время ранение, полученное в бою от шашки, в послужной список вносить не стал – «Сам виноват. Плохо дрался» [8, с. 208].

Последний бой кампании – 15 июля у Маркушува – произошел уже без Грекова. 25 июля русские войска вступили в Варшаву.

9 августа 1792 г. П.М. Греков был произведен в секунд-майоры.

Кампания 1794 г., которую П. Греков назвал боями «против бунтовщиков польских» [4,

л. 113], была для него не менее удачной. 23 марта при Прашевице был первый бой с повстанцами Костюшко, 24-го под Раславицами русские войска потерпели поражение, но полк, в котором служил П.Греков, обходил поляков с тыла и под удар не попал. 17 апреля близ местечка Кошице русские сдерживали наступление поляков на Краков, и П. Греков, «будучи с командою на передовых постах, отразил сильное неприятельское на оные нападение» [4, л. 113]. Отступая, русские войска под командованием казачьего генерала Ф.П. Денисова, умудрились окружить польские войска в их лагере под Полонцами и держали их в осаде до 6 мая. 29 апреля под Полонцами шел самый тяжелый бой этой осады, и П. Греков в нем участвовал. 4 мая сражались при Завихосте, и этот город П. Греков, в лучших традициях южно-русского диалекта, записал как «Завифост».

Войска Костюшко спасло распространение восстания, присоединение к «вождю» крестьян и шляхты. Войска Ф.П. Денисова стали отходить на запад, к прусской границе. 10 мая П.Греков участвовал в арьергардном бою у Пенчова. 26 мая соединившиеся русские и прусские войска разбили поляков при Щекочине.

Костюшко стал отводить свои войска к Варшаве, а казаки его преследовали. П. Греков перечислил столкновения казаков с польским арьергардом «июня 10-го при деревнях Сухинева и Зачниске, 14 при местечке Ильзе, 15 при Липовом поле, 22 при местечке Белобрегах, 23 при деревне Промне, 27 близ местечка Гур» [4, л. 113].

Со 2 июля началась осада Варшавы, но затянулась. Поляки устраивали вылазки. П. Греков 22 июля и 21 августа при Черныхове, замещая командира полка, «командуя казачьим Орлова полком, разбил два раза неприятельские мятежные войска, бывшие под командою генерала Понинского, пленив до трехсот человек, и такое же число положено на месте убитыми» [4, л. 113]. 26 августа пруссаки сняли осаду и стали уходить к своей границе. Русские войска, подступавшие к Варшаве с запада, вынуждены были искать место для переправы на Висле, чтобы идти на соединение с главными силами, находившимися в Литве и на Украине. П. Греков был послан искать место для прорыва. В своем послужном списке он записал: «Сентября 6 вторично при Гурах с отряженной партией в числе трехсот человек казаков для разведывания неприятельских намерений и, подойдя в ночи лес-

ным местом к самим Гурам, где неприятельский авангард находился, учинил на него нападение с сильнейшим стремлением разбить его, при каком разбитии захватил в плен семьдесят пять человек в том числе два офицера и множество убито» [4, л. 113]. Костюшко пытался не допустить соединение русских войск, но 29 сентября при Мацеевице был разгромлен и попал в плен. П. Греков при Мацеевицах отличился: «На утренней заре первый с полком атаковал неприятельские передовые посты под защиту их батальона, вытеснил с их позиции и тем очистил место к выстроению войск наших в ордер батальи и в продолжение сражения держал правый фланг, отбил неприятельскую пушку, за что награжден военным орденом Св. великомученика и победоносца Георгия 4 класса» [4, л. 113–114].

Вскоре на театре военных действий появились войска А.В. Суворова, и в их рядах П. Греков завершил кампанию: «Октября 15 при Кобылке, 23 при очищении деревни Лес и 24 на штурме Прагских укреплений, равно и до самого окончания по обезоружению мятежников безотлучно участвовал» [4, л. 114].

Дальнейшее прохождение службы отмечено туманно: в 1796 г. П. Греков был «на Дону комиссаром» [4, л. 114].

Меж тем Россия готовилась к войне с Французской Республикой. К западным границам империи стянули 22 казачьих полка. Во главе одного из таких полков П. Греков 15 мая 1798 г. выступил в поход к австрийской границе. 19 октября в числе других шести казачьих полков казаки полка П. Грекова перешли границу и двинулись в Италию воевать с французами.

Весь 1799 г. П.М. Греков сражался на глазах А.В. Суворова. В первые же дни, «апреля 13 разбил неприятельский сильный арьергард, командуемый генералом Серелье, завладел городом Бергамо, с цитаделью и во оной двенадцатью пушками» [4, л. 114] (под генералом «Серелье» следует понимать будущего французского маршала Ж.-М.Ф. Серюрье).

Непосредственный командир Грекова, походный атаман Адриан Денисов, вспоминал, что при занятии Бергамо в 1799 г. полковник Греков опрокинул французскую кавалерию на французскую пехоту, проходившую по улицам города, в результате чего смешался весь французский отряд и «скорей скороходов пробежал через город» [9, с. 101].

Под командованием А.В. Суворова русские войска стремительно в течение апреля 1799 г.

освободили от французов северную часть Италии.

П. Греков фиксировал бои: «14 при Лекко, 16 при Трейзе, 24 и 25 при Тордоне, мая 5 при Маренге, с полком на правом фланге во все время сего сражения многократно опрокидывал стремительные неприятельские нападения, покушающиеся ворваться войскам нашим в тыл. Наконец учинил сильный удар, вогнав неприятеля в болоты к реке Бормиде».

В сражении у р. Треббии П.М. Греков командовал всей казачьей конницей, четырьмя полками. Бесстрашно атаковал французскую кавалерию и пехоту и был награжден орденом Св. Анны 2 класса [4, л. 115].

После разгрома французов на Треббии участвовал в осаде и взятии Александрии [10, л. 18] и крепости Серовале [11, л. 201].

Во время Альпийского похода П.М. Греков в рядах корпуса генерала Розенберга прикрывал переход русских войск через горный хребет и в Муттенской долине отражал нападение войск генерала Массена на русских с тыла. «В перехождении чрез Альпийские горы при Монтентале, сентября 19 и 20 у разбития французских войск под командою генерала Массены, начальном содержал полком своим передовую цепь с генерал-майором Велецким и при сильном неприятельском нападении и до прибытия в помощь с войсками нашими г-на генерала от инфантерии Розенберга имели упорство и сопротивление, а по прибытии оного неприятель совершенно разбит и прокинут в бегство к преследованию коего будучи командирован первый своим полком до самого Швица и при оном наносил ему сугубый вред побитыми их и в плен взятыми, за что пожалован командорским орденом алмазами украшенным» [4, л. 115].

Вернувшись из Итальянского и Швейцарского походов, украшенный многими наградами георгиевский кавалер Петр Греков надолго исчезает из военных сводок. Исключение составляет Оренбургский поход, прерванный из-за смерти Павла I. 27 февраля 1801 г. во главе введенного полка Греков выступил в этот поход.

С 1802 г. П.М. Греков числится «при Войске» без должности [7, л. 62]. Возможно, свет на такое положение проливает запись в кондуктном списке за 1804 г.: «Жизни беспокойной, заносчив и излишне употребляет хмельные напитки» [3, с. 155].

Но с того же 1804 г. П.М. Греков стал обзаводиться хозяйством. Записал за собой 7 муж-

ских душ крестьян [12, л. 54 об.]. А в графу, касающуюся семьи, кроме Эраста, вписал полугодовалого Матвея [12, л. 58].

С.В. Корягин считает, что в 1806 г. у П.М. Грекова родился сын Михаил [6, с. 38].

В кампаниях 1805 и 1806–1807 гг. против Наполеона П.М. Греков не участвовал, как и в кампании на Дунае против турок в 1806–1807 гг. В послужном списке значится туманно: «1805–1808 по внутреннему управлению в Войске» [13, л. 23 об.].

Лишь в 1808 г., когда с турками было заключено перемирие, П.М. Греков отправляется на войну на дунайский театр. Появившийся в документах с 5 апреля 1808 г. полк полковника Грекова 8-го – это бывший полк подполковника Чернушкина 1-го.

В 1809 г. военные действия возобновились. 24 марта русские войска под командованием генерала Милорадовича пошли на штурм Журжи. Штурм был отбит, хотя русские разорили ретраншементы Журжи, захватили 7 орудий и заклепали 6.

Командир полка Греков Петр Матвеевич удостоился Высочайшего благоволения за взятие бастиона Журжевских укреплений с 5-ю орудиями и 10-ю знаменами.

Бои под Журжей шли долго. Стычки упоминаются 29 июня, 4-го и 5 августа, 29 августа. Попытка турок деблокировать крепость была отбита конной атакой во фланг, за что полковник Греков 8-й был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

В 1810 г. Греков 8-й опять отбивал вылазки гарнизона Журжи 20 июня и 20 июля. Наконец, 6 октября крепость сдалась, выдав 39 орудий.

Кампания 1811 г. была проведена новым главнокомандующим М.И. Кутузовым. Он перешел Дунай и под Руцкумом дал бой туркам.

Впоследствии Кутузов писал, что занял «скверную, но единственно возможную позицию. С фронта позиция была очень открыта, но оба мои фланга упирались в овраги, сады, виноградники: как раз то, что нужно для турок. Из 9 каре я построил две линии ан-эшикье (в шахматном порядке. – *А.В.*), а кавалерия составляла треть» [14, с. 477]. В третьей линии стояли 4 казачьих полка (Грекова 8-го, Мельникова 5-го, Луковкина и Астахова 4-го), Ольвиопольский гусарский, Санкт-Петербургский драгунский, Чугуевский уланский, Белорусский гусарский, Кинбурнский драгунский и 18 конных орудий [15, с. 173]. Русское левое крыло было

атаковано 5 раз. Наконец, 10 тысяч турецких всадников бросились на это крыло в решительную атаку. «...Я в долговременную мою службу противу турок таковой отчаянной атаки их кавалерии не памятую», – писал Кутузов [14, с. 545].

Турки прорвались, но наткнулись на крепостные укрепления и смешались. Тут по ним с фланга и тыла ударила русская конница. В итоге турки бежали, а полковник П.М. Греков 8-й удостоился ордена Св. Георгия 3-й степени «в воздаяние отличных подвигов мужества и храбрости, оказанных в сражениях против турецких войск в нынешнюю кампанию» [16, с. 17]. 9 офицеров и 3 урядника его полка получили повышение в чинах.

Разбив турок, Кутузов увел русские войска за Дунай, а разгоряченные поражением турки бросились его преследовать и перешли Дунай вслед за ним. Турецкий плацдарм был блокирован. «В то же время Кутузов начал часто посылать казаков за Дунай, в тыл Руцку и стоявшего там визирского лагеря, желая приучить турков к появлению донцов на правом берегу Дуная» [15, с. 203]. Генерал Ланжерон вспоминал: «Я уже говорил, что Кутузов довольно хорошо организовал шпионство, но у нас был еще вернее способ узнать, что делается в лагере визиря – это посылать туда своих людей с приказанием захватить их пикеты. 7 раз мы предпринимали это и каждый раз оно кончалось полным успехом. Казаки Грекова производили эти нападения с необыкновенной смелостью и отвагой. Делалось это так: в три маленькие лодочки садились десять казаков со своими лошадьми; ночью они переплывали Дунай и входили в турецкий лагерь. После каждого такого нападения они приводили нам двух – трех турок. Несколько раз наши казаки производили даже беспокойство в неприятельском лагере, и мы слышали стрельбу, продолжавшуюся очень долго, тогда как казаки с пленниками были уже дома» [17, с. 353].

Когда турки привыкли и успокоились, русские войска переправились через Дунай выше их лагеря и вышли к переправам турецких войск, занявших плацдарм против армии Кутузова. Переправившиеся вслед за Кутузовым турецкие войска оказались в окружении.

После окружения турецкого лагеря последовал приказ развивать успех и наступать от Обилешти на Туртукай и Силистрию.

Полковник Греков 8-й с отрядом пехоты и конницы устремился к Туртукаю и 9 октября

взял его без боя, захватив там сына турецкого главнокомандующего Али-паши. Сам Греков 8-й за Туртукай был произведен в генерал-майоры 18 января 1812 г.

Осенью 1811 г. окруженная и изголодавшаяся турецкая армия капитулировала. Война с Турцией была близка к завершению.

Перед войной 1812 г. французский капитан Де Лонгрю, побывавший в России, дал характеристику 60 русских генералов.

Из представленного списка видно, что критерием отбора стала военная деятельность во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Из 60 персоналий 31 – участники этой войны, 8 – участвовали в русско-шведской войне 1808–1809 гг., 4 несли службу на западных границах России, остальные – администраторы и чины гвардии.

В списке представлены всего 2 казака – В.В. Орлов-Денисов и П.М. Греков. Орлов-Денисов отличился во время войны со шведами. «Генерал-майор. Казак. Генерал-адъютант императора, один из главных казачьих начальников, командует лейб-гвардии казачьим полком. Это красивый молодой человек, плотного телосложения. Говорит по-французски мало, и его не встречают в обществе» [18, с. 18]. О его военных качествах, как видим, не сказано ничего. И о нашем герое: «Греков, казачий полковник. 40 лет. Это тот, который переправился через Дунай у Туртукай 8 мая 1811 г. Человек очень храбрый, очень предприимчивый, руководит обыкновенно опасными экспедициями авангарда... Грабитель» [18, с. 19].

Столь нелестная характеристика находит свое подтверждение. Большую роль в истории казачества всегда играл фактор добычи. Генерал А. Ланжерон вспоминал: «Вся Болгария была опустошена и разграблена казаками, и эта столь плодородная и богатая страна, которая могла прокормить армию в продолжение зимы, была истощена и превращена в пустыню» [19, с. 683].

В книге П. Симанского приводится разговор Наполеона с русским военным атташе Чернышевым. Наполеон спросил, «много ли грабили в Турции наши генералы? Чернышев ответил, что подобные злоупотребления были положительно неизвестны среди наших войск, в особенности, что касается наших генералов и офицеров, и что в отношении порядка и дисциплины, последние походы в Финляндии и Турции могут быть названы образцовыми. Наполеон возразил ему, смеясь, что он не прав, говоря с ним неоткро-

венно, что он знает, что наши не настолько хищники как его, но он не отважился бы отвечать за начальников нашего авангарда и за наших полковников-казаков» [18, с. 18].

Впрочем, как покажет будущее, П.М. Греков, охарактеризованный как грабитель, «каменных палат» не нажил.

В 1812 г., как мы помним, Наполеон с неисчислимым войском устремился к Москве, а в тыл к нему с берегов Дуная вышла целая армия, сражавшаяся ранее против турок. Казаками этой армии (полки Грекова 8-го, Исаева 2-го, Грекова 4-го, Киреева 2-го, Мельникова 5-го и Дячкина) командовал генерал-майор П.М. Греков 8-й.

Французы еще были в Москве, когда казаки П.М. Грекова начали громить их глубокий тыл. 17 сентября при Любомле захвачен 1 офицер, 68 солдат и 2 патронных ящика; 22 сентября у Збаража захвачен полуэскадрон с 3 офицерами; 23 сентября при Брест-Литовске разбиты 4 эскадрона и взяты 3 офицера и 42 рядовых... [13, л. 23 об.] И так всю осень. В ноябре казаки Грекова 8-го встретили отступающую из Москвы армию Наполеона. 9 ноября П.М. Греков «завладел Борисовским укреплением, взял 2 пушки, перешел Березину и, преследуя, взял 947 пленных» [13, л. 24].

19 ноября при Хотаевичах П.М. Греков был ранен пулей в голову [13, л. 24]. Интересно, что ни один офицер его полка в этот день не отметил какое-либо участие в боевых действиях [13, л. 24–28]. Либо Греков выезжал на рекогносцировку, либо пуля была на излете. За кампанию 1812 г. П.М. Греков был награжден орденом Св. Анны I класса.

В освободительном походе русской армии 1813 г. П.М. Греков принял участие только в мае, через пять с половиной месяцев после ранения. Сразу же он попал в генеральное сражение под Бауценом и опять командовал отрядом из шести казачьих полков. Сражение было проиграно, но Греков при Михельсдорфе умудрился разбить неприятельский авангард. Затем он прикрывал отступление армии генерала Блюхера и захватил в плен 7 офицеров и 400 солдат. До августа 1813 г. было заключено перемирие, но в августе Греков участвовал в 8 боях и, командуя своими казаками, взял 13 орудий, 44 зарядных ящика, 9 штаб- и 27 обер-офицеров, 609 рядовых, положил на месте 1200 человек, разогнал 5 эскадронов кавалерии противника. В сентябре разбил польскую конницу и был награжден алмазами к знаку ордена Св. Анны [13, л. 24].

В сражении под Лейпцигом П.М. Грекову сдались 4 батальона саксонской пехоты, рота егерей и эскадрон гусар при 22 орудиях. За это Греков получил Высочайшую благодарность и золотую саблю с алмазами [13, л. 25].

Преследуя разбитых под Лейпцигом французов, казаки П.М. Грекова взяли еще 300 пленных. 21 декабря 1813 г. они перешли Рейн и вступили на землю Франции.

Французскую кампанию 1814 г. П.М. Греков провел в рядах корпуса М.И. Платова, командуя 4 полками и 7 орудиями. Эпиналь, Мерикур, Ней-шато, Сан, штурм Намюра, бой при Лаферте-а-Жуар... Затем возвращение из рейда, причисление к Главной квартире и вступление в Париж. За бои 1814 г. П.М. Греков был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени и баварским орденом Максимилиана-Иосифа. «На этом и закончилась боев[ая] деят[ельно]сть Г[рекова], за время к[ото]рой им б[ыло] взято в плен 2 ген[ерала], более 194 шт[аб-] и об[ер]-оф[ице]ров и свыше 10 т[ысяч] н[ижних] ч[инов], захвачено 30 ор[удий] и 23 знамени» [2, с. 468].

Война была естественной средой и естественным состоянием П.М. Грекова. После ее окончания он очень быстро умер. В сборнике «Донцы XIX в.» написано, что П.М. Греков скончался 3 февраля 1817 г. от разрыва сердца и погребен в церкви слободы Дячкиной Донецкого округа, в 7 верстах от ст. Глубокой [1, с. 44]. В.М. Безотосный уточняет: «Умер в слободе Дячкиной у станицы Каменской, приехав в гости к генералу А.А. Карпову. Похоронен при церкви Трех Святителей в Дячкиной слободе Донецкого округа Войска Донского» [3, с. 155]. Видимо, П.М. Греков приехал в гости к владельцу слободы генералу Г.А. Дячкину, с которым вместе воевал против турок и французов. А слобода после смерти Г.А. Дячкина в 1819 г. действительно перешла к брату его жены А.А. Карпову.

Возник вопрос, почему П.М. Греков не был похоронен по месту жительства. Да и где было это местожительство? К детям на тот период вопросов нет. Старшему сыну в год смерти отца еще не исполнилось 17 лет. А когда дети выросли, вряд ли был смысл переносить тело покойника. Возможно, были еще какие-то причины. Так, внук нашего героя, Михаил Михайлович, родился в 1839 г. в слободе Дячкино [6, с. 38].

У П.М. Грекова было три сына, они «вышли в люди». Старший, Эраст, дослужился до гене-

рал-майора. Дети обзавелись именем. Герб получили. На гербе изображались скачущий на белом коне казак, Альпы, опрокинутые вражеские орудия и сабля «За храбрость» [6, с. 35]. За сыновьями пошли внуки. Из них двое дослужились до чина генерал-лейтенанта и двое до чина генерал-майора, и даже один из правнуков стал генерал-лейтенантом, а один – генерал-майором. И это уже в начале XX в. Но к памяти своего славного предка они относились, как нам кажется, недостаточно бережно. Когда в 1904 г. имя генерала Грекова 8-го было присвоено 16-му Донскому полку, группа офицеров полка, как сказано в газетной статье, поехала «помолиться на могиле своего шефа». Вот описание могилы: «Могила находится у самого алтаря, в расстоянии одного шага от его южной стены. Памятник на могиле более чем скромный; это – небольшая колонна из местного камня с простым железным крестом наверху; место в 3 аршина и 2 в ширину обнесено железною простенькою решеткой. На западной стороне памятника была прикреплена небольшая медная доска с выгравированной на ней надписью: “Здесь погребен генерал-майор Петр Матвеевич Греков. Скончался 1817 года февраля 3-го, на 54 году от рождения”. В настоящее время доска эта оторвалась и хранится в усыпальнице местных помещиков: Дячкиных и Карповых, находящейся тут же подле и содержимой в большом порядке» [20, с. 2]. Как видим, указанный на доске возраст покойного переносит дату его рождения в 1762–1763 гг.

Таким образом, биография одного из героев Дона, чьи подвиги высоко ценились и современниками и потомками, нуждается в дальнейшем исследовании.

Литература

1. Донцы XIX века : биографии и материалы для биографий донских деятелей на поприще службы военной, гражданской и общественной, а также в области наук, искусств, литературы и пр. Новочеркасск, 1907. Т. 2. 309 с.
2. Военная энциклопедия. СПб. : Т-во И. Сытина, 1912. Т. 8. С. 321–642.
3. *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М. : РОС-СПЭН, 1999. 192 с.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 341. Оп. 1. Д. 208.
5. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 231.

6. Корягин С.В. Грековы. Генеалогия и семейная история донского казачества. М.: Русаки, 2003. Вып. 42. 128 с.

7. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 71.

8. Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. М.: Вече, 2018. 448 с.

9. Записки донского атамана Денисова. СПб.: ВИРД, 2000. 253 с.

10. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 230.

11. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 225.

12. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 99.

13. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1102.

14. Кутузов М.И. Сборник документов. Том III: 1808–1812. М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил СССР, 1952. 1060 с.

15. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Турецкой войны в царствование императора Александра, с 1806 до 1812 года: в 2 ч. СПб.: Тип. Штаба отд. Корпуса внутренней стражи, 1843. Ч. 2. 279 с.

16. Донцы-кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия: 1775–1908 г. М.: Тип. М.Г. Сазонова, 1911. 95 с.

17. Ланжерон А. Записки графа Ланжерона // Русская старина. 1910. Т. 143. С. 341–361.

18. Симанский П. Перед войной 1812 года. Описание качеств и способностей русских генералов. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1906. 58 с.

19. Ланжерон А. Записки графа Ланжерона // Русская старина. 1908. Т. 134. С. 661–696.

20. Чеботарев Н. На могиле П.М. Грекова // Донские областные ведомости. 1905. № 143. 9 июля. С. 2.

References

1. *Dontsy of the 19th century: biographies and materials for biographies of Don figures in the field of military, civil and public service, as well as in the field of sciences, arts, literature, etc.* (1907). Novochoerkassk, vol. 2, 309 p. (in Russian).

2. *Military encyclopedia.* (1912). St. Petersburg, Partnership of I. Sytin, vol. 8, pp. 321-642. (in Russian).

3. Bezotosny V. M. (1999). *Don generalitat and ataman Platov in 1812. Little-known and unknown facts*

against the background of famous events. Moscow, ROSSPEN, 192 p. (in Russian).

4. *State archive of the Rostov region (SARR).* Fund 341. In. 1. File 208. (in Russian).

5. *SARR.* Fund 341. In. 1. File 231. (in Russian).

6. Koryagin S. V. (2003). *Grekovs. Genealogy and family history of the Don Cossacks.* Moscow, Rusaki Publ., iss. 42, 128 p. (in Russian).

7. *SARR.* Fund 344. In. 1. File 71. (in Russian).

8. Venkov A.V. (2018). *The Thunderstorm of the Caucasus. The life and exploits of General Baklanov.* Moscow, Veche Publ., 448 p. (in Russian).

9. *Notes of the Don ataman Denisov.* (2000). St. Petersburg, VIRP Publ., 253 p. (in Russian).

10. *SARR.* Fund 341. In. 1. File 230. (in Russian).

11. *SARR.* Fund 341. In. 1. File 225. (in Russian).

12. *SARR.* Fund 344. In. 1. File 99. (in Russian).

13. *SARR.* Fund 55. In. 1. File 1102. (in Russian).

14. Kutuzov M. I. (1952). *Collection of documents. Volume III: 1808-1812.* Moscow, Military Publishing House of the Ministry of the Armed Forces of the USSR, 1060 p. (in Russian).

15. Mikhailovsky-Danilevsky A. I. (1843). *Description of the Turkish war in the reign of Emperor Alexander, from 1806 to 1812.* In 2 parts. St. Petersburg, Publ. of Headquarters of the dep. Corps of the Inner Guard, ch. 2, 279 p. (in Russian).

16. *Dontsy-Cavaliers of the Order of the Holy Great Martyr and Victorious George: 1775-1908.* (1911). Moscow, M. G. Sazonov's Printing House, 95 p. (in Russian).

17. Langeron A. (1910). Notes of Count Langeron. *Russkaya starina*, vol. 143, pp. 341-361. (in Russian).

18. Simansky P. (1906). *Before the war of 1812. Description of the qualities and abilities of Russian generals.* St. Petersburg, Printing House of the main department of districts, 58 p. (in Russian).

19. Langeron A. (1908). Notes of Count Langeron. *Russkaya starina*, vol. 134, pp. 661-696. (in Russian).

20. Chebotarev N. (1905). On the grave of P.M. Grekov. *Donskie oblastnye vedomosti*, No. 143, July 9, p. 2. (in Russian).

УДК 94(470.67)
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-43-47

НЕДОСТАТКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ДЕРБЕНТСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ РЕВИЗИИ 1860 ГОДА

© 2021 г. Т. Ч. Джабаева^а

^а Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

SHORTCOMINGS OF THE ADMINISTRATIVE MANAGEMENT OF THE TSARIST ADMINISTRATION IN THE DERBENT PROVINCE ACCORDING TO THE AUDIT OF 1860

T.Ch. Dzhabaeva^а

^а Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Джабаева Тахмина Чарагановна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России,
Дагестанский государственный университет,
ул. Гаджиева, 43а, г. Махачкала,
Республика Дагестан, 367000, Россия.
E-mail: tahmina.dj@mail.ru

Tahmina Ch. Dzhabaeva -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Russian History,
Dagestan State University,
Gadzhieva Str., 43a, Makhachkala,
Republic of Dagestan, 367000, Russia.
E-mail: tahmina.dj@mail.ru

Исследуются вопросы, связанные с практикой административного управления в Дагестане, в частности в Дербентской губернии в середине XIX в. Выявлены недостатки административного управления по части делопроизводства, неопределенность судебных разбирательств, причины нежелания участия полицейских в раскрытии определенных преступлений (социальный фактор), неэффективность управления государственным имуществом, недостатки в налоговой системе. Анализируются причины низкого уровня медицины, проблем ведения городского хозяйства и торговли.

Отмечена политическая гибкость царской администрации по отношению к населению Дербентского уезда. Показана степень влияния адатов на общественную жизнь и самосознание населения, стойкое соблюдение архаичных норм обычного права, несмотря на политическое и административное присутствие, в большей или меньшей мере, царской администрации в различных обществах Дербентского уезда. Отмечается социально-политическая разница в общественном сознании, существующая между населением края и новой властью. Изучается комплекс вопросов, связанных с уровнем социального развития населения Дербентского уезда Дагестана в составе России в середине XIX в.

Ключевые слова: Дагестан, судопроизводство, делопроизводство, население, административное управление, царская администрация, губерния, общественная жизнь, ревизия, чиновники, повинности.

The article is devoted to the study of issues related to the practice of administrative management in Dagestan, in particular in the Derbent province in the middle of the 19th century. The shortcomings of administrative management in terms of office work, the uncertainty of court proceedings, the reasons for the reluctance of police officers to investigate certain crimes (a social factor), the inefficiency of state property management, the shortcomings in the tax system are identified, and the reasons for the low level of medicine, problems of urban economy and trade are analyzed.

As a result, the political flexibility of the tsarist administration in relation to the population of the Derbent district is noted. The author analyzes the degree of influence of the adats on the public life and self-consciousness of the population, the persistent observance of archaic norms of customary law, despite the political and administrative presence, to a greater or lesser extent, of the tsarist administration in various societies of the Derbent district. There is a socio-political difference in the public consciousness that exists between the population of the region and the new government. The article involves the study of a complex of issues related to the level of social development of the population of the Derbent district of Dagestan in Russia in the middle of the 19th century.

Keywords: Dagestan, legal proceedings, office work, population, administrative management, tsarist administration, province, public life, audit, officials, duties.

После присоединения Северного Кавказа к России основной целью российского правительства стало превращение региона в неотъемлемую часть империи, максимально интегрированную в российскую социально-экономическую и политическую систему. Реформирование системы административного управления началось с высших органов военной и гражданской власти на Кавказе. Прежде всего было учреждено Кавказское наместничество вместо должности главнокомандующего Кавказской армией [1].

С 1855 г. Прикаспийский край был поделен на владения Северного и Нагорного Дагестана и Дербентскую губернию. Уездный начальник в Дербентской губернии управлял по новым правилам уездных начальников Кавказа.

Член Государственного совета П.Е. Коцебу, исполнив возложенное на него поручение кн. Барятинского относительно ревизии Дербентской губернии во всех частях ее административного управления, представил отчет о ее ходе и последствиях. В отчете были приведены подробные сведения о действиях властей и состоянии делопроизводства административных учреждений по гражданской и уголовной частям, о состоянии других частей управления – государственными имуществами, врачебной, межевой и строительной, а также о социально-экономическом положении населения губернии [2, с. 440].

Ревизия была непосредственно проведена в Канцелярии Дербентского военного губернатора, сосредоточивающей в себе обязанности губернского правления и палаты государственных имуществ и включающей Дербентское и Кубинское уездные управления, Дербентскую и Кубинскую городские полицию, Кубинское, Хазринское, Будугское и Шабранское участковые управления, Улусское приставство и управление помощника управляющего Кайтагом.

В каждом из этих управлений были обнаружены нарушения установленных законом правил делопроизводства. В отчетах была отмечена крайняя медлительность в производстве уголовных и гражданских дел и неверный ход разбирательства. К примеру, уездные начальники, полиция и участковые заседатели нередко принимали на себя решения дел, которые по классификации и цене исков должны были подлежать судебному разбирательству. Также наблюдались слабые меры взыскания по частным долговым претензиям, от которых кредиторы испытывали

массу неудобств, а должники уклонялись от уплаты долга, вследствие чего доверие народа в частных сделках падало. На данный недостаток в судопроизводстве было обращено особое внимание в отчете [2, с. 440].

Кроме того, П.Е. Коцебу особо отметил бессилие полицейских чиновников в раскрытии совершаемых в губернии разного рода преступлений. В состав Дербентской губернии входили различные владения (Кайтаг, Табасаран и др.), население которых можно разделить на вполне покорных жителей, понимающих и принимающих начала гражданской жизни; на жителей также вполне покорных, но вследствие низкого социального уровня не понимающих смысла новых законов; на полупокорных жителей, «общение» с которыми происходит только при помощи военной силы, и, наконец, непокорных жителей, признающих зависимость от царской администрации только когда привлекаются военные силы. В итоге Дербентский уезд состоял из 16 тысяч дворов с социально разнородным населением различной степени образованности и уровня покорности царской администрации. Реализовывать единое гражданское управление в отношении всех обществ уезда было крайне сложно, а в некоторых обществах – невозможно. К наиболее непокорным относились жители вольных магалов Табасарана и Кайтага. Непокорность проявлялась не столько в прямом противостоянии жителей магалов новым законам, сколько в слабом присутствии, иногда и в полном отсутствии здесь представителей власти [3, с. 52].

Поразительным примером того может служить без вести пропавшее в октябре 1853 г. еврейское семейство из 5 человек. Ход этого дела был подробно охарактеризован в специальной записке, представленной при отчете. По имеющимся данным, еврейка по имени Гусида обратилась к уездному начальнику с жалобой на неправильное распоряжение Ага-бека Мугатырского имуществом, оставшимся после смерти ее мужа. Жалоба была справедлива и иск был удовлетворен. Однако вскоре она с четырьмя детьми исчезла из дер. Мугатырь. Формальное следствие ничего не открыло, но, по частным сведениям, стало известно, что по приказанию владельца земли Ага-бека, желавшего отомстить еврейке за жалобу на него, сын его Казалов-бек вместе с Мулла-Агасием и ближайшими нукерами, напав ночью на это семейство, задушили

всех и похоронили в укромном месте. Нашлись свидетели, которые уверяли, что несчастных закопали живыми и даже указывали место захоронения, но уличать преступников полицейские не решились из-за опасения мщения не одного Ага-бека, но всего сословия Табасаранских беков. По личному приказанию командующего войсками и управляющего гражданской частью в Прикаспийском крае следствие было прекращено [2, с. 441].

Слабая защита полицейских властей также была отмечена в управлении государственного имущества относительно казенных поселян против притеснений землевладельцев. Жалобы поселян уездным начальникам и участковым заседателям на притеснения землевладельцев заканчивались всегда в пользу последних без всякого расследования. Это происходило в большей степени из-за неопределенных взаимных отношений поселян к владельцам в Дербентском уезде, где поселяне отбывали владельцам повинности по обычаю или адату, условия которого местным властям были неизвестны.

Среди населения Дагестана большое влияние имели адаты. Как правило, они сохраняли архаичные черты и несли пережиток патриархальных отношений [4, с. 499]. Пользуясь этой неопределенностью, землевладельцы увеличивали свои требования по произволу, а поселяне, в свою очередь, старались уменьшать их.

Жалобы со стороны поселян на незаконный захват тамошними беками их общественных земель оставались на бумаге и не подлежали разбирательству. Местная полицейская власть, отказывая поселянам в их жалобах, предлагала им непосредственно самим заявлять свои права на спорную землю судебным порядком [2, с. 442].

Это являлось нарушением, так как по закону, уездный начальник, будучи одновременно и окружным начальником, обязан был сам предъявлять иски в суд о поселянских землях как о казенном имуществе. В итоге поселяне элементарно, не имея средств возбуждать судебный процесс против беков, вынуждены были отказываться от своей собственности и подчиниться самовластию беков.

По материалам отчетов также видно, что отбывание жителями натуральных повинностей не подчинялось никаким правилам и исполнялось вне связи с уставом о повинностях. На жителей возлагались иногда такие работы, которые следовало бы производить вольным наймом. Одна-

ко ни главным начальством в губернии, ни местными полицейскими властями в этом отношении не исполнялся предписанный порядок. Старшины селений не имели книг для записи отбываемых жителями натуральных повинностей, более того, некоторые участковые управления не всегда исправно вели установленные Советом главного управления книги фиксированных обязанностей, которые в определенной степени могли бы оградить произвол чиновников. Самой тягостной из всех натуральных повинностей, сопровождавшихся неизбежными злоупотреблениями, являлась обязанность наряда караульных содержания внутренних постов, призванных обеспечивать безопасность края. Формулировка «по мере надобности» приводила к тому, что наряд караульных нередко принимал самые значительные размеры. Жители Дербентской губернии по распоряжению начальства обязаны были поставлять 270 чел. военных, часть из которых посылались в действовавшие отряды, часть исполняла службу в своем уезде. С покорением Дагестана острой необходимости в них не было и требовалось незначительное количество военных для охраны безопасности края от разбойничьих шаек. Тем не менее в любом количестве отряд военных являлся весьма обременительным для обществ. Эта повинность представлялась центральным вопросом и по другим губерниям, обсуждаемым в Общем присутствии о земских повинностях, от результата которого зависела дальнейшая судьба этой столь тягостной для жителей, как и безотчетной повинности.

Дербент исторически сложился как торгово-ремесленный центр, и во второй половине XIX в. он продолжал свое развитие [5, с. 58]. Таким образом, социально-экономический уровень населения здесь был гораздо выше других владений Дербентской губернии. Что касается городского хозяйства, то из всех статей городских доходов слишком обременительной для жителей считалась двойная пошлина, платимая ими со своих садов, находящихся в черте города – 5 % в пользу города и особо в пользу откупной акцизной статьи за виноград и фрукты, ввозимые в город для выделки вина и водки. Основанием определения последней пошлины послужило назначение акцизной черты у самых стен, а не по черте городских земель. Пошлина в пользу акциза столько же неудобна для жителей, как и несправедлива [2, с. 443].

Распространению или большему оживлению торговли мешало соседство непокорных племен Дагестана. Блистательным покорением гор препятствие это было уничтожено, и, без сомнения, торговля этого богатого края должна была сама собой возвыситься. Фабрик в Дербентской губернии не было, народная промышленность ограничивалась изделиями домашней работы, выделкой простого сукна, называемого лезгинским, ковров, войлоков и других шерстяных изделий. Для местного сбыта или для удовлетворения требованиям домашнего обихода имелись 6 красильных заводов, 6 – винокуренных, 8 – свечных, 3 – кожевенных [2, с. 443].

Таким образом, проанализировав отчет ревизии и выявив массу недостатков в управлении, можно выделить основные социально-экономические проблемы. Прежде всего для пользы края и благосостояния его жителей необходимо было определить и узаконить взаимные отношения поселян к владельцам земли, на коей они поселены, а также реформировать податную систему из натуральной в денежную по примеру Шемахинской губернии.

Система управления в Дербентской губернии имела свои особенности и отличительные черты по сравнению с аналогичным управлением в других губерниях, к примеру в Кутаисской или Эриванской [6, № 20702]. Вместо губернского правления здесь была учреждена канцелярия губернатора. Для управления Дербентом был назначен комендант, тогда как в других губерниях была должность уездного начальника. Для управления полупокорным и мирным населением, входившим в состав Дербентского уезда, были назначены особые военные приставы. Внутреннее управление в Кайтаге и Табасаране в большей степени находилось в руках местной власти и продолжало управляться своими старшинами, беками, уцмиями [7, с. 379].

Успешные действия начальника губернии зависят от губернаторской Канцелярии, состоящей из сознающих свой долг чиновников. Но деятельность подчиненных менее удовлетворительна и, следовательно, менее оправдывает свое предназначение.

Главнейшей из причин неэффективности действий Дербентского уездного управления и городской полиции Дербента являлось неправильное распределение обязанностей и излишняя загруженность делами служащих, поселяя в их сознании бессилие и равнодушие, при котором и возможное становилось невозможным.

Другие не менее важные, но более общие причины, которыми можно объяснить отсутствие порядка или неправильное направление и производство дел, – это уровень квалификации и нравственные качества исполнителей. Такие причины относятся в большей степени к посреднической роли инстанций между уездными управлениями и народом – участковым управлением, в особенности к управлению Нижним Кайтагом в Дербентском уезде. Недостаток этот можно было устранить одним только набором квалифицированных полицейских чиновников.

В целом же административное управление Канцелярии военного губернатора, несмотря на несоразмерность средств и объема дел и иногда в силу ряда субъективных причин неэффективную деятельность управленческих кадров, носило положительный и благонамеренный характер. Администрация заботилась о благосостоянии жителей, что объяснялось в различных мерах и предложениях, вносимых на рассмотрение высшего начальства, важнейшие из которых, например, облегчение сообщения между Кубою и Дербентом постройкой моста на р. Самур, а также уничтожение или по крайней мере ослабление бедственных неудобств морской пристани в Дербенте посредством устройства мола.

Литература

1. Джамалудинов М.Д., Шигабуудинов Д.М. Дербентская губерния в составе Кавказского наместничества (к вопросу об административных преобразованиях России в Дагестане во второй половине 40-х гг. XIX в.) // Изв. Даг. гос. пед. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки. 2011. № 2 (15). С. 22–25.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1904. Т. XII. 1558 с.
3. Джабаева Т.Ч. Проблема введения гражданского управления и судопроизводства царской администрации в Дагестане в середине XIX века (на материалах Дербентского уезда) // Вестн. Костромского гос. ун-та. 2020. Т. 26, № 3. С. 51–54.
4. Караулов Н.А. Основы мусульманского права // Историческое наследие. Ставрополь: Стрижамент, 1991. 556 с.
5. Далгат Э.М. Социально-экономическое развитие Дербента во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. Даг. науч. центра. 2015. № 56. С. 57–62.
6. Положение о разделении Закавказского края. 14 декабря 1846 г. // Полное собрание законов Рос-

сийской империи. Собрание второе. Т. XXI. Отделение второе. СПб. : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1846.

7. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого князя Михаила Николаевича : ист. очерк / сост. по поручению Военно-исторического отдела В.Н. Иваненко. Тифлис : Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. Т. VI. 527 с.

References

1. Jamaludinov M.D., Shigabudinov D.M. (2011). Derbent province as part of the Caucasian governorship (to the issue of administrative transformations of Russia in Dagestan in the second half of the 40s of 19th century). *Izv. Dag. state ped. un-teta. Obschestv. i gumanit. nauki*, No. 2 (15), pp. 22-25. (in Russian).

2. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. (1904). Tiflis, Printing House of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus, vol. XII, 1558 p. (in Russian).

3. Dzhabaeva T.Ch. (2020). The problem of introducing civil administration and legal proceedings of the

tsarist administration in Dagestan in the middle of the 19th century (based on materials from the Derbent district). *Vestn. Kostromskogo un-ta*, vol. 26, No. 3, pp. 51-54. (in Russian).

4. Karaulov N.A. (1991). Fundamentals of Islamic law. *Historical heritage*. Stavropol, Strizhament Publ., 556 p. (in Russian).

5. Dalgat E.M. (2015). Social and economic development of Derbent in the second half of the 19th - early 20th century. *Vestn. Dag. nauch. tsentra*, No. 56, pp. 57-62. (in Russian).

6. Regulations on the division of the Transcaucasian region. December 14, 1846. (1846). *Complete collection of laws of the Russian Empire. Second collection*. Vol. XXI. Second branch. Saint Petersburg, Printing House of the II Branch of H.E.H. Own chancery. (in Russian).

7. *Civil administration of the Transcaucasus from the annexation of Georgia to the governorship of the Grand Duke Mikhail Nikolaevich: hist. essay*. (1901). Comp. on behalf of the Military History Department V.N. Ivanenko. Tiflis, Publ. Office of the Commander-in-Chief of the Civil Unit in the Caucasus, vol. VI, 527 p. (in Russian).

УДК 930.24:929 Леонов.06 (092)
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-48-52

ЛЕОНОВ ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ – ПЕРВЫЙ РЕКТОР РОСТОВСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

© 2021 г. С.С. Казаров ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

LEONOV IVAN GRIGORIEVICH - FIRST RECTOR OF THE ROSTOV PEDAGOGICAL INSTITUTE

S.S. Kazarov ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Казаров Саркис Суренович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра археологии и истории древнего мира,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Sarkis S. Kazarov -
Doctor of History, Professor,
Department of Archeology and History
of the Ancient World,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: ser-kazarov@yandex.ru

Освещается жизнь и деятельность первого ректора Ростовского педагогического института Ивана Григорьевича Леонова. Начав свой самостоятельный путь рядовым бойцом продотряда, он совершил головокружительную карьеру. Стоял у истоков создания ряда высших учебных заведений страны. Был первым ректором Ростовского пединститута, ректором Кишиневского университета. Подобно большинству партийных работников, он подолгу не задерживался на одном месте, меняя по заданию партии города и должности. В завершающий период своей деятельности он полностью перешел на педагогическую работу, возглавляя ряд кафедр марксизма-ленинизма и истории КПСС в некоторых вузах страны. Жизненный путь И.Г. Леонова является отражением карьеры партийного работника 1920–1950-х гг.

Ключевые слова: народное образование, директор, Педагогический институт, Наркомпрос, Одесский университет.

The article is devoted to the life and work of the first rector of the Rostov Pedagogical Institute Ivan Grigorievich Leonov: starting his career as an ordinary soldier of the food detachment, he made a dizzying career, becoming at the origins of the creation of a number of higher educational institutions in the country, from the Rostov Pedagogical Institute to the rector of the University of Chisinau. Like most party workers in the country, he did not stay in one place for a long time, changing cities and positions according to the instructions of the party. In the final period of his activity, he completely switched to pedagogical work, heading a number of departments of Marxism-Leninism and the History of the CPSU in a number of universities in the country. The life path of the person in question is a reflection of the career of a party worker of the 1920-1950s.

Keywords: public education, director, Pedagogical Institute, People's Commissariat for Education, Odessa University.

В процессе подбора по заданию ректората материалов к очередному юбилею Педагогического института мне встретилось имя первого директора (ректора) института Ивана Григорьевича Леонова. Этот факт не мог не заинтересовать. Обращения к различным справочным изданиям как по истории РГПИ, так и по истории

высшего образования в целом ничего не дали – его имя нигде не упоминалось. Но в ходе дальнейших поисков в архиве РГПИ было обнаружено ответное письмо И.Г. Леонова на приглашение к участию в очередном юбилее педагогического института, направленное в адрес тогдашнего проректора РГПИ профессора Дмитрия

рия Ивановича Дубоносова. Письмо было датировано 1969 г. и из него следовало, что адресат проживает в Одессе, работает в Одесском университете и в 1970 г. собирается отмечать свое 70-летие. В архиве Одесского национального университета им. И.И. Мечникова удалось обнаружить личное дело первого ректора РГПИ И.Г. Леонова. Содержащиеся в нем документы, которые мы вводим в научный оборот впервые, позволили воссоздать облик Ивана Григорьевича и проследить его поистине удивительный жизненный путь.

Иван Григорьевич Леонов родился в феврале 1900 г. в с. Бахметьево Епифановского уезда Тульской губернии в семье сельского учителя. Видимо, семейные традиции повлияли на выбор профессии: после окончания сельской школы в 1916 г. он поступил в начальное училище, а затем и в учительскую семинарию в г. Епифанове, которую окончил в 1919 г., получив право учительствовать. Ещё в бытность учащимся, в 1918 г. он вступил в члены ВКП (б) и сразу же параллельно с учебой начал выполнять различные партийные задания. В 1919–1920 гг. он уже на комсомольской работе в Епифановском уезде Тульской губернии, а потом и непосредственно в Туле. Отсюда по комсомольской путевке летом 1920 г. он ушел на польский фронт, однако через несколько месяцев получил ранение и отправился в тыл по месту жительства.

В качестве чрезвычайного уполномоченного И.Г. Леонов выполнял задание партии по проведению политики продразверстки в Каширском уезде Тульской губернии. В марте 1921 г. в связи со свертыванием продразверстки и переходом к новой экономической политике он был отозван с продовольственного фронта и направлен на работу помощником секретаря губкома ВКП(б). С конца 1921 г. в течение 25 лет И.Г. Леонов находился на партийной работе, которую успешно совмещал с руководящей работой в системе образования.

В 1922–1923 гг. он – заведующий отделом народного образования в г. Епифанове, в 1923–1924 гг. – заведующий секретариатом УКОМа ВКП(б) в г. Елкине Тульской губернии, в 1924–1925 гг. – главный инспектор Государственного отдела народного образования в Туле.

Его жизненный путь – карьера типичного партийного функционера советской эпохи. Но если до 1925 г. вся его деятельность была сосредоточена в Тульской области, то с 1925 г. И.Г. Леонов назначен заведующим окружным

Отделом народного образования в Ростове-на-Дону, однако в первый раз не надолго – всего на год. С 1926 г. он уже в Пятигорске на должности заведующего окружным Отделом народного образования, в которой пробыл относительно долгий для него срок – четыре года.

И на данном этапе своей карьеры то ли сам лично, то ли руководствуясь указаниями партийных органов, он осознает, что по сути занимает руководящие посты в той сфере, в которой сам не имеет высшего образования. В анкете И.Г. Леонова указано, что в 1930 г. он оканчивает экстерном социально-экономическое отделение педагогического факультета Ростовского государственного университета (видимо, партийным функционером это не возбранялось) и в том же году поступает в аспирантуру этого же университета по специальности «педагогика» [1, л.1]. Диссертацию Иван Григорьевич не только не защитил, но даже и не представил (мы судим об этом на основании того, что в данный отрезок времени он не издал ни одной статьи по педагогической тематике), но это не помешало ему получить новое назначение, которое и явилось причиной написания нами данной статьи: в 1932 г. он становится первым директором (фактически – ректором) отпочковавшегося от Северо-Кавказского университета Ростовского-на-Дону педагогического института. Должность директора педагогического института И.Г. Леонов совмещал с другой не менее значимой должностью – председателя крайкома союза работников просвещения. По всей вероятности в начале 1930-х гг. обе эти должности были тесно связаны между собой.

К сожалению, нам сложно судить о том, какие вопросы довелось решать И.Г. Леонову на новой должности – документов на этот счет никаких не сохранилось, ибо архив пединститута был уничтожен в годы немецко-фашистской оккупации. Однако с большой долей уверенности можно предположить, что в период становления института ему приходилось решать сложные и ответственные вопросы, связанные с формированием кадрового состава нового вуза, разработкой новых программ и методических пособий, подготовкой аудиторного фонда и т.д.

Но и на этот раз период работы на новом месте у Ивана Григорьевича оказался чрезвычайно коротким: его карьера совершает неожиданный кульбит, и в 1933 г. он направляется партией на новую для него должность – начальником политотдела МТС в с. Воронцово-Александровское Ставро-

польского края. Видимо, партийное руководство учитывало большой организаторский опыт И.Г. Леонова. И следующие несколько лет его жизнь была тесно связана со Ставрополем. После кратковременного пребывания (1935–1936 гг.) на должности первого секретаря одного из сельских районов края, он в 1936–1937 гг. занимает высокую должность первого секретаря горкома ВКП(б) г. Ставрополя. Однако вскоре возвращается на более привычную для него работу – заведующим краевым отделом народного образования Ставропольского края.

Проводившиеся в стране репрессии конца 1930-х гг. коснулись и И.Г. Леонова. В сентябре 1937 г. он был вызван в ЦК ВКП(б) в Москву для назначения на должность заместителя комиссара Народного просвещения РСФСР, но в этот момент, по словам самого Ивана Григорьевича, «...враги народа, погромщики честных коммунистов, представили меня в глазах ЦК ВКП(б) врагом народа, отозвали в г. Ставрополь и посадили в тюрьму», где он просидел в качестве подследственного с сентября 1937 по июнь 1939 г. [1, л. 4]. После освобождения был полностью реабилитирован с восстановлением партийного стажа.

В 1939 г. в небольшом на тот момент городке Микоян-Шахар (ныне Карачаевск) открывается новый пединститут и лучшей кандидатуры на должность его директора, нежели И.Г. Леонов, было сложно найти – поэтому с 1939 по 1942 г. он и занимал указанную должность.

В действующую армию в годы Великой Отечественной войны И.Г. Леонов не был призван из-за слабого зрения. После того как ввиду стремительного наступления немецко-фашистских войск все пути на Ставрополье и Кавминводы были отрезаны, Иван Григорьевич был вынужден уйти в горы к партизанам, но, как он пишет в своей автобиографии, «организовать партизанское движение здесь не удалось из-за предательства карачаевцев» [1, л. 5]. В 1942 г. он получает новое, куда более высокое назначение. Его переводят в Москву на должность заместителя начальника управления высших учебных заведений Наркомпроса РСФСР. С этого времени по март 1943 г. Иван Григорьевич руководил группой, занимавшейся устройством детей, потерявших родителей, в Закавказских республиках – Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР. Видимо, он заслужил полное доверие со стороны партии, но не исключено, что важную роль в этом сыграл и кадровый голод, ибо

многие молодые коммунисты ушли на фронты Великой Отечественной войны. Проработав ровно год, Иван Григорьевич назначается заместителем директора, а потом и и.о. директора Высшей дипломатической школы Министерства иностранных дел СССР. На этой высокой должности он находился до 1946 г.

В том же году он получает назначение на должность ректора Кишиневского государственного университета. В этом не было бы ничего удивительного, если бы не одно немаловажное обстоятельство: вновь назначенный ректор не имел даже кандидатской степени! Но в данном случае от ректора требовались совсем другие качества, которыми как раз Иван Григорьевич и обладал. Собрав вокруг себя группу энергичных ученых – академика Н.А. Димо, профессора В.А. Аблова, доцента Я.С. Гросула, вместе с ними он энергично взялся за дело. Уже в 1946 г. для университета был построен административный корпус и общежитие на 80 мест. Если для начала 1920-х гг. такое обстоятельство никого бы не шокировало, ибо от новых ректоров-коммунистов требовалась преданность делу партии и владение основами марксизма-ленинизма (яркий пример тому – малограмотный партиец Лукьян Матвеевич Ефременко, короткий период исполнявший обязанности ректора Северо-Кавказского университета), то говорить о каком-либо кадровом голоде во второй половине 1940-х гг. можно лишь с большими оговорками.

Отсутствие у ректора университета ученой степени уже не могло не смущать руководство Министерства образования, и в 1951 г. Иван Григорьевич 51 года от роду направляется в Московский государственный университет для подготовки и защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В качестве темы исследования была выбрана руководящая роль Коммунистической партии в организации грандиозной стройки страны – Волго-Донского канала им. В.И. Ленина. В 1954 г. диссертация была успешно защищена [2], а 5 февраля 1955 г. он получил диплом кандидата исторических наук [1, л. 9].

Список научных трудов И.Г. Леонова, насчитывающий 15 публикаций, с современной точки зрения достаточно беден. Да и сложно было ожидать подлинно научных трудов от партийного работника, всю свою жизнь занимающегося практической работой. Мы посчитали излишним анализировать их, просто назовем не-

которые: «К 25-й годовщине Молдавской республики» (Ученые записки Кишиневского государственного университета, 1949), «Развитие науки и высшего образования в Молдавии» (Вестник Высшей школы, 1950), «Из истории Волго-Донского канала» (Преподавание истории в средней школе. 1953. № 1), «100 лет со дня рождения Г.В. Плеханова» (Одесский государственный университет, тезисы), «Идеи В.И. Ленина о войне и мире, как самой жгучей проблемы нашей современности» (Партийная жизнь. София, 1961), «Мероприятия Одесской партийной организации по подъему материального и культурного уровня трудящихся» (Очерки партийных организаций Одесской области, 1962) [1, л. 15–16]. Даже, если судить только по названиям, по сути это не научные статьи, а материалы пропагандистского характера. Но таково было веление времени, и от этого было не уйти.

С 1952 г. наметился окончательный переход И.Г. Леонова на преподавательскую работу. В этом году он направляется в г. Кострому на должность заведующего кафедрой марксизма-ленинизма в Костромской текстильный институт.

Но с 1954 г. и до конца своих дней жизнь Ивана Григорьевича была связана с Одессой. С 5 октября 1954 г. он приступает к работе в должности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Одесского кредитно-экономического института. Учитывая огромный опыт партийной работы, его избирают членом партбюро факультета, где он отвечает за организацию политико-воспитательной работы среди студентов и преподавателей [1, л. 20]. В августе 1955 г. он занимает должность заведующего кафедрой истории КПСС Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова. В характеристике, данной И.Г. Леонову, сообщается, что «заявляя эту должность, он с головой ушел в кафедральную работу, выведя кафедру истории КПСС в число ведущих в университете. Под его редакцией и при его непосредственном участии в 1955 г. был издан сборник научных трудов, посвященный первой русской революции 1905–1907 гг., а совместно с сотрудниками исторического факультета – сборник, посвященный 40-летию Великой Октябрьской революции. Также под его редакцией и при непосредственном участии вышел краткий курс лекций по истории КПСС и библиографический сборник, посвященный 100-летию Г.В. Плеханова.

Он выступает координатором научно-исследовательской работы кафедр марксизма-ленинизма вузов Одессы, а также является руководителем городского научного семинара по истории КПСС [1, л. 25].

Относительно педагогической деятельности Ивана Григорьевича можно привести цитату из характеристики: «Лекции читает доходчиво и содержательно, живо и интересно, насыщает их фактами, имеющими воспитательное значение» [1, л. 27].

С 1957 г. И.Г. Леонов дважды избирался депутатом городского совета г. Одессы [1, л. 6].

12 октября 1966 г. особой комиссией И.Г. Леонову была назначена персональная пенсия (которая на тот момент насчитывала немалые по тем временам 140 руб.), в связи с чем он был вынужден написать заявление об увольнении из университета [1, л. 8]. Однако это не помешало ему вскоре вернуться на работу в должности доцента Одесского университета.

В 1970 г. в Одесском государственном университете широко отмечалось 70-летие со дня рождения Ивана Григорьевича Леонова. За свою полезную деятельность на благо народа он не раз был награжден высокими правительственными наградами: в 1946 г. – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1947 г. – Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Молдавской ССР за достижения в науке, в 1949 г. – орденом «Знак Почета», в 1961 г. – орденом Трудового Красного Знамени.

Умер Иван Григорьевич 31 августа 1972 г. в г. Одессе [1, л. 49].

Некоторые краткие сведения сохранились и о семье Ивана Григорьевича. Его сын 17-летним юношей в 1943 г. ушел на фронт, получил ранение при взятии Берлина. После этого он окончил Кишиневский университет и работал преподавателем в Сталинграде. Супруга И.Г. Леонова по профессии была врачом. Ни их имен, ни каких-либо иных подробностей в своей автобиографии Иван Григорьевич не сообщал.

Подводя итоги, необходимо отметить, что перед нами карьера типичного партийного функционера 1920–1950-х гг. XX в. Он нисколько не сомневался в правильности той политики, которую проводила Коммунистическая партия. Нисколько не колеблясь, во время продразверстки он изымал хлеб у крестьян, боролся с «бандитизмом», объединял крестьян в колхозы и совхозы, принимал участие в раскулачивании и высылке кулаков в отдаленные районы стра-

ны, о чем он сам с гордостью рассказывал. А для нас его биография интересна тем, что она представляет собой не только типичный портрет на фоне эпохи, но главным образом тем, что И.Г. Леонов был первым ректором Ростовского педагогического института.

Литература

1. Архив Одесского национального университета им. И.И. Мечникова. Личное дело И.Г. Леонова (1951–1972).
2. Леонов И.Г. Коммунистическая партия в борьбе за создание великой стройки – Волго-

Донского канала им. В.И. Ленина : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1954. 15 с.

References

1. *Archive of the I.I. Mechnikov Odessa National University*. Personal file of I. G. Leonov. (in Russian).
2. Leonov I.G. (1954). *The Communist Party in the struggle to create a great construction project - the Lenin Volga-Don Canal*. Dissertation Thesis. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 15 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

4 февраля 2021 г. / February 4, 2021

УДК 94(470)
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-53-56

ЧИСЛЕННОСТЬ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АБАЗИН В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

© 2021 г. Р.К. Кармов ^а

^а Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Пятигорск, Россия

THE NUMBER OF NORTH CAUCASIAN ABAZINS IN THE MIDDLE OF THE 18th CENTURY

R.K. Karmov ^а

^а North Caucasus Institute - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Pyatigorsk, Russia

Кармов Руслан Карнетович –
аспирант,
Северо-Кавказский институт – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
ул. Дунаевского, 5, г. Пятигорск, 357502, Россия.
E-mail: karmovruslan@bk.ru

Ruslan K. Karmov -
Postgraduate,
North Caucasus Institute - Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Dunaevskogo St., 5, Pyatigorsk, 357502, Russia.
E-mail: karmovruslan@bk.ru

Проводится подсчет численности абазин в 1744–1753 гг. Учитываются существующие и вновь выявленные архивные материалы. Констатируется, что определение количества населения абазин открывает широкие возможности для более полного исследования происходивших в прошлом процессов. Анализируются статистические данные в отношении абазинского народа, проживавшего и проживающего на северном склоне Кавказского хребта. Сравнивается количество абазин с численностью населения Кабарды в XVIII в.

Делается вывод, что абазин в исследуемый период являлись довольно многочисленным этносом, лишь незначительно уступавшим кабардинцам. Новые сведения по этой теме подтверждены архивными документами и данными карт 1744 г.

Ключевые слова: Абаза, абазин, Кабарда, кабардинцы, численность, сравнительный анализ, карты, Чичагов, 1744 год, Татищев.

The calculation of the number of Abazins in 1744-1753 is held in the article. Existing and newly discovered archival materials are taken into account. Determining the number of the Abaza population will give wide opportunities for a more complete study of the processes that took place in the past. The article analyzes statistical data regarding the Abaza people who lived and live on the northern slope of the Caucasian ridge. The present number of Abazins is compared with the population of Kabarda in the 18th century.

It is concluded that the Abazins in the study period were a fairly large ethnic group, only slightly inferior to the Kabardians. New information on this topic is confirmed by archival documents and map data from 1744.

Keywords: Abaza, Abazins, Kabarda, Kabardians, number, comparative analysis, maps, Chichagov, 1744, Tatishchev.

Численность населения – это один из ключевых показателей, позволяющих оценить многие стороны жизни того или иного этноса, а также определить уровень его силы, могущества и значимости в регионе. Без этого показателя невозможно реконструировать целый ряд вопросов военного, экономического и социального характера, которые в комплексе формируют картину исторического прошлого народа. По-

этому понять роль абазин в исторической жизни Северного Кавказа невозможно без оценки их численности.

Данный вопрос в той или иной степени рассматривало немало кавказоведов, среди которых стоит особо отметить таких учёных, как Е.П. Алексеева, Н.Г. Волкова, Е.Н. Данилова, Е.Н. Кушева, М.С. Тхайцухов [1–5] и др. К сожалению, большинство из них в ходе исследо-

вания количественного состава абазин приходят к следующему выводу: «Общая численность абазин даже в начале XIX века более или менее точно определению не поддается» [3, с. 23]. Нередко дополняя его широко известной цитатой классика абазиноведения Л.И. Лаврова: «История абазинского народа до XX в. представляет собой повесть о непрерывном уменьшении некогда большого и сильного кавказского народа» [6, с. 35]. Кроме этих двух тезисов других глубоких исследований и познаний по данной тематике фактически нет. Таким образом, вопрос численности абазин до сих пор остаётся не разработанным.

В этой статье попытаемся на основе анализа новых исторических источников и небольших расчётов подсчитать примерную численность абазин, проживавших на северном склоне Кавказского хребта в 1744–1753 гг. Нами взят за основу именно данный период, так как существующие и вновь выявленные материалы предоставляют редкую возможность сделать обоснованные выводы о численности абазин. Основным историческим источником, на базе которого будет проводиться анализ, послужила карта Кабарды, составленная в 1744 г. геодезистами С. Чичаговым и С. Щелковым. На сегодняшний день известны три почти одинаковых экземпляра этой карты и одна копия, сделанная примерно в 1771–1778 гг. Чтобы не запутаться, введем условную порядковую нумерацию этих карт.

Две карты хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Карта № 1 с наименованием «Карта Большой и Малой Кабарды» хранится в фонде № 846 [7, л. 1]. На ней отсутствуют дата составления и имя автора, но на лицевой стороне представлен список населенных пунктов Кабарды. Именно эта карта была опубликована в 1957 г. в сборнике материалов [8, с. 114]. Составители сборника установили дату и авторство карты на основании другого документа 1753 г. [8, с. 20–25], который также был опубликован в этом сборнике [8, с. 194–196]. В то же время составитель сборника В.М. Букалова выявила второй экземпляр этой карты (карта № 2), хранившийся на тот момент в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) [9]. На обороте этой карты представлен список населенных пунктов Кабарды и пояснительная надпись, что этот список и карту подготовил Степан Чичагов [8, с. 385].

Наиболее информативным является второй экземпляр карты (карта № 3), обнаруженный

нами в фондах РГВИА [10, л. 1] и впервые вводимый в научный оборот. В центре его лицевой стороны есть надпись: «Табель Большой и Малой Кабарды, деревням и знатным местам, здания описал и ландкарту сочинил Степан Чичагов». А ниже есть другая надпись, согласно которой ландкарту до границ Большой и Малой Кабарды сочинил Сергей Щелков. Таким образом, авторство карты 1744 г. принадлежит геодезистам С. Чичагову и С. Щелкову. Известно, что позже, в 1745 г. С. Чичагов сочинил карту северного побережья Каспийского моря и многие другие карты, что говорит о том, что карта составленная в 1744 г. была оценена положительно.

Стоит отметить, что составление данной карты являлось задачей государственной важности, что свидетельствует о высоком качестве её содержания. В 1743 г. известнейший русский государственный деятель В.Н. Татищев (1686–1750) просил И.И. Неплюева прислать к нему двух геодезистов для составления карты близлежащих территорий. Когда они прибыли, В.Н. Татищев и князь М.М. Барятинский поставили перед ними задачу – точнейшим образом изучить эти территории и составить детальную карту. Местные власти в Кизляре и Кабарде получили указание всемерно помогать работе геодезистов. Последняя преследовала сугубо геополитические задачи, отчего производилась в условиях строгой секретности. В итоге большой административной опыт В.Н. Татищева и высокий профессионализм геодезистов привели к появлению первой подробной карты Северного Кавказа от берега Каспийского моря до левого берега р. Кумы и частично берега Черного моря.

Но, как оказалось, это еще не все экземпляры данной карты. В Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук в материалах фонда, посвященного изысканиям известного кавказоведа И. А. Гюльденштедта, нами была обнаружена почти точная копия карты Чичагова 1744 г. (карта № 4) [11, л. 10]. Основное отличие ее от других карт заключается в отсутствии на ней изображения части земель, находящихся вдоль Черноморского побережья. Этот документ впервые вводится нами в научный оборот кавказоведения.

Итак, на основании трех известных экземпляров карты 1744 г. и одной копии с этой карты, сделанной не позже 1772 г., постараемся выяснить количество населенных пунктов абазин на территории Северного Кавказа в период с 1744 по 1753 г. Отметим, что на всех вышеука-

занных картах есть списки селений, а в документе 1753 г., который был опубликован в книге [8], присутствует объяснение к этой карте от представителей Кабарды.

Хотя на этой карте они ни разу не были названы абазинами, а всегда в написании присутствовал только этноним «абаза», наличие абазин-алтыкесеков в районе Пятигорья, или Кавказских Минеральных вод в XV – XVIII вв. на основании археологических источников подтверждает известный археолог-кавказовед В.А. Фоменко. Вот что он пишет по этому поводу: «...был населен несколькими народами. В долинах рек Подкумок и Кума наряду с кабардинскими и ногайскими селениями располагались аулы равнинных абазин – тапанга» [12, с. 25–30, 47–51]. Данный тезис подтверждают исследователи А.П. Рунич [13] и Н.М. Егоров [14].

В составе Большой Кабарды эта карта выделяет пять групп абазин: нижние (танбиюкай), средние, экешцокские, верхние и Бабуковский аул. Объяснения к этой карте были даны в 1753 г. кабардинскими узденями [15, л. 20–25]. По их данным, нижние абазы в количестве 15 селений жили по р. Куме в 1753 г. Число селений средней абазы больше «вдвое или более, чем в нижней», т.е. предположительно около 30. Количество экешцокских и верхних абазы они не называют, но указывают, что все четыре группы принадлежат к народу абаза, по-татарски – алтыкесек. Если ориентироваться по точкам на карте, условно обозначающим селения, то легко подсчитать, что количество селений экешцокских и верхних абазы никак не меньше, чем в нижней, т.е. по 15 селений.

Итого: с большой долей вероятности можно предположить, что алтыкесеки в период 1744–1753 гг. насчитывали около 76 селений. В это число по описанию 1753 г. входили аулы князей Лоовых, Бибердовых, Дударуковых, Клычевых и Кячевых.

В этом списке не упоминаются аулы князей Жантемировых, которые являлись одними из самых многочисленных среди шестидольных абазин. Для максимальной точности нам необходимо вывести среднюю величину количества аулов жантемировцев. Для этого 76 селений разделим на пять и получим, что в подчинении абазинского князя Жантемирова должно было быть не менее 15 аулов. Итого: общее количество поселений абазин-алтыкесеков (тапантовцев) насчитывало 91 аул.

К этому следует добавить еще один немаловажный момент: кабардинский князь Магомет

Атажукин в 1732 г. утверждал, что на Баксане проживает 800 дворов подвластных ему абазин. Однако на карте 1744 г., как и в описании 1753 г., они никак не обозначены. Вместо них на левой стороне Баксана отмечены два двора князя Магомета Атажукина. Исходя из этого, можно предположить, что под этими двумя дворами были условно отмечены те самые 800 дворов абазин, которых причислили к кабардинцам. Кстати, к Бабуковскому аулу эти абазы не имели никакого отношения, так как данный аул, согласно карте, располагался на правой стороне р. Малка. Но мы в своих расчетах не будем учитывать абазин, упоминаемых князем М. Атажукиным на берегу р. Баксан, потому что они могут оказаться теми самыми жантемировцами, которых мы уже учли.

Кроме этого существовали так называемые горные абазы (шкаруа, ашкарцы), проживавшие в верховьях р. Лаба и Кубань, которые не были отмечены на данной карте, так как перечисленные здесь абазы отмечены только на р. Подкумок. Горные абазы состояли из следующих этнических групп: башилбай, кизильбеки, тамовцы, баговцы, чегерай и баракай. Исходя из минимума, возьмем по одному населенному пункту от каждой этногруппы. Таким образом, абазы-ашкарцы должны были составить минимум шесть населенных пунктов, не попавших в список карты 1744 г. и описание 1753 г. Если добавить это число к вышерассчитанному нами количеству поселений, то в общей сложности получится около 97 абазинских аулов.

Согласно подсчетам, произведенным нами по данным 1753 г., в Кабарде насчитывалось 108 деревень и дворов. Но для объективности стоит отметить, что согласно подсчетам авторитетного ученого-кавказоведа Е.Д. Налоевой, сделанными на базе этих же источников [8], в Кабарде на 1744 г. насчитывалось 122 населенных пункта. Мы взяли за основу данные Налоевой в связи с тем, что корректность ее вычислений подтверждается более поздними исследованиями ученых.

Таким образом, получается следующая пропорция: 97 абазинских аулов против 122 кабардинских, отсюда численность кабардинцев всего лишь на 20 % превышала численность абазин. Согласно расчетам Е.Д. Налоевой, население Кабарды в 1744–1753 гг. составляло 219 600–256 200 чел. обоего пола [16, с. 272–273]. Отсюда численность северокавказских абазин составляла 174 600–203 700 чел. обоего пола.

Исходя из этих расчетов, мы можем сделать вывод, что абазины в период с 1744 по 1753 г. являлись весьма многочисленным этносом, который лишь незначительно уступал кабардинцам. Это подтверждает мнение Л.И. Лаврова о былой многочисленности абазин.

Анализ вышеуказанных исторических источников дал возможность внести небольшую, но весомую лепту в крайне сложный вопрос изучения численности абазин в XVIII в. Сопоставление данных из карт 1744 г., подтвержденных архивными документами, предоставили возможность открыть новые сведения по данной теме.

Литература

1. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М. : Наука, 1971. 355 с.
2. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М. : Наука, 1974. 276 с.
3. Данилова Е.Н. Абазины. Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX век. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 144 с.
4. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.
5. Тхайцухов М.С. Абазины на Северном Кавказе и в Турции (XVIII – XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 553 с.
6. Лавров Л.И. Абазины. Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 5–47.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 1. Д. 20510.
8. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. 2 : XVIII в. М. : Изд-во АН СССР.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд № 115 «Кабардинские дела». Оп. 1. 1634 г. Д. 8.
10. РГВИА. Ф. 416. Оп. 1. Д. 300.
11. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Разряд 1. Оп. 100. Д. 31.
12. Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск : Пятигорский гос. технол. ун-т, 2002. 76 с.
13. Рунич А.П. Поселения прошлого века на Кавминводах // Кавказская здравница. 1978. 22 сент.
14. Егоров Н. К итогам Кисловодска // Кавказский вестник. 1943. 5 янв.
15. Архив внешней политики России. Ф. Кабардинские дела. 1753 г. Д. 12.

16. Мирзоев А.С., Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик : Печатный двор, 2015. 368 с.

References

1. Alekseeva E.P. (1971). *Ancient and medieval history of Karachay-Cherkessia. (Issues of ethnic and socio-economic development)*. Moscow, Nauka Publ., 355 p. (in Russian).
2. Volkova N.G. (1974). *Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th - early 20th century*. Moscow, Nauka Publ., 276 p. (in Russian).
3. Danilova E.N. (1984). *Abazins. Historical and ethnographic research of the economy and community organization. 19th century*. Moscow, Moscow University Press, 144 p. (in Russian).
4. Kusheva E.N. (1963). *The peoples of the North Caucasus and their connection with Russia*. Moscow, RAS Press, 371 p. (in Russian).
5. Tkhaitsukhov M.S. (2005). *Abaza in the North Caucasus and Turkey (18th - 20th centuries)*. Dissertation Thesis. Moscow, 553 p. (in Russian).
6. Lavrov L. I. (1955). *Abazins. Historical and ethnographic essay. Caucasian ethnographic collection*. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, vol. 1, pp. 5-47. (in Russian).
7. *Russian State Military Historical Archive (RSMHA)*. Fund 846. In. 1. File 20510. (in Russian).
8. *Kabardino-Russian relations in the 16th - 18th centuries*. Vol. 2: 18th century. Moscow, RAS Press. (in Russian).
9. *Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA)*. Fund No. 115 “Kabardian affairs”. In. 1. 1634. File 8. (in Russian).
10. *RSMHA*. Fund 416. In. 1. File 300. (in Russian).
11. *St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences*. Discharge 1. In. 100. File 31. (in Russian).
12. Fomenko V.A. (2002). *Pyatigorye in the 15th - mid-18th centuries*. Pyatigorsk, Pyatigorsk State Technologic University Press, 76 p. (in Russian).
13. Runich A.P. (1978). *Settlements of the last century on the Kavminvody. Kavkazskaya zdavnitsa*, September 22. (in Russian).
14. Egorov N. (1943). *To the results of Kislovodsk. Kavkazskii vestnik*. January 5. (in Russian).
15. *Archive of the foreign policy of Russia*. Fund Kabardian affairs. 1753. File 12. (in Russian).
16. Mirzoev A.S., Naloyeva E.D. (2015). *Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyge feudal society and the problems of socio-political history*. Nalchik, Pechatnyi dvor Publ., 368 p. (in Russian).

УДК 94(47+57)"1943":355
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-57-63

ЮЖНЫЙ ФРОНТ В ПРОРЫВЕ НЕМЕЦКИХ РУБЕЖЕЙ НА МИУС-ФРОНТЕ В АВГУСТЕ 1943 ГОДА*

© 2021 г. М.В. Медведев ^а

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

THE SOUTHERN FRONT IN THE BREAKTHROUGH OF THE GERMAN DEFENSE ON THE MIUS FRONT IN AUGUST 1943

M.V. Medvedev ^а

^а Federal Research Center Southern Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Медведев Максим Валерьевич –
кандидат исторических наук,
научный сотрудник, лаборатория истории
и этнографии,
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: m1max@mail.ru

Maxim V. Medvedev -
Candidate of History, Researcher,
Laboratory of History and Ethnography,
Federal Research Center
Southern Scientific Center,
Russian Academy of Sciences,
Chekhova Ave, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: m1max@mail.ru

В период Великой Отечественной войны произошло немало решающих сражений, кардинально изменивших ее ход и результаты. Среди наиболее значимых, переломным стало и освобождение войсками Южного фронта территории Ростовской области и Донбасса в августе 1943 г. По разным причинам прорыв глубокоэшелонированной обороны противника на Миус-фронте был недооценен на общегосударственном уровне. На протяжении всего послевоенного времени данные события практически считались событиями регионального, а то и локального значения. Изменения в их историографических оценках произошли в последние несколько десятилетий, когда вышли в свет новейшие работы историков и краеведов. Появившиеся труды исследователей существенно дополнили и расширили представление об истории прорыва Миус-фронта летом 1943 г., который продолжительное время оставался в тени Курской битвы. Последним общественным побуждением в переосмыслении этих событий стало присуждение почетных званий населенным пунктам и рубежам, по которым в годы войны пролегла линия непреступного Миус-фронта. Открывшийся 30 августа 2020 г. народный военно-исторический музейный комплекс «Самбекские высоты» подвел главную черту в символической значимости сокрушения немецкой обороны на р. Миус в августе 1943 г. и придал особое историческое значение событиям освобождения всей территории Ростовской области для их сохранения в народной памяти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ростовская область, Южный фронт, Миус-фронт, советские войска, сражение.

During the Great Patriotic War, there were many decisive battles that radically changed its course and results. The liberation of the territory of the Rostov Region and Donbass by the troops of the Southern Front in August 1943 was also a turning point among the most significant. For various reasons, the breakthrough of the enemy's defense in depth on the Mius Front was underestimated at the national level. Throughout the post-war period, these events were practically considered events of regional and even local significance. Fundamental changes in the historiographic assessments of these events have taken place in the past few decades, when the latest works of historians and local historians were published. The published works of researchers significantly supplemented and expanded the understanding of the history of the breakthrough of the Mius Front in the summer of 1943, which for a long time remained in the shadow of the Battle of Kursk. The final impetus in rethinking these events was the awarding of honorary titles to settlements and borders along which the inaccessible Mius Front line ran during the war years. The public military-historical museum complex "Sambek Heights", which opened on August 30, 2020, summed up the symbolic significance of the destruction of the

* Публикация подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект №17-18-01411).

German defense on the Mius River in August 1943, and also gave special significance to the history of the liberation of the entire territory of the Rostov region for its preservation in the national memory.

Keywords: *Great Patriotic War, Rostov region, Southern front, Mius Front, Soviet troops, battle.*

Первые публикации о боях на западе Ростовской области и Донбассе появились еще в годы Великой Отечественной войны и были они, как правило, прикладного характера, направленные на изучение особенностей ведения боевых действий войсками Красной армии, а также на освещение успехов в этих сражениях [1, 2]. В послевоенные годы данная тема находила отражение в краеведческих работах и военно-исторических очерках [3–5]. В 1960–1980-е гг. появились фундаментальные труды по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, однако в них крайне мало уделялось внимания военным событиям на рубежах р. Миус. В них больше говорилось о боевых достижениях войск Красной армии на участке фронта западнее Ростова-на-Дону [6, 7]. В постсоветский период появился комплекс исследований, который благодаря новым подходам и рассекреченным источникам в значительной степени раскрыл забытые страницы из истории Миус-фронта [8–11]. Тем не менее ряд важнейших событий, происходивших на миусских рубежах, до сих пор сохраняют пробелы и являются недостаточно изученными, в том числе и история участия Южного фронта в прорыве вражеской линии обороны на Миусе в августе 1943 г. Проанализировав ранее неиспользованные источники и материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, нам представилось возможным устранить исторические лакуны в вопросах уточнения потерь в частях и соединениях Южного фронта, а также в полной мере осмыслить значение тех сражений, которые стали переломными в Великой Отечественной войне.

События начала 1943 г., произошедшие на фронтах Великой Отечественной войны, кардинально изменили дальнейшее расположение сил на рубежах советско-германского противостояния. Коренной перелом, совершившийся в процессе Сталинградской битвы и в сражениях за Северный Кавказ, продолжился чередой важных событий на всем южном крыле советско-германского фронта. Стратегически значимыми тогда стали итоги Ростовской наступательной операции января – февраля 1943 г. и Миусской фронтовой наступательной операции июля – начала августа 1943 г., которые проводились войсками Южного фронта второго формирова-

ния. Однако незавершенный характер обеих операций не позволил Красной армии полностью освободить Ростовскую область и выйти к Донбассу и левобережной Украине.

Извлекая уроки из июльской операции 1943 г. по прорыву немецкой обороны вдоль р. Миус, маршал А.М. Василевский повлиял на составление нового наступательного плана Южного фронта. Так, в начале августа 1943 г. Южному и Юго-Западному фронтам было приказано готовиться к решающему реваншу. Директивами Ставки ВГК № 30 160 от 6 августа 1943 г. и № 30 161 от 10 августа 1943 г. были определены задачи для советских войск в рамках подготовки и проведения Донбасской наступательной операции [12, с. 187–188]. Для полного освобождения Ростовской области Южному фронту в первую очередь следовало окончательно прорвать немецкую оборону на р. Миус и ликвидировать таганрогскую группировку противника с дальнейшим развитием наступления на Донбасс.

Главный удар планировалось нанести на участке Петрополье – Дмитриевка шириной в 25 км. Для этого, как и в предыдущей операции, к наступлению готовились соединения 28-й, 5-й ударной и 2-й гвардейской армий. На левом фланге фронта 44-я армия должна была блокировать таганрогскую группировку противника, не допустив оттуда передислокации его сил на северный участок фронта. На правом фланге 51-я армия должна была сохранить имеющееся положение и быть готовой войти в наступление немного позже. Пока не наступил подходящий момент для действий, во втором эшелоне оставались 4-й гвардейский Сталинградский механизированный и 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский корпуса. Основной контроль над воздушным пространством возлагался на 8-ю воздушную армию под командованием генерал-майора авиации Т.Т. Хрюкина [13, л. 70–73].

13 августа войска Юго-Западного фронта частью сил на правом фланге и 16 августа силами ударной группы в центре перешли в наступление в Донбассе. Войска Южного фронта вплоть до 17 августа проводили перегруппировку сил. Скрытно проводилась работа инженерных войск по разминированию проходов, прибывала новая боевая техника и производилась поставка бое-

припасов. Выполнив задачи по подготовке, войска фронта заняли исходные позиции для наступления [13, л. 70–73].

18 августа после 75-минутной артиллерийской подготовки в 7.15 Южный фронт силами 5-й ударной, 2-й гвардейской и частью сил 28-й армий перешел в наступление. Отбив контратаки противника на линии Дмитриевка – Куйбышево и в районе Ольховского, 31-й и 3-й гвардейский стрелковые корпуса 5-й ударной армии заняли Мариновку, Калиновку, Малопетровский, Елизаветинский [14, л. 17]. К югу от Куйбышево, в балке Холодной и на окраинах Берестово 2-я гвардейская армия, встретив упорное сопротивление противника, не смогла прорвать его оборону. Осуществить переход через гребень миусских высот у хут. Петрополье советским войскам также не удалось. В первый день наступления наибольший успех достигли в основном соединения 5-й ударной армии, продвинувшись к западу на 8–10 км. Уже на исходе дня на некоторых участках фронта прошла небольшая перегруппировка войск. Сразу после прорыва главного рубежа обороны соединениями 5-й ударной армии командование Южного фронта ввело вечером в ее полосу 4-й гвардейский механизированный корпус.

19 августа, в 8.30, советской авиаразведкой было установлено движение по дороге из Успенской на Куйбышево колонны вражеских танков и автомашин до 300 единиц. 5-я ударная армия при содействии 4-го гвардейского механизированного корпуса продолжала развивать успех. В течение дня они заняли Семеновский, Криничку, Артемовку, Рубашкино, Надежный, Колпаковку, Ольховский населенные пункты. Южнее, на участке у хут. Петрополье, 248-я стрелковая дивизия 28-й армии, перегруппировавшись в ночь на 19 августа, после артподготовки утром начала штурм высот. Это был один из самых сложных участков в полосе наступления войск Южного фронта. Противник из населенных пунктов Густавфельд, Майндорф, Подгорный и высот к западу от Петрополя вел перекрестный артиллерийско-минометный огонь по 248-й стрелковой дивизии. Справа, из колонии Густавфельд противник контратаковал 49-ю гвардейскую стрелковую дивизию 2-й гвардейской армии, что создало угрозу для правого фланга 248-й дивизии [15, л. 24–25].

Между хут. Подгорный и Петрополье возвышалась высота, прозванная в народе «Черный Ворон». Отсюда противник вел бесперывный

пулеметный огонь из дзотов и орудий, который удавалось временно подавить благодаря прицельным обстрелам артиллерии 771-го артполка. В напряженный момент боя старший сержант П.Г. Пудовкин из 905-го стрелкового полка подполз к немецкому дзоту и попытался забросать его гранатами, однако вражеский пулемет продолжал работать. Тогда П.Г. Пудовкин, будучи раненым, закрыл немецкую амбразуру своим телом. За проявленный подвиг ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [16, с. 86]. За аналогичный подвиг на этой высоте к высшей правительственной награде посмертно были представлены еще несколько человек, но звание Героя Советского Союза они так и не получили.

В 20.00 с рубежа Малопетровский – Елизаветинский был введен в прорыв 2-й гвардейский механизированный корпус для развития наступления 4-го гвардейского механизированного корпуса. Согласно поставленной задаче командования, из резерва фронта начал выдвижение во второй эшелон 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус [13, л. 85–86]. Стоит заметить, продвижение на данной полосе состоялось во многом благодаря слаженной работе саперных групп по разминированию проходов, так как в июльской операции наличие минных полей в этом районе стало ловушкой для советских танков.

На следующий день, 20 августа, наступление продолжилось с новой силой. Противник упорно сопротивлялся. В ходе плотного взаимодействия соединений 5-й ударной и 2-й гвардейской армий, а также 2-го гвардейского механизированного корпуса контратаки танков и пехоты противника были отражены. Под контроль советских войск перешли хут. Ново-Александровский, Бишлеровка и Семеновский [14, л. 21]. В 28-й армии, пополнив ночью боеприпасами свои части, 248-я стрелковая дивизия смогла выбить немцев из хут. Подгорного и подошла к Кучерово и высоте 109,7. Справа 347-я стрелковая дивизия вместе с 33-й гвардейской танковой бригадой вела бой на подступах к высоте 135,9. Только за этот день в 248-й дивизии было убито и ранено 419 чел., а в 347-й дивизии – 105 чел. [15, л. 26–28].

В течение 21 августа 5-я ударная армия, взаимодействуя с 14-й гвардейской механизированной и 36-й гвардейской танковыми бригадами 4-го гвардейского механизированного корпуса, вела бои на северо-западных окраинах Мари-

новки, Калиновки и Кринички. Тем самым линия противостояния расположилась вдоль высот с отметками: 213,9; 223,7; 221,0; 196,0. Там советские пехотинцы и танкисты в ходе дневного боя отразили многочисленные немецкие атаки от хут. Саур-Могильского и к концу дня полностью овладели Семеновским. Часть сил 130-й стрелковой дивизии 44-й армии утром перешли в наступление на стыке рек Миуса и Крынки, и в 14.30 освободили колонию Новая Надежда, села Алексеевка и Александровка [13, л. 94]. Итогом четырехдневного сражения для противника стали потери до 7 тыс. солдат и офицеров, 28 танков и 26 орудий [17, л. 91–107].

Наступление войск Южного фронта продолжалось. На стык 2-й гвардейской и 5-й ударной армий, южнее хут. Елизаветинского, 22 августа из резерва прибыла 140-я отдельная танковая бригада. На следующее утро, 23 августа, в районе Кринички и Артемовки усилилось вражеское сопротивление. Серией контратак пехоты при поддержке 85 танков немцы заняли к 8.00 эти населенные пункты. Успешный контрудар противника у Кринички и Артемовки был связан с переброской из Крыма на Миус частей 13-й танковой дивизии, а также войск береговой обороны Таганрогского залива [14, л. 26]. Линия противостояния заметно перемещалась от р. Миус к нижнему течению р. Крынки [13, л. 101]. Враг оказывал сопротивление войскам 5-й ударной армии на северном фланге фронта, но наступление соединений 2-й гвардейской армии в районе Успенской оставляло немцам мало шансов на закрепление на рубеже и по р. Крынке [18, с. 31–32].

Утром 24 августа 4-й гвардейский механизированный корпус попытался овладеть Сухой Крынкой, но был встречен мощной немецкой танковой контратакой, которая отбросила бригады корпуса на 3 км северо-западнее Сухой Крынки. Остальные войска Южного фронта существенного продвижения в этот день не имели. Возросла интенсивность работы 4-го воздушно-флота люфтваффе, который прикрывал с воздуха передислокацию наземных войск вермахта [18, с. 31–32].

Все чаще советская разведка стала замечать отвод немецких войск с рубежа по р. Крынке в западном направлении. Так, в район Барвенково отходила 16-я танково-гренадерская дивизия. К 25 августа успех был достигнут в полосе 2-й гвардейской и 28-й армий: гвардейцам удалось освободить Успенскую, Беспаловский, а 37-й

стрелковый корпус 28-й армий занял Екатеринославский, Авило-Федоровку, Гуляевку и закрепился на западном берегу р. Крынки. Учитывая изменившуюся обстановку, генерал Толбухин приказал 4-му гвардейскому механизированному корпусу выйти из боя и сосредоточиться в районе Донецко-Амвросиевки [19, л. 437 об.]. Отвод противником некоторых сил от линии столкновения вовсе не означал бегства от удара Южного фронта [17, л. 33–34]. Это был маневр передислокации ослабленных соединений за линию фронта путем замены их на более сильные дивизии. Так было и 26 августа, когда немцы перебросили к Крынке 9-ю танковую дивизию и боевую группу 258-й пехотной дивизии из группы армий «Центр». Сюда прибыла и часть сил 17-й танковой дивизии с харьковского направления [5, с. 160].

Прорыв войсками Южного фронта главной полосы обороны 6-й полевой армии вермахта на Миусе, несмотря на проведенную немцами ротацию войск, грозил 29-му армейскому корпусу окружением на западном побережье Азовского моря. Дивизиям вермахта, переброшенным с других участков советско-германского фронта, уже более недели не удавалось вернуть потерянные позиции на Миусе [20, с. 461].

Командование противника также решило задействовать резервы из района Старобешева и Каракубстроля. Данная группировка врага должна была к 30 августа ударить по флангам и тылам конно-механизированной группы. В связи с этим 4-му гвардейскому механизированному корпусу было поручено приготовиться к отражению немецких атак в районе Григорьевки. 2-й гвардейский механизированный корпус при поддержке пехоты в районе Марфинской, Ново-Покровского, Рождественского отбивал танковые контратаки противника, прорывавшегося из района Анастасиевки. Севернее по фронту 5-я ударная армия выбила противника с гребня высот 223,7 и 202,0, а также из хут. Гараны и Луганский. 3-й гвардейский стрелковый корпус с юга продвигался к высоте Саур-Могила [14, л. 37]. Маневренная способность кавалеристов наносить внезапные удары способствовала развитию советского удара в Анастасиевском районе с выходом к Таганрогу.

Для содействия успеху конно-механизированной группы 1-й гвардейский стрелковый корпус 2-й гвардейской и соединения правого фланга 44-й армий заняли исходное положение для наступления у Марфинской и Дороганова. Левоблан-

говые части 44-й армии ночью также атаковали противника в полосе высот по р. Самбек в общем направлении на Таганрог. 29 августа правое крыло 44-й армии продвинулось на 3–6 км, овладев Самарским и Федоренко. Окруженные немецкие силы в районе Ряженой, Вареновки и Таганрога оказывали ожесточенное сопротивление [21, л. 17 об.].

В ночь на 29 августа усиленный артиллерией и минометами 138-й кавалерийский полк 30-й кавалерийской дивизии ворвался в Ефремовку, ликвидировав находившихся там немцев. Во второй половине дня, приближаясь к хут. Ломакину, полк стремительной атакой разбил отступавшую немецкую колонну. При этом удалось захватить 420 пленных, 6 орудий и другие трофеи. Овладев хут. Ломакин, полк занял круговую оборону на пути отхода гитлеровцев. Переправа через Миусский лиман была взорвана [22, с. 152–156]. Последние пути отхода таганрогской группировки врага оказались перехваченными.

К исходу 29 августа 138-й кавалерийский полк огнем из артиллерии и минометов отбил немецкую контратаку из числа двух рот пехоты и 8 танков, двигавшуюся из Натальевки на переправу через устье Миуса. После того как пути отхода противника были отрезаны, командиры эскадронов приказали взорвать мост. Отступавшие из Таганрога немецкие колонны с людьми и техникой, избегая окружения, двинулись в обход Миусского лимана и к следующему утру стали скапливаться в Николай-Отрадном, Рябиновке, Ивановке [23, л. 104 об.]. Вследствие этих действий таганрогская группировка рисковала быть окруженной.

В ночь на 30 августа на северном фланге Южного фронта начался штурм господствующей высоты 277,9 под названием Саур-Могила. Высоту удерживали части 306-й пехотной дивизии вермахта. На острие советского удара находилась 96-я гвардейская стрелковая дивизия 5-й ударной армии. Перед штурмом бойцы рассчитали проходы для наступления, провели эвакуацию раненых и убитых вблизи передовой линии. В 3.00 дивизия перешла в наступление. В 5.20 1-й батальон 293-го гвардейского стрелкового полка под командованием гвардии капитана Смолякова овладел роцей южнее Саур-Могилы и штурмом взял высоту. 291-й и 295-й гвардейские стрелковые полки пробивались с боями вдоль западной опушки роци южнее вы-

соты, а также через восточную часть леса, что к юго-западу от Саур-Могилы [24, с. 53–58].

Части 306-й пехотной дивизии противника начали контратаковать пехотой при поддержке танков и самоходных орудий. Только к вечеру Саур-Могила полностью перешла под контроль 96-й гвардейской стрелковой дивизии [25, л. 152, 155]. Штурм Саур-Могилы имел важное оперативное значение для 5-й ударной армии и фронта в целом. Господствующая высота являлась удобным объектом для наблюдения и корректировки огня орудий артиллерии на дальних дистанциях.

Утром 30 августа соединения 44-й армии с боем вошли в г. Таганрог. Первыми в черту города ворвались части 130-й стрелковой дивизии и 1368-й стрелковый полк 416-й стрелковой дивизии. В 7.00 часов 1-й гвардейский укрепрайон с ротой танкистов на трофейных танках прорвался к переправе у Лакедемоновки [26, с. 146–148]. Уже через час стрелки взяли под контроль порт, вокзал и освободили западную часть города. Десантный отряд Азовской военной флотилии на бронекатерах во взаимодействии с отрядом морской пехоты численностью в 157 чел. ночью произвел высадку на западной окраине Безыменовки. В ходе этой атаки морской десант уничтожил до 200 немецких автомашин, 2 склада с боеприпасами, 50 подвод, 2 вещевых склада, до 200 солдат и офицеров противника. На обратном пути был захвачен и потоплен немецкий катер. Таганрог полностью перешел под контроль войск Красной армии [13, л. 133–142].

31 августа левый фланг фронта вытеснял остатки частей 9-й, 13-й танковых, 15-й авиационной и 258-й пехотной дивизий. Окруженные немецкие войска западнее Таганрога пытались прорваться из окружения в районе хут. Щербачков и Васильево-Ханжановский и большей частью были ликвидированы. К исходу дня 31 августа Ростовская область была полностью освобождена [13, л. 133–142]. Для советских войск взятие Таганрога означало возвращение преимуществ в Азовском море и перспективу скорейшего разгрома противника на мариупольском направлении.

В итоге, в рамках Донбасской стратегической наступательной операции в августе 1943 г. войсками Южного фронта было проведено изгнание войск 6-й полевой армии генерала К. Холлидта из западных районов Ростовской области. Это событие ознаменовалось окончательным освобождением донского региона. Об-

шевойсковые армии Южного фронта смогли преодолеть многочисленные препятствия, в том числе и массированные удары с воздуха. Только за последние две декады августа 1943 г. на сухопутные войска Южного фронта пришлось почти 9 тыс. самолетовылетов эскадрилий люфтваффе. Эти данные говорят о большом числе воздушных атак противника на Миусе по сравнению с соседними фронтами.

За две недели кровопролитных сражений войска Южного фронта освободили свыше 150 населенных пунктов. Были окончательно освобождены: Анастасиевский, Матвеево-Курганский, Куйбышевский, Федоровский, Неклиновский районы. В феврале и июле 1943 г. советские войска еще считали эту территорию неприступным рубежом. Разгром группировки противника больше не оставлял шансов на немецкий реванш. Более того, у советских войск появилась возможность овладеть стратегически важным промышленным регионом – Донбассом и получить выход к нижнему течению Днепра, к Северной Таврии и к перешейкам Крыма. Ростовская область теперь могла полноценно наладить восстановительный процесс работы предприятий, постройки нового жилья, возрождения сельского хозяйства, реконструкции транспортных коммуникаций и самое главное начать эвакуацию населения.

Литература

1. Карпов А.Я. Освобождение Донбасса. М.: Госполитиздат, 1943. 24 с.
2. Яковлев Б. Оборона немцев на реках Миус и Молочная. М.: Изд-во НКО, 1945. 49 с.
3. Корольченко А. Миусские рубежи. Очерки о местах боевой славы. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1971. 57 с.
4. Ершов А.Г. Освобождение Донбасса: военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973. 240 с.
5. Огненные рубежи: военно-исторический очерк. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1976. 224 с.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. Т. 3: Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М.: Воениздат, 1961. 652 с.
7. История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. Т. 6: Коренной перелом в войне. М.: Воениздат, 1976. 520 с.
8. Исаев А. Прорыв Миус-фронта. Июль – август 1943 года // Фронтная иллюстрация. 2006. № 3. 86 с.

9. Пужаев Г.К. Кровь и слава Миуса. Таганрог: БАННЭРплюс, 2008. 400 с.

10. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.

11. Медведев М.В. Освобождение западных районов Ростовской области в 1943 г.: исторические события, тенденции и формы мемориализации: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2019. 240 с.

12. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М.: ТЕРРА, 1999. 360 с.

13. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 228. Оп. 505. Д. 185.

14. ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 109.

15. ЦАМО РФ. Ф. 442. Оп. 8465. Д. 62.

16. Шейн О.В. От Астраханского кремля до Рейхсканцелярии. Боевой путь 248-й стрелковой дивизии. М.: Алгоритм, 2017. 222 с.

17. ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 27.

18. Полищук И.И. От Миуса до Днепра. Людиново, 1990. 136 с.

19. ЦАМО РФ. Ф. 312. Оп. 4245. Д. 160.

20. Манштейн Э. Проигранные победы. Личные записки генерала вермахта. М.: Центрполиграф, 2009. 575 с.

21. ЦАМО РФ. Ф. 339. Оп. 9385. Д. 62.

22. От Кубани до Праги. Воспоминания ветеранов 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса. Краснодар: Кн. изд-во, 1972. 319 с.

23. ЦАМО РФ. Ф. 3470. Оп. 1. Д. 264.

24. Моргунов Н.И., Прудников Ф.И. Саур-Могилы: путеводитель. Донецк: Донбасс, 1985. 110 с.

25. ЦАМО РФ. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 33.

26. Таганрог. Огненные годы. Таганрог: Сфинкс, 1994. 190 с.

References

1. Karpov A.Ya. (1943). *Liberation of Donbass*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 24 p. (in Russian).
2. Yakovlev B. (1945). *Defense of the Germans on the Mius and Molochnaya rivers*. Moscow, NKO Press, 49 p. (in Russian).
3. Korolchenko A. (1971). *Mius frontiers. Essays on places of military glory*. Rostov-on-Don, Book Publishing House, 57 p. (in Russian).
4. Ershov A.G. (1973). *Liberation of Donbass. Military history essay*. Moscow, Voenizdat Publ., 240 p. (in Russian).

5. *Fiery lines. Military history essay.* (1976). Rostov-on-Don, Book Publishing House, 224 p. (in Russian).
6. *History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945:* in 6 vol. (1961). Vol. 3. A radical change during the Great Patriotic War (November, 1942 - December, 1943). Moscow, Voenizdat Publ., 652 p. (in Russian).
7. *History of the Second World War 1939-1945:* in 12 vol. (1976). Vol. 6. A radical turning point in the war. Moscow, Voenizdat Publ., 520 p. (in Russian).
8. Isaev A. (2006). Breakthrough Mius-front. July - August 1943. *Frontovaya illyustratsiya*, No 3, 86 p. (in Russian).
9. Puzhaev G.K. (2008). *Blood and glory of Mius.* Taganrog, BANNERplus Publ., 400 p. (in Russian).
10. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. (2011). *Mius Front in the Great Patriotic War.* 2nd ed., rev. and add. Rostov-on-Don, SSC RAS Press, 228 p. (in Russian).
11. Medvedev M.V. (2019). *Liberation of the western districts of the Rostov region in 1943: historical events, trends and forms of memorialization.* Dissertation Thesis. Rostov-on-Don, 240 p. (in Russian).
12. *Russian Archive: Great Patriotic War. Headquarters of the Supreme Command: Documents and materials. 1943 year.* (1999). Vol. 16 (5-3). Moscow, TERRA Publ., 360 p. (in Russian).
13. *Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMD RF).* Fund 228. In. 505. File 185. (in Russian).
14. *CAMD RF.* Fund 333. In. 4885. File 109. (in Russian).
15. *CAMD RF.* Fund 442. In. 8465. File 62. (in Russian).
16. Shein O.V. (2017.). *From the Astrakhan Kremlin to the Reich Chancellery. Combat path of the 248th rifle division.* Moscow, Algoritm Publ., 222 p. (in Russian).
17. *CAMD RF.* Fund 333. In. 4885. File 27. (in Russian).
18. Polishchuk I.I. (1990). *From Mius to the Dnieper.* Lyudinovo, 136 p. (in Russian).
19. *CAMD RF.* Fund 312. In. 4245. File 160. (in Russian).
20. Manstein E. (2009). *Lost victories. General's personal notes Wehrmacht.* Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 575 p. (in Russian).
21. *CAMD RF.* Fund 339. In. 9385. File 62. (in Russian).
22. *From Kuban to Prague. Memoirs of veterans of the 4th Guards Kuban Cossack Cavalry Corps.* (1972). Krasnodar, Book Publishing House, 319 p. (in Russian).
23. *CAMD RF.* Fund 3470. In. 1. File 264. (in Russian).
24. Morgun N.I., Prudnikov F.I. (1985). *Saur-Mogila: A Guidebook.* Donetsk, Donbass Publ., 110 p. (in Russian).
25. *CAMD RF.* Fund 1269. In. 1. File 33. (in Russian).
26. *Taganrog. Fiery years.* (1994). Taganrog, Sfinks Publ., 190 p. (in Russian).

УДК 94(47)
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-64-72

ТЕОРИЯ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕПЦИИ А.Е. ПРЕСНЯКОВА

© 2021 г. Л.В. Мининкова ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE THEORY OF THE PATRIMONIAL STATE IN THE CONCEPT OF A.E. PRESNYAKOV

L.V. Mininkova ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Мининкова Людмила Владимировна –
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: lyudmila_mininkova@mail.ru

Ludmila V. Mininkova -
Doctor of History, Professor,
Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: lyudmila_mininkova@mail.ru

Распространенная и популярная в дореволюционной отечественной исторической науке теория вотчинного государства привлекла внимание выдающегося российского историка А.Е. Преснякова. В посвященной ему историографии сложилось представление, что в целом эта теория неорганична для его исследовательской методологии, в которой он как представитель петербургской школы на первый план ставил анализ источника и исторического факта, а теоретический синтез полностью подчинял источниковедческому анализу и подходил к нему с большой осторожностью. Вывод же его о вотчинных началах устройства Московского государства рассматривается как следование традициям государственной школы. Представляется между тем, что положение о вотчинном характере государства со времени княжения Ивана III до Смутного времени в полной мере соответствует его анализу процессов в русских землях более раннего времени, связанных с разложением прежнего строя княжеской волости. А.Е. Пресняков при этом подчеркивал сочетание вотчинной традиции с бюрократическим управлением в Московской Руси. Тем самым он внес вклад в дальнейшее обоснование теории вотчинного государства.

Ключевые слова: А.Е. Пресняков, петербургская школа, теория вотчинного государства, Московское государство.

The theory of the patrimonial state, widespread and popular in prerevolutionary Russian historical science, attracted the attention of the outstanding Russian historian A.E. Presnyakov. In the historiography devoted to him, there was an idea that in general this theory is not organic for his research methodology, in which, as a representative of the St. Petersburg school, he put the analyses of the source and historical fact in the foreground, and the theoretical synthesis completely subordinated to the sources analysis and approached it with great caution. His conclusion about the patrimonial principles on the structure of the Moscow state, considered as following the tradition of the state school. It seems, however, that the position on the patrimonial character of the state from the time of the reign of Ivan III to the Time of Troubles fully correspond in the Russian lands of earlier times associated with the decomposition on the former system on the princely volost. A.E. Presnyakov emphasized the combination of patrimonial tradition with bureaucratic management in Moscow Russia. Thus, he contributed to the further substantiation of the theory of the patrimonial state.

Keywords: A.E. Presnyakov, St. Petersburg school, the theory of the patrimonial state, Moscow State.

Исполнившееся в прошлом году 150-летие со дня рождения известного историка русского средневековья и новой российской истории А.Е. Преснякова дает основание вспомнить, что в его концепции популярная в отечественной

историографии теория вотчинного государства нашла свое своеобразное отражение. Две составляющих этой теории, вотчина и государство, представляли собой, на его взгляд, результат длительного развития русского общества от

Киевской Руси до Московского государства. Он в целом принял утвердившееся среди российских историков представление о последовательности развития русской общественной системы, в которой вотчинные отношения стали этапом в развитии общественного строя и системы власти, зарождением в системе вотчинного управления структур государственного управления, формированием государственности с долгим сохранением пережитков вотчинных отношений и вотчинных представлений. Вместе с тем он обратил внимание на противоречия такого перехода, относившиеся в том числе к особому характеру взаимоотношений между старой вотчинной традицией и новыми государственными порядками, высказал свое особое суждение о последствиях такого перехода.

Вклад А.Е. Преснякова в развитие теории вотчинного государства на основе исследования межкняжеских отношений и становления государственных институтов в Московском государстве в целом не получил комплексного анализа, которого он заслуживает. А.Л. Шапиро отмечал, что с точки зрения А.Е. Преснякова невозможно было соглашаться с «трактовкой первых московских князей», принятой в историографии. Предшествовавшие историки, согласно А.Е. Преснякову, считали, что князья руководствовались «в основном вотчинными, частновладельческими, а не политическими интересами» [1, с. 95], с чем он не соглашался. В то же время, писал А.Л. Шапиро, когда А.Е. Пресняков упоминал «“вотчинное московское самодержавие” XVI в.», он не был вполне самостоятелен. Идея «вотчинного самодержавия была целиком им заимствована у В.О. Ключевского» [1, с. 97]. Тем самым Шапиро по существу критически воспринимал поддержку А.Е. Пресняковым теории вотчинного государства. Без указания на теорию вотчинного государства эта мысль находит подтверждение в статье А.Ю. Дворниченко. Высоко оценивая оригинальность и самостоятельность положений А.Е. Преснякова относительно Киевской Руси, он, однако, замечал: «Вырваться из тисков историко-юридических построений» ему «было невозможно» [2, с. 46].

Теория вотчинного государства как раз была таким историко-юридическим построением, но относившимся к Московской, а не к Киевской Руси. Исследователь творчества А.Е. Преснякова С.В. Чирков отмечал, что, по мнению историка, в Киевской Руси «интересы политического

или семейно-династического характера до поры не давали торжествовать принципу вотчинного распада». Но это разрушилось «в удельном строе, подчинившем политическое преемство вотчинному наследию» [3, с. 488]. Несколько более подробно об отношении А.Е. Преснякова к теории вотчинного государства С.В. Чирков говорит в обширном очерке о нем, вышедшем в свет несколько ранее. Историк, как указывает С.В. Чирков, прослеживал, как «ломала» московская великокняжеская власть «старые семейно-вотчинные традиции в пользу вотчинного владения великого князя», и видел в этом предпосылку «нарождавшегося абсолютизма». В целом в историографии указано на глубоко новаторский подход А.Е. Преснякова к объяснению характера межкняжеских отношений на Руси, к отказу от теории родового владения князей Русской землей. Но при этом С.В. Чирков отметил, что развивавшаяся А.Е. Пресняковым «концепция вотчинного самодержавия» не полностью означала пересмотр концепций прежней отечественной историографии. По его мнению, А.Е. Пресняков «демонстрирует сохранявшуюся еще значительную зависимость» взглядов историка «от постулатов государственного направления в историографии» [4, с. 146].

В.С. Брачев также обращал внимание на существовавшее, по мнению А.Е. Преснякова, «патриархально-вотчинное властвование» князей «над территорией Великого княжества Владимирского». Из него, согласно А.Е. Преснякову, сложилось «единодержавное вотчинное государство». Развитие же его шло в XVI в. в сторону «вотчинной самодержавной монархии» [5, с. 47, 48]. Тем самым, согласно В.С. Брачеву, А.Е. Пресняков видел в вотчинном характере «Московского царства» продолжение вотчинного Владимирского княжества, на который он указывал ранее.

В этой связи возникает вопрос, в самом ли деле характеристика А.Е. Пресняковым Московского государства как вотчинного является лишь следствием концепции, которая утвердилась в отечественной историографии в более раннее время? Или же эта характеристика вытекала из анализа последовательного длительного процесса развития межкняжеских отношений, начиная от волостей киевского периода к отчинам времени объединения русских земель вокруг Москвы? Ответ на этот вопрос в значительной степени зависит от учета особенностей петербургской исторической школы, к которой

принадлежал А.Е. Пресняков. Представляется несколько схематичной довольно традиционная для историографии антитеза: приверженность историков петербургской школы к комплексному анализу источников, к тщательному установлению исторического факта, а историков московской школы – к историческому синтезу и к формированию объяснительных моделей, в рамках которых дается теоретическое обоснование изучаемых явлений и процессов.

Как справедливо отмечал Е.А. Ростовцев, «отрицанием необходимости теоретического подхода к историческому знанию» отличалась не вся петербургская школа в целом, оно шло от «представителей эмпирического направления "петербургской школы"» [6, с. 349]. Так теоретический подход в полной мере характерен для анализа С.Ф. Платоновым событий Смуты в России. При этом Е.А. Ростовцев с полным основанием относил С.Ф. Платонова к петербургской школе. Концепция трех этапов в развитии русской Смуты, выделенных С.Ф. Платоновым, – династического, социального и национального, является теоретическим синтезом на основании анализа огромного эмпирического материала.

Выделение же этапов в развитии исторического процесса типично для теоретических концепций в трудах историков московской школы, начиная с указания С.М. Соловьевым трех этапов на пути развития русского общества от родовых отношений к господству государственного начала. Кроме того, сказывалось осознание недостатка исторического анализа, итогом которого является тщательное установление фактов прошлого. При этом возникал вопрос, связанный, по словам Р.Дж. Коллингвуда, «с конечной целью всех этих скрупулезнейших исследований». И если историки могли удовлетвориться такой работой, для них она представляла несомненный интерес, то за пределами профессионального их цеха с неизбежностью складывалось мнение об ограниченном значении того, что дает «выявление фактов ради них самих» [7, с. 123]. Отсюда стремление историка не ограничиваться тщательной эмпирической работой. Тем более что творчество А.Е. Преснякова пришлось на годы революционного кризиса в стране, когда в общественной мысли имело место обострение интереса к истории и к формированию объяснительных моделей отечественного прошлого. В этой связи для книги историка о Московском царстве не удивительно желание дать объяснение особенностям русского исто-

рического процесса, что вполне позволяла сделать теория вотчинного государства, популярная в отечественной историографии.

Анализ правовых норм в Древней Руси и характера межкняжеских отношений привел А.Е. Преснякова к выводу, согласно которому в основе владельческих отношений «князей Рюрикова дома» «лежало отношение семейного владения». Но это, подчеркивал он, не было владением территорией и «верховой властью», поскольку в XI – XII вв. «князь не был государем ни сам по себе, ни тем более как член владельческого рода». Вообще, как отмечает С.В. Чирков, по мнению А.Е. Преснякова, для киевского периода русской истории «был характерен “примитивный” уровень государственности». При таких условиях «княжеская власть лишь внешним образом наложила на территориальные союзы, состоявшие из ряда соседских общин» [3, с. 488]. В Древней Руси он не видел ни единого государства, ни федерации, ни «суммы суверенных государств-волостей». Более того, по его словам, «попытки определить государственно-правовую форму “единства русской земли” не дали удовлетворительных результатов». Владельческие права князей, отмечал А.Е. Пресняков, распространялись на волости. Они располагались «по отдельным землям вокруг главных городов». В своей совокупности эти «земли-волости составляли древнюю Киевскую Русь, русскую землю в широком смысле слова». Право на княжение, подчеркивал он, определялось «прежде всего наследованием по отцу» [8, с. 122].

Вместе с тем А.Е. Пресняков указывал на существование в княжеской волости определенных признаков, в которых можно видеть зарождение характерных черт будущей государственности. Наиболее заметными из них были княжеская власть в пределах волости и вооруженная сила – дружина. В рамках системы, сложившейся в княжеской волости, при всех ее изменениях «дружина остается источником личных сил князя» [8, с. 181]. Такая тесная личная связь между князем как военным вождем и дружиной была характерна еще для последней стадии развития догосударственных отношений. В то время, когда работал А.Е. Пресняков, была известна ее характеристика как стадии военной демократии. Однако военной демократией строй, существовавший в пределах княжеской волости, А.Е. Пресняков не называл. Это не случайно. Он не видел важнейшего признака военно-

демократического строя, когда дружина представляла собой вооруженный народ, а дружинный вождь был предводителем дружины и, следовательно, вооруженного народа. Дружина в русских волостях была уже княжеской и составляла важнейший элемент при княжеском дворе, что позволяло А.Е. Преснякову характеризовать этот двор в качестве «дружинного двора» [8, с. 180]. Но, не являясь вооруженным народом эпохи военной демократии, княжеская дружина имела связь с прежней вооруженной структурой живших в волости горожан. Отсюда двойственное положение такого представителя дружинной верхушки, как тысяцкий. Он, по словам А.Е. Преснякова, – «всегда княжой муж». Но он при этом «входит в строй городской общины необходимым ее элементом, как, несомненно, городская и в этом смысле народная власть» [8, с. 181]. А.Е. Пресняков таким образом отмечал наряду с существованием княжеской власти в пределах волости народную власть в городе. Тысяцкого он видел и в качестве власти в городе, и в княжеской дружине, и тем самым в роли связующего звена между княжеской властью и народной властью в пределах города. Но сельское население волости, отмечал А.Е. Пресняков, подобной военной структуры, как это было в городе, не имело. Данные о смердах и их участии в военных действиях «показывают, как мало осталось в “княжеской” Руси от доисторических всенародных племенных ополчений» [8, с. 224].

В княжеской волости, включавшей города с их жителями и сельское население, А.Е. Пресняков видел «особое “княжое общество”, социальный организм особого уклада». Такой «социальный организм» был «опорой самостоятельному положению древнерусского князя в землекняжении». Но дело было не только в самостоятельности князя в своей волости. Наряду с ней А.Е. Пресняков указывал на широкие права князя в отношении населения волости, в частности на «право князя на выморочное имущество смерда», но отмечал также, что это было право, «принципиально тождественное с его правом на наследство дружинника-огнищанина или изгоя» [8, с. 227].

Изменение в характере отношения князя к своей волости и к ее населению А.Е. Пресняков прослеживал с середины XII в. Но это произошло не сразу. Еще в XII в. сохранялись прежние порядки. Заключались они в том, что «над народной массой вечевой общины стоит подав-

ляющая ее сила общественных верхов, держащих в руках нити торгового оборота и средства развивающегося крупного землевладения». При этом он подчеркивал связь этих верхов с властью князя, которые «опираются на его власть, составляя в то же время главную ее опору». В таких условиях прежний «княжеско-дружинный элемент волости меняет свой характер». Это выражалось в том, что князь, сохраняя «свое военно-правительственное значение», «подводит под него новый социально-экономический фундамент, обращая его в орудие экономической эксплуатации земли-волости», которая принимает «более фискальный характер» [9, с. 458], чем прежде. Но в таких условиях, как пишет А.Е. Пресняков, социальный протест оказывался направлен против «тиунов-вирников и мечников», в руках которых сосредоточилось осуществление «полномочий княжого суда». Рассматривая события в Киеве 1146 г. после смерти великого князя Всеволода Ольговича, он обращал внимание на то, что получение судебных полномочий представителями низшей княжеской администрации стало «орудием вымогательства». Конечно, замечал он, такое «усердие тиунов» касалось «не их только личных доходов, но и княжого прибытка». Иначе говоря, от такого «вымогательства» князь также имел свою выгоду. Но при этом А.Е. Пресняков приводил слова брата Всеволода, князя Святослава, целовавшего крест киевлянам. Он обещал им «судити по правду самому ..., а тиунюмь их не судити» [9, с. 459]. Тем самым киевляне видели защиту от произвола тиунов в самом князе.

На самом деле, указывал А.Е. Пресняков, в событиях 1146 г. отразился исключительно значимый процесс развития системы управления в русских землях. Происходило превращение «вир и продаж в окладной сбор». И тем самым «превращение в удельный период суда в доходную статью княжого и боярского владения, с правом и обычаем отчуждения его как всякой собственности» Это было свидетельством перехода «от земской точки зрения по отношению к судебно-административному делу к другому – вотчинно-владельческому воззрению на нее». При этом во второй половине XII в. процесс перехода от княжества-волости к вотчинно-владельческому строю, как указывал А.Е. Пресняков, ускорился.

Объяснение этому он давал в свете анализа политических, социальных и экономических процессов, что было характерно для отече-

ственной историографии конца XIX – начала XX в. Политическую сторону он видел в «нарастании признаков упадка центрального, объединяющего значения Киева». Социальная сторона состояла «в развитии землевладельческого боярства», экономическая – «в упадке торговой гегемонии Киева и в возникновении новых, независимых центров на запад от Киева в связи с изменением торговых путей из Средней Европы к Черному морю», «с развитием прибалтийской торговли». Особо отметил он колонизацию «Суздальской Руси и ее обособлением в особый экономический район». В целом это был «процесс децентрализации русской жизни» [9, с. 460].

«Отчинная тенденция», по выражению А.Е. Преснякова, или тенденция в сторону закрепления княжений как «вотчины» за определенным княжеским сыном и его потомством, «расколола Мономахово потомство», и привела к «крушению всей системы» [9, с. 462], которую представляла собой Киевская Русь, состоявшая из княжеств-волостей. На ее место стала другая система, основанная на отчинном начале. В ней сложилась «династическая организация власти, обращенной в вотчину одной княжеской линии, усиление зависимости младших князей от старшего, которого на севере станут называть великим» [9, с. 467]. Прежнее княжество-волость, как показал А.Е. Пресняков, превратилось в княжество-вотчину, передававшуюся по наследству. Он отметил последствия такого превращения. Оно привело к «полному обособлению всех областей русских, кроме киевской, во владение особых линий княжого дома» и к «распаду княжого рода на ряд равноправных, независимых князей, определявших взаимные отношения договорами» [9, с. 467–468]. Переход от княжества-волости к новому порядку княжества-вотчины длился более века. Как указывал А.Е. Пресняков, он пришелся на «эпоху, в начале которой стоит деятельность Владимира Мономаха, а в конце – Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо [9, с. 468].

Таким образом, на протяжении XII – XIII вв. Русь, согласно А.Е. Преснякову, стала страной отдельных самостоятельных княжеств-вотчин, а князья, получавшие в них столы по праву семейного наследства, – князьями-вотчинниками. О началах государственности в княжествах-вотчинах А.Е. Пресняков прямо не говорил. Но он отмечал, что, когда после смерти князя-отца «его княжение как вотчина переходило ко всем

его сыновьям», тем самым вводилось «частно-правовое понятие наследства». Таковы «первые страницы молодых государств славянских и германских». Но ранняя государственность была несовершенна, как подчеркивал А.Е. Пресняков, она не успела «окристаллизироваться в подходящих для ее потребностей формах». И не случайно. Несвершенство было заложено в самих основах княжества-вотчины. «Понятие наследства ведет к распаду, потребность сохранить раз созданное единство – к кровавой борьбе» [9, с. 497], – так характеризовал он внутреннее противоречие в политической системе, при которой причудливо сочетались государственное и вотчинное начала.

Преодоление такого противоречия представляло собой не просто сложный процесс. Оно, как подчеркивал А.Е. Пресняков, происходило не в ходе эволюционной смены одного этапа политического развития, но в ходе напряженной борьбы тенденций к сохранению удельной самостоятельности отдельных русских земель и объединительных тенденций. Это он прослеживал на примере событий в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, где такие противоречивые тенденции шли «параллельно, в непрерывном борении и периодических колебаниях перевеса то тех, то других, в сложном сплетении, сочетании и взаимодействии» [10, с. 8]. Во всяком случае, вотчинное начало пронизывало все стороны внутренней жизни Северо-Восточной Руси. Как отмечал А.Е. Пресняков, при Иване Калите и Семене Гордом мелкие «владельческие князья» вроде ростовских, стародубских, белозерских, галицких утратили всякую политическую роль в масштабе Руси. Но при этом сохраняли свое положение князей, «были погружены в свои мелкие владельческие интересы», права «землевладельческой вотчинной юрисдикции и расправы». Поскольку они имели наследников, то их «владения дробятся от поколения к поколению на мелкие участки, из которых иные не больше боярской вотчины». Но на окраинах страны возникли «политические формации более крупного калибра», которыми были «великие княжества Тверское, Рязанское, Нижегородское со своими “великими князьями” и князьями младшими, со своей борьбой за великокняжескую местную власть» [10, с. 22]. Такая система стояла на пути объединения страны и усиления московской великокняжеской власти. Выход для нее был в ее решительном слове. Как указывал А.Е. Пресняков, великокняжеская власть могла

сделать это, «только вырвавшись из пут семейно-обычного права», «путем фактического его нарушения» [10, с. 25].

Это означало принятие московской великокняжеской властью мер «к разрешению коренного противоречия между вотчинной властью князя над всей территорией его княжения и вотчинными же правами крупных землевладельцев» [10, с. 41]. А.Е. Пресняков показывал, какими способами достигалось это великокняжеской властью. «Отъезды с вотчинами» как норма средневековых отношений для периода раздробленности в пределах Московского княжества были подавлены, причем рано. Сохранялись от этого обычая лишь «запоздалые пережитки в великорусских политических захолустьях», где «дольше держалась изжитая старина». Он писал, что в случае отъезда боярина «служить другому князю» его вотчины «не выходят из политического состава территории покинутого князя». В результате служба боярина «врастает в землю, крепнут его связи с территориальным господством княжеской власти» [10, с. 42]. Но из разрыва связи в случае отъезда с вотчиной исходило еще одно следствие, которым было вообще «постепенное подавление права свободного отъезда». Он отмечал, что в договорах между князьями о праве свободного отъезда говорилось. Но эти слова были лишь «формулы», которые «пережили ... живое значение соответственных явлений» [10, с. 43]. Поэтому, писал он, появились «укрепленные грамоты». Они обязывали «служилых князей к безысходной пожизненной службе в рядах московского боярства в составе великокняжеского двора» [10, с. 43].

Результат сказался во второй половине XV в., когда «вотчинное землевладение и вотчинная служба склоняются перед вотчинным единодержавием великого князя». Это замечание А.Е. Преснякова представляется совершенно точным. Московское государство после династической войны и в период княжения Ивана III уничтожило традицию вольной службы вотчинников, полностью подчинило их себе. Но в то же время само Московское государство не перестало быть вотчинным государством, а великий князь Иван III – вотчинным государем. «Упраздня шаг за шагом средостение частновладельческой власти между собой и живыми слоями населения, самодержавная власть развивается, с другой стороны, свой вотчинный, владельческий тип последовательной политикой в

области служилой организации землевладения» [10, с. 83–84], – говорил он о противоречиях системы вотчинного государства в Московской Руси. Вотчинное государство таким образом, согласно А.Е. Преснякову, оказалось более жизнеспособным, чем удельная система, и вполне приспособилось к политической системе единого «централизованного» государства. «Собирание княжеской власти», которое произошло в это время, «объединило ее в московском единодержавии», и «высвободило ее из пут “старины и пошрины” на полный простор самодержавного властвования» [10, с. 44]. Сущность вотчинного государства в новых условиях Московской Руси сохранилась: «Государь князь великий распоряжается “по своей воле” личными силами и материальными средствами всего населения, “жизнью и имуществом” всех» [10, с. 45].

Заметно, что оценка А.Е. Пресняковым последствий сохранения вотчинного характера государства в Московской Руси шла вразрез с тем, как она давалась в отечественной историографии. Если предшественники его выделяли главным образом негативные моменты такого сохранения, то он обратил внимание на иную сторону. Говоря о полноте вотчинной власти московского государя, он указывал: «Эта полнота власти легла в основу большой организационной работы, какая выполнена правительством Московского государства в XVI столетии» [10, с. 45]. Но при этом механизмы управления при власти московского государя как государя-вотчинника менялись со временем. Как отмечал А.Е. Пресняков, правление в Московском государстве начиная с княжения Ивана III «вступает на путь эволюции от устарелых форм властвования к элементарному строю государственного управления, которое постепенно отливалось в новые формы бюрократического типа» [10, с. 52].

Однако протекал этот процесс с трудом. На создание государственного по своей сущности «бюрократического управления не было еще ни сил, ни средств, ни организационного умения» [10, с. 55], – писал А.Е. Пресняков. Но необходимость не только объединить русские земли, но и «создать большую и надежную воинскую силу, построить систему государственных финансов, наладить эксплуатацию всех сил и средств страны» «было по плечу только очень сильно и крепко централизованной власти». Отсюда настойчивость в преодолении старины, определяемой «“вотчинным” строем политических представлений той эпохи и общими усло-

виями «собирания власти», рассеянной по вотчинным ячейкам». Так, отмечал А.Е. Пресняков, «строилось ... московское самодержавие, разрушая все общеправовые традиции и общеправовые устои общественного быта» [10, с. 60]. Но внедрение на место разрушавшихся властью традиций было не полным. К этому, согласно А.Е. Преснякову, и не стремилась московская великокняжеская власть. Она использовала эту традицию не случайно, так как вела к необходимой для нее перестройке всей политической системы, сложившейся еще в удельной Руси. «Московский великий князь вырос в вотчинные государи всей Великороссии», – подчеркивал он. И только благодаря этому смог «забирать в свои руки самодержавное распоряжение ее силами и средствами, начав трудное и сложное дело их организации на нужды своего “государева дела”» [10, с. 76]. По вотчинному образцу строилась армия Московского государства. Она «в духе вотчинной власти» формировалась на основе «расширения ... великокняжеского двора до размеров общерусской государственной армии» [10, с. 79].

Вместе с тем полного отхода от традиций отечественной историографии, в которой давалась негативная оценка вотчинному государству в Московской Руси, у А.Е. Преснякова не было. Он по-своему указывал на некоторые из них. Заключались они в возвышении царя и его власти «на недостижимую высоту над всяким жизненным правом, над всякой житейской правдой», в том, что русское общество приняло идею, согласно которой «царь во всем совершитель Божественной воли» [10, с. 64], а «вся земля в пределах великого княжения есть земля государя великого князя» [10, с. 100].

То, что, по словам А.Е. Преснякова, апологеты царизма называли «мистикой самодержавия» [10, с. 64], сложившейся еще при Иване III, оказалось очень устойчивым явлением массового сознания. В более позднее время она выразилась при царе Алексее Михайловиче, а в новой русской истории – при императоре Николае I. Еще более резкой была характеристика ученым Московского государства при Иване Грозном, когда «над Московской Русью прошли разрушительные бури эпохи казней и дворцового разгула, разгрома бытовых традиций и устоев силой царской опричнины». Но эти последствия пережили вотчинное государство. Обстановка в стране времени Бориса Годунова, который, как выборный царь, не мог быть вотчинным государем,

наследовавшим Московское государство как вотчину, также отличалась «подозрительностью, затаенной враждой, сыском и произволом» [10, с. 65]. В роли защитника от произвола вотчинного самодержавия Пресняков называл «представителей титулованного боярства», или носителей старой вотчинной традиции. Но «защищают они не удельно-вотчинные княжеские притязания, а боярскую старину и – шире – земскую старину» [10, с. 65]. Следовательно, значение такой защиты было, по его мнению, на деле шире, чем защита узких корпоративных боярских интересов.

В вотчинном государстве А.Е. Пресняков видел переходный этап от периода господства вотчинной стадии на Руси к окончательному формированию государственности, которая сложилась в XVII в. после Смуты. Поэтому, характеризуя положение в России, он ничего уже не говорил о вотчинном государстве. Сменить его должен был «строй бюрократически организованной монархии» [10, с. 126]. И если при прежней династии проявлялись только начала бюрократизации, то после Смуты она вполне утвердилась. Тем самым строй вотчинного государства окончательно ушел в прошлое, а более надежной опорой самодержавия стали не отсылки к вотчинным правам государя, а бюрократия, на которую указывал А.Е. Пресняков.

Таким образом, в его исследованиях теория вотчинного государства нашла свое отражение. Вотчинное государство, сложившееся в Московской Руси, стало переходом от вотчинной стадии к полному установлению государственности. Противоречие системы вотчинного государства А.Е. Пресняков видел в том, что московская великокняжеская власть решительно устраняла положение, сложившееся в удельный период, когда князья в своих княжествах, доставшихся им на правах вотчины, являлись одновременно государями в пределах своей вотчины. Но собственное положение в качестве вотчинных государей, а формировавшееся Московское государство в качестве своей вотчины, они утверждали и всячески сохраняли. Поэтому в Московском государстве оставался единственный вотчинный государь, которым был великий князь московский, или московский царь начиная с Ивана Грозного. Положение вотчинного государя давало великому князю московскому не только укрепить свою власть, но и представить себя как лицо, обладавшее правом на владение государством как своей вотчиной,

полученным от бога. Последствия режима вотчинного государства были, по мнению А.Е. Преснякова, противоречивыми. С одной стороны, такой режим давал возможность закрепить объединение русских земель и создать необходимые условия для развития государства. С другой – он стал предпосылкой для самодержавного произвола, особенно ярко выразившегося в царствование Ивана Грозного.

Вотчинное государство, как полагал А.Е. Пресняков, существовало до Смутного времени. При первых царях из династии Романовых на смену ему пришла новая форма государства, которой была бюрократическая монархия, поскольку в бюрократическом управлении самодержавие видело для себя более надежную опору, чем в обращении к ушедшим в прошлое вотчинным правам. В целом воззрения А.Е. Преснякова на вотчинное государство дополняют и обогащают характеристику этого явления и этой стадии развития Московского государства, которая давалась в предшествовавшей историографии. Они не являются только лишь следствием отечественной историографической традиции, в которой теория вотчинного государства ко времени А.Е. Преснякова заняла довольно прочное положение. А.Е. Пресняков не просто следовал традиции, но и, в отличие от предшественников, наглядно показал, как вотчинная система выростала из разложения прежнего строя княжеских волостей в русских землях, а также как в ней нашло органичное сочетание вотчинной традиции и новых начал бюрократического государственного управления в Московской Руси. Тем самым выдающийся историк не просто воспринял теорию вотчинного государства, но и сделал шаг вперед в углублении ее обоснования и в ее развитии.

Литература

1. Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма: курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 235 с.
2. Дворниченко А.Ю. А.Е. Пресняков – исследователь Киевской Руси // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб.: Альянс-архео, 2006. С. 35–46.
3. Чирков С.В. А.Е. Пресняков // Историки России. Биографии / сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2011. С. 485–491.

4. Чирков С.В. Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) // Портреты историков. Время и судьбы: в 3 т. М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. Т. 1. С. 136–152.

5. Брачев В.С. Русский историк Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 83 с.

6. Ростовцев Е.А. В.О. Ключевский и историки «петербургской школы» (С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков) // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: материалы науч. конф. (Пенза, 25–26 июня 2001 г.): в 2 кн. / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2005. Кн. 1. С. 340–371.

7. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.

8. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X – XII столетий. М.: Юрайт, 2020. 247 с.

9. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь // Княжое право в Древней Руси: лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. С. 256–505.

10. Пресняков А.Е. Московское царство: общий очерк. Пг.: Огни, 1918. 140 с.

References

1. Shapiro A.L. (1962). *Russian Historiography in the Period of Imperialism*. Course of lectures. Leningrad, LGU Press, 235 p. (in Russian).
2. Dvornichenko A.Yu. (2006). A.E. Presnyakov - a researcher of Kievan Rus. *Research on the history of medieval Russia*. To the 80th birthday of Yuri Georgievich Alekseev. Moscow; Saint Petersburg, Alyans-Arkhео, pp. 35-46. (in Russian).
3. Chirkov S.V. (2011). A.E. Presnyakov. *Historians of Russia. Biographies*. A.A. Chernobaev (Comp., Chief Ed.). Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 485-491. (in Russian).
4. Chirkov S.V. (2000). Alexander Evgenievich Presnyakov (1870-1929). *Portraits of historians. Time and destinies*: in 3 vol. Moscow, Jerusalem, Universitetskaya kniga Publ., vol. 1, pp. 136-152. (in Russian).
5. Brachev V.S. (2002). *Russian historian Alexander Evgenievich Presnyakov (1870-1929)*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 83 p. (in Russian).
6. Rostovtsev E.A. (2005). I.N. Klyuchevsky and historians of the "Petersburg school" (S.F. Platonov, A.S. Lappo-Danilevsky, A.E. Presnyakov). *V.O. Klyuchevsky and the problems of Russian provincial culture and historiography*. Scientific Proceedings of the Conf. (Penza,

June 25-26, 2001): in 2 books. S.O. Schmidt (Ed.). Moscow, Nauka Publ., book 1, pp. 340-371. (in Russian).

7. Collingwood R.J. (1980). *The idea of the History. Autobiography*. Moscow, Nauka Publ., 485 p. (in Russian).

8. Presnyakov A.E. (2020). *Princely law in Ancient Russia. Essays on the history of the 10th - 12th centuries*. Moscow, Yurait Publ., 247 p. (in Russian).

9. Presnyakov A.E. (1993). Lectures on Russian history. Kievan Rus. *Princely law in ancient Russia: lectures on Russian history. Kievan Rus*. Moscow, Nauka Publ., pp. 256-505. (in Russian).

10. Presnyakov A.E. (1918). *Moscow Kingdom: general outline*. Petrograd, Ogni Publ., 140 p. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

26 марта 2021 г. / March 26, 2021

УДК 94

doi 10.18522/2687-0770-2021-2-73-78

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2021 г. А.И. Нарезжный ^{a, b}, Н.В. Галуза ^a

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

^b Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

CULTURAL AND EDUCATIONAL PROJECTS OF THE VLADIKAVKAZ RAILWAY IN THE LATE 19th and EARLY 20th CENTURY

A. I. Narezhny ^{a, b}, N. V. Galuza ^a

^a Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

^b Federal Research Centre The Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Нарезжный Анатолий Иванович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории средних веков
и нового времени,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия;
ведущий научный сотрудник,
лаборатория истории и этнографии,
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр
Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: ain@srfedu.ru

Anatoly I. Narezhny -
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
of the Middle Ages and Modern Times,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya Str., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia;
Leading Researcher, Laboratory of History
and Ethnography,
Federal Research Centre
The Southern Scientific Centre,
Russian Academy of Sciences,
Chekhova Str., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: ain@srfedu.ru

Галуза Надежда Валерьевна -
магистрант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: ngaluza@srfedu.ru

Nadezhda V. Galuza -
Master's Degree Student,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya Str., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: ngaluza@srfedu.ru

Исследуется влияние Владикавказской железной дороги на формирование социокультурного облика региона на примере деятельности ее структур по реализации образовательных и культурно-просветительских проектов. Освещается развитие системы библиотечного дела, организация работы вагонов-библиотек, читален, системы распространения книг и газет. Подчеркивается значимость просветительских и культурных проектов в деле просвещения рабочих и служащих железной дороги, а также населения Северного Кавказа. Деятельность структур Владикавказской железной дороги оценивается как неотъемлемый аспект развития Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: модернизация, железные дороги, социокультурный облик, просветительская работа, образование, Северный Кавказ.

The article considers the influence of the Vladikavkaz Railway on the formation of the socio-cultural image of the region. Scientific novelty of the article appears in studying the activities of the structures of the Vladikavkaz Railway in the implementation of educational and cultural projects. Special attention is attached to the development of the library system, the organizational work of library train cars, reading rooms, and the distribution systems of books and

newspapers on the Vladikavkaz Railway. The importance of educational and cultural projects in educating of railway workers and employees together with the population of the North Caucasus is emphasized. The article concludes that the specified activity of the Vladikavkaz Railway structures is an integral aspect of the development of the North Caucasus in the late 19th - early 20th century.

Keywords: *modernization, railways, socio-cultural image, educational work, education, North Caucasus.*

История российской модернизации во второй половине XIX в. во-многом связана с развитием сети железных дорог и влиянием, которое они оказывали на различные стороны хозяйственной и культурной жизни в регионах. Высокая оценка их значимости присуща не только отечественным исследователям, но и зарубежным ученым. Немецкий историк Ф.Б. Шенк считал, что железные дороги могли привлечь в регионы тех, кто уже имеет образование, а они, в свою очередь, станут приобщать местное население к более цивилизованным условиям жизни. В конечном счете, указывал он, железнодорожные пути принесли на окраины Российской империи не только экономическое процветание, но и культурное сплочение с центром [1, с. 368].

Следует подчеркнуть, что в России весьма своевременно, на наш взгляд, было учтено особое значение железных дорог. В частности, при обсуждении вопроса о строительстве Владикавказской железной дороги царский наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич 7 января 1869 г. писал императору Александру II: «Кавказ покорён, но пока покорение – только материальное и поэтому подвержено случайностям. Дабы упрочить его, нужно покорение духовное, которое возможно лишь при условии сокращения расстояний, отделяющих Кавказ от империи» [2, с. 34]. Сознание важности скорейшего строительства железной дороги на Северном Кавказе как фактора решения социокультурных задач проявилось в том, что 2 января 1870 г. «император высочайше повелел соизволить: линию от Ростова до Владикавказа включить в сеть главнейших железных дорог и обеспечить исполнение этих дорог преимущественно пред другими» [3, с. 78]. Строительство началось в 1872 г., первая линия была построена за 3 года и соединила Ростов-на-Дону и Владикавказ. Впоследствии, в последнее десятилетие XIX в., были построены линии Екатеринодар – Новороссийск (1888), Минеральные Воды – Кисловодск (1894) и ряд других, превратившие Владикавказскую железную дорогу в крупнейшую магистраль юга Российской империи и значимый фактор развития обширного региона.

В научной литературе достаточно широко представлены исследования различных аспектов влияния Владикавказской железной дороги на Северном Кавказе. В дореволюционной историографии выделим прежде всего работы обобщающего характера, одной из первых в ряду которых является иллюстрированный путеводитель, изданный в 1915 г. Его автор Г.Г. Москвич подробно описывает основные этапы строительства железной дороги, отмечает ее роль в освоении санаторно-курортного потенциала региона и одновременно указывает на некоторые шаги администрации дороги по развитию просветительской деятельности, в частности организации работы вагонов-библиотек, «удовлетворявших потребности служащих дороги в чтении» [4, с. 45]. Кроме этого, отдельные упоминания о значении социокультурной роли железной дороги содержатся в работах экономического характера. Так, П. П. Мигулин указывал, что «весьма значительную часть культурной работы на Кавказе, несомненно способствовавшей сильному подъёму благосостояния его населения, выполнило частное общество Владикавказской железной дороги» [5, с. 342].

Из работ советского периода следует выделить наиболее полное исследование по истории Владикавказской железной дороги В.Т. Сидоренко, который отмечает важную роль мероприятий просветительского характера, организованных администрацией железной дороги, в том числе по развитию системы образования, а также нетрадиционные формы работы, например создание вагона-церкви, стационарных и передвижных библиотек. Но научно-популярный характер его работы несколько снижает возможности использования в научных исследованиях приводимых в ней фактов [6, с. 147].

Отдельные аспекты деятельности Владикавказской железной дороги отражены в кандидатских диссертациях Ю.Г. Харина [7], Г.К. Калининой [8], И. В. Озерского [9]. По большей части в них рассматриваются функции структур Владикавказской железной дороги по вопросам хозяйственно-экономического характера и обеспечению включения продукции Северного Кавказа во внутренний рынок Российской империи. Дея-

тельность по развитию просвещения и культуры затрагивается лишь частично. Из немногочисленных работ, непосредственно касавшихся проблемы социокультурного и просветительского характера в зоне Владикавказской железной дороги, следует отметить статью М.В. Пятиковой [10]. Таким образом, культурно-просветительские проекты Владикавказской железной дороги в конце XIX – начале XX в. освещены явно недостаточно. В настоящей статье мы попытаемся в какой-то мере восполнить этот пробел.

Прежде всего отметим, что внимание администрации дороги к вопросам культуры и просвещения носило в значительной мере утилитарный характер. Согласно И.В. Озерскому, руководство дороги, будучи заинтересованным в своей конкурентоспособности, «вынуждено было создавать разветвленную инфраструктуру, пользоваться передовыми производственными технологиями, а следовательно, обучать обслуживающий персонал и организовывать для него дополнительные условия жизнеобеспечения» [9, с. 31]. Администрацией принимались меры по расширению доступа рабочих и служащих к ценностям культуры и просвещения в рамках трех культурно-просветительских проектов, предусматривавших развитие системы стационарных библиотек-читален в городах, через которые проходила железная дорога, создание вагона-библиотеки, а также организацию стабильной книжной и газетной торговли на Владикавказской железной дороге.

Проект организации стационарных читален выглядел наиболее понятной и традиционной формой. Примером подобной структуры можно считать читальню, открытую в 1903 г. в Новороссийском депо, о направлениях и порядке работы которой свидетельствовал «Устав открытия читальни при Новороссийском депо» [11, л. 9]. Общество Новороссийской ветви железной дороги имело главной целью дать возможность служащим пользоваться чтением книг, периодических и других изданий.

Об эффективности данной формы культурно-просветительской деятельности вполне убедительно свидетельствовал опыт работы библиотеки-читальни в Затемерницком районе г. Ростова-на-Дону, представленный в отчете от 19 мая 1903 г. Из него следовало, что библиотека была устроена на частные пожертвования «для удовлетворения культурных нужд служащих Владикавказской железной дороги» [11, л. 40]. За год работы сотрудники библиотеки

обработали более 24 тысяч требований читателей. Однако, как следует из отчета, возможности библиотеки-читальни были ограничены условиями ее размещения. Здание, в котором она располагалась, находилось в плачевном состоянии. Оно представляло собой тесное помещение с крохотными комнатами и отсутствием вентиляции, что тормозило рабочий процесс. Поэтому в отчете говорилось о необходимости постройки более удобного здания, желательно даже двухэтажного, чтобы на первом этаже расположить мужскую воскресную школу, а на втором – библиотеку. Слабое финансирование проекта и отсутствие возможности в краткие сроки привлечь частные пожертвования представляли серьезную проблему для реализации столь обширных планов. На помощь в данном случае пришло Правление железной дороги, которое выдало на ремонтные работы немалую по тем временам сумму 1500 р. [11, л. 44].

При всей успешности работы стационарных читален они не могли в полной мере решить проблему обеспечения доступа рабочим и служащим дороги к специальной и художественной литературе в силу того, что их основная масса проживала вдали от городов и даже сколь-нибудь крупных населенных пунктов. Из-за этого они испытывали «непомерную скуку», предавались «грубым и вредным забавам», которые, «действуя пагубно на их нравственность, неизбежно влекли к разным проступкам» [12, л. 39]. В этих условиях к 1899 г. назрела необходимость устройства передвижного вагона-библиотеки, который должен был стать «благодарным источником для удовлетворения потребности в чтении и саморазвитии для самого разнообразного контингента служащих на дороге» [12, л. 39 об.].

Согласно «Отчету об устройстве и деятельности передвижной библиотеки-вагона в 1900 году», в этих целях был оборудован 6-колесный вагон 3-го класса. Работы по устройству библиотеки были выполнены в кратчайшие сроки, и уже 22 февраля 1900 г. она отправилась в свой первый рейс от Ростова-на-Дону до Владикавказа и от Тихорецкой до Царицына. На февраль 1900 г. в этой библиотеке находилось 1779 книг, из них 34 книги религиозно-нравственного содержания, 1034 книги – в жанре беллетристики, 618 научно-популярных работ и 93 детских книги [12, л. 40]. Особое внимание при комплектации было уделено научным книгам и трудам по железнодорожно-

му делу, в связи с образовательной целью библиотеки. За право чтения посетители вносили плату 15 коп. в месяц за одну книгу. В итоге к концу 1900 г. библиотека получила 328 р. 76 коп. прибыли, из которых 100 р. были заплачены библиотекарю, а оставшиеся средства направлены на покупку новых книг. К январю 1901 г. количество книг в библиотеке выросло до 4788 экземпляров [12, л. 41 об.].

Библиотека функционировала практически постоянно и была популярна среди населения. В течение первого года работы она выполнила 22 полных рейса. На малых станциях остановка длилась 7–15 минут для успешного обмена и выбора книг. Но к 1909 г. стали очевидны не только преимущества, но и недостатки в ее работе, на которые обратили внимание как служащие дороги, так и другие читатели. Возникла необходимость пополнения фонда вагона-библиотеки новыми изданиями, так как на популярные книги известных писателей существовала большая очередь. Одновременно читатели жаловались на недостаток учебной и специальной литературы, особенно по сельскому хозяйству [13, л. 32]. Другой и, пожалуй, наиболее серьезный недостаток состоял в том, что вагон-библиотека следовал большей частью по крупным станциям, на которых можно было и без этого достать всю необходимую литературу. Служащие и население требовали, чтобы вагон-библиотека более активно посещал маленькие станции, расположенные в глухих местностях, так «как там более всего нуждаются в книгах» [13, л. 12]. К чести администрации дороги, жалобы населения были услышаны. Заведующий учебной частью скорректировал маршрут движения вагона-библиотеки по заранее составленному и обсужденному с начальниками станций расписанию, которое отдавало приоритет остановкам на малых станциях. Таким образом, деятельность вагона-библиотеки приобрела более отрегулированный характер.

Еще одним важным культурно-просветительским проектом на Владикавказской железной дороге выступает организация книжной и газетной торговли, которая активно развивалась в предвоенный период. В ноябре 1903 г. правление общества Владикавказской железной дороги заключило договор с губернским секретарем А.С. Суворинным с предоставлением ему исключительного права продажи внутри зданий всех ветвей дороги, а также на платформах станций «книг, газет, журналов, художественных изданий и

всего до книжной торговли относящегося» [14, л. 4]. В курьерских поездах Суворин был обязан организовать в вагонах-ресторанах библиотеки «с платой за чтение 25 копеек за 1 книгу в сутки», а также продажу в них газет и журналов [14, л. 7]. На территории вокзалов и станций торговля книгами должна была происходить в залах с большим скоплением пассажиров.

Особое внимание уделялось при этом ассортименту книжной продукции. В наличии необходимо было иметь все наиболее распространенные местные и столичные периодические издания, а также издания о местной промышленности и торговле. Особое внимание уделялось наличию в продаже специальных изданий, таких как «Сборник железнодорожных тарифов» и «Указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений», которые должны были стоять на видном месте. Если тираж какой-либо популярной или необходимой книги заканчивался, то «Суворин был обязан в 8-дневный срок начать ее продажу» [14, л. 10]. В обязанности по данному договору включалось также требование к контрагенту высылать в правление железной дороги газеты «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новости», «Биржевые ведомости» и «Русские ведомости» [15, л. 5].

Книжная торговля преимущественно велась на станциях Ростов-на-Дону, Тихорецкая, Кавказская, Армавир, Минеральные Воды, Владикавказ, Новороссийск, Ставрополь. Служащие дороги активно интересовались новинками литературы, что можно проследить исходя из списка популярных среди них газет и журналов, составленного на основании требований служащих, отправленных в канцелярию управления, на 1903 г. Наибольшим спросом пользовались такие издания, как «Приазовский край», «Донская речь», «Южный телеграф», «Казбек», «Новое время», «Железнодорожная неделя», «Русские ведомости», «Правительственный вестник», «Строитель», «Зодчий», «Счетоводство» [16, л. 3 об.].

Следует отметить, что представленными проектами культурно-просветительская деятельность на Владикавказской железной дороге не исчерпывалась. Со временем получают известность инициативы и предложения работников и служащих по развитию новых проектов. В частности, некий инженер-технолог Батайского депо просил в письме на имя управляющего Владикавказской железной дорогой отдать

освободившийся барак для проведения любительских спектаклей и музыкальных вечеров с целью повышения культурного уровня жителей станции Батайск, которые, по его мнению, «деградируют и проводят время в праздных удовольствиях» [11, л. 39], а в 1908 г. служащие просили разрешения устроить при главных мастерских «чтения с теневыми картинками» по технике, а также русской истории. Более того, они даже предлагали ставить самостоятельно спектакли (в документе говорится о пьесе, отражающей события Полтавской битвы) [17, л. 29].

Подводя итоги, отметим, что правление Общества Владикавказской железной дороги уделяло значительное внимание просвещению служащих, рабочих дороги и населения, организации досуга и культурно-массовых мероприятий. Благодаря его содействию на территориях, по которым проходила железная дорога, проводились курсы повышения квалификации, подготовка работников по ряду профессий. Культурно-просветительские проекты, к которым мы относим деятельность вагона-библиотеки, организацию книжной и газетной торговли на Владикавказской железной дороге, создание оркестра мастеровых, спектаклей, ходатайства рабочих по открытию новых читален, познавательных экскурсий и других культурных мероприятий, позволили организовать досуг служащих. Реализованные проекты имели популярность у населения, о чем свидетельствует обратная связь в виде как благодарственных, так и критических замечаний и писем. В целом усилия, затраченные на становление социальной сферы на Северном Кавказе, себя оправдали. Деятельность Владикавказской железной дороги, направленная на развитие просвещения в регионе, стала неотъемлемой чертой развития региона в конце XIX – начале XX в.

Литература

1. Шенк Ф.Б. Imperial inter-rail: Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / под ред. М. Ауст, Р. Вильпиус, А. Миллер. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 354–381.

2. Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика : в 2 т. СПб. : Канцелярия Комитета министров, 1902. Т. 2. 324 с.

3. Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.). Пятигорск : Технол. ун-т, 2005. 409 с.

4. Москвич Г.Г. Владикавказская железная дорога: краткий иллюстрированный путеводитель. 1888–1915 гг. Петроград : Ред. «Путеводителей», 1915. 157 с.

5. Мигулин П.П. Настоящее и будущее русских финансов. Харьков : Печ. дело, 1907. 394 с.

6. Сидоренко В.Т. Путешествие в историю Северо-Кавказской железной дороги 1860–1920. Ростов н/Д., 2007. 324 с.

7. Харин Ю.Г. Владикавказская железная дорога и ее влияние на развитие экономики Ставрополья (последняя четверть XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1999. 24 с.

8. Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX в.: на примере Владикавказской железной дороги : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2004. 22 с.

9. Озерский И.В. Железнодорожное строительство на юге Российской империи в пореформенный период (70-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.): особенности и роль в модернизации социокультурного пространства региона : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2013. 34 с.

10. Пятикова М.В. Просвещенческий и образовательный потенциал Владикавказской железной дороги в начале XX века: социокультурный аспект // Культура и время перемен. 2017. № 4 (19). С. 26–34.

11. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 49.

12. ГАРО Ф. 26. Оп. 1. Д. 40.

13. ГАРО. Ф. 26, Оп. 1. Д. 216.

14. ГАРО. Ф. 26. Оп. 3. Д. 102 а.

15. ГАРО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 53.

16. ГАРО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 44.

17. ГАРО. Ф. 26. Оп. 6. Д. 25.

References

1. Schenk F. B. (2010). Imperial inter-rail: The Influence of Interethnic and Inter-Imperial Perception and rivalry on the policy of railway construction in Tsarist Russia. *Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700-1917)*. Collected papers. M. Aust, R. Vilpius, A. Miller (Eds.). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 354-381. (in Russian).

2. Kislinsky N. A. (1902). *Our railway policy*: in 2 vol. Saint Petersburg, Office of the Committee of Ministers, vol. 2, 324 p. (in Russian).
3. Kaznachejev A.V. (2005). *Development of the North Caucasus outskirts of Russia (1864-1904)*. Pyatigorsk, Technologic University Press, 409 p. (in Russian).
4. Moskvich G. G. (1915). *Vladikavkaz railway: a short illustrated guide. 1888-1915*. Petrograd, Red. "Putevoditelei" Publ., 157 p. (in Russian).
5. Migulin P. P. (1907). *Present and future of Russian finance*. Kharkiv, Pech. delo Publ., 394 p. (in Russian).
6. Sidorenko V. T. (2007). *Journey to the history of the North Caucasus Railway 1860-1920*. Rostov-on-Don, 324 p. (in Russian).
7. Kharin Yu. G. (1999). *Vladikavkaz Railway and its influence on the development of the Stavropol economy (the last quarter of the 19th - beginning of the 20th century)*. Dissertation Thesis. Nalchik, 24 p. (in Russian).
8. Kalinina G. K. (2004). *The role of railway construction in the modernization of the North Caucasus region: the second half of the 19th - beginning of the 20th century: On the example of the Vladikavkaz Railway*. Dissertation thesis. Rostov-on-Don, 22 p. (in Russian).
9. Ozersky I. V. (2013). *Railway construction in the south of the Russian Empire in the post-reform period (70s of the 19th century - October 1917): features and role in the modernization of the socio-cultural space of the region*. Dissertation Thesis. Maikop, 34 p. (in Russian).
10. Pyatikova M. V. (2017). Enlightenment and educational potential of the Vladikavkaz railway at the beginning of the 20th century: sociocultural aspect. *Kul'tura i vremya peremen*, No. 4 (19), pp. 26-34. (in Russian).
11. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 26. In. 1. File 49. (in Russian).
12. *SARR*. Fund 26. In. 1. File 40. (in Russian).
13. *SARR*. Fund 26. In. 1. File 216. (in Russian).
14. *SARR*. Fund 26. In. 3. File 102 a. (in Russian).
15. *SARR*. Fund 26. In. 1. File 53. (in Russian).
16. *SARR*. Fund 26. In. 1. File 44. (in Russian).
17. *SARR*. Fund 26. In. 6. File 25. (in Russian).

Поступила в редакцию / Received

18 мая 2021 г. / May 18, 2021

УДК 930.24:929 Чалхушьян.06 (092)
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-79-82

Г.Х. ЧАЛХУШЬЯН – ОРГАНИЗАТОР БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2021 г. К.Л. Папазян ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

G. H. CHALKHUSHYAN - ORGANIZER OF CHARITY IN NAKHICHEVAN- ON-DON IN THE LATE 19th - EARLY 20th CENTURY

K.L. Papazyan ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Папазян Кристина Лерниковна –
аспирант,
кафедра отечественной истории
средних веков и нового времени,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: Kristina-arm-1992@yandex.ru

Kristina L. Papazyan -
Postgraduate,
Department of National History
of the Middle Ages and Modern Times,
Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: Kristina-arm-1992@yandex.ru

Рассматривается общественная деятельность юриста, гласного городской думы, вице-консула Армянской Республики на Дону, председателя Армянского благотворительного общества – Григория Христофоровича Чалхушьяна, который бескорыстно служил на благо местного армянского общества и не раз удостоивался самых искренних слов признательности. Будучи известным адвокатом, вел значимые общественные дела безвозмездно, много времени уделял школам, председателем родительских комитетов которых он стоял бесценно. Инициировал помощь армянскому населению, пострадавшему от погромов, гонений, резни в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: благотворительное общество, общественный деятель, юрист, геноцид армян, Нахичевань.

The article is dedicated to Grigory Chalkhushyan, public figure, lawyer, city Duma speaker, Vice-consul of the Armenian Republic on the Don, chairman of the Armenian Charitable Society. He selflessly served for the benefit of the local Armenian society and was repeatedly awarded the sincerest words of gratitude. Being a well-known lawyer, he conducted significant public affairs free of charge, and devoted a lot of time to schools, of which he was the chairman of the parent committees permanently. Grigory Khristoforovich initiated assistance to the Armenian population that suffered from pogroms, persecutions, and mass murders in the late 19th and early 20th century.

Keywords: charitable society, public figure, lawyer, Armenian genocide, Nakhichevan.

Григорий Христофорович Чалхушьян (1861–1939) – известный общественный деятель Нахичевани-на-Дону, юрист, публицист, историк, гласный городской думы, вице-консул Армянской Республики на Дону, председатель Армянского благотворительного общества. Природа наделила его умением владеть пером и словом. Он со всем своим темпераментом и добрым сердцем старался помочь бедным и обездоленным, считал своим долгом разоблачать различные беззакония. Его имя было связано с делом защиты сирот, беженцев, выкупа пленных,

учреждения многих благотворительных обществ и кружков при местных школах.

Одним из направлений общественно-политической активности Г.Х. Чалхушьяна в течение долгих лет была его деятельность на посту председателя Нахичеванского благотворительного общества – старейшего общества Нахичевани-на-Дону, фактически существовавшего с 1860 г. Инициативу его создания Р. Патканян приписывает священнику Погосу Хырджияну, который предложил собирать на нужды бедняков-армян по 3 руб. в год, а позже

этот взнос увеличили до 6 руб. [1, с. 270]. Устав этого общества был написан С. Назаряном, а официально оно было утверждено Министром внутренних дел 28 апреля 1866 г. [2, л. 1]. Собрания членов общества проводились ежегодно. Так, 7 января 1900 г. они утвердили отчёт за 1899 г. и смету расходов на 1900 г., предоставив в распоряжение правления 6000 рублей. Были избраны 24 члена правления, которые уже на следующий день из своей среды выбрали председателем Г.Х. Чалхушьяна, а на должность кассира – Ф.К. Чугаева.

29 мая 1911 г. Благотворительное общество готовилось отметить 50-летие своей успешной деятельности. С этой целью председатель общества Г.Х. Чалхушьян направил городскому голове М.И. Балабанову следующее обращение: «...В настоящее время исполняется 50-летие Нахичеванского-на-Дону Благотворительного общества и 29 мая в Крестовоздвиженском монастыре справляется этот юбилей. Излишне говорить, сколько добра сделало городскому населению это общество за 50 лет своего существования, и полагаю, что долг Думы откликнуться на это торжество и отметить его. Было время, когда это общество было единственным здесь благотворительным учреждением. Посвящая свои средства делу обездоленных, сирых и убогих, наше общество достаточно сделало за эти 50 лет хорошего, полезного, чтобы граждане с благодарностью приветствовали его юбилей» [2, л. 1].

На своём заседании 22 апреля 1911 г. городская Дума, выслушав доклад Г.Х. Чалхушьяна о деятельности общества, единогласно постановила: 1) избрать комиссию в составе городского головы М.И. Балабанова и гласных Думы Г.И. Чубарова, И.Г. Шилтова, Г.Х. Бахчисарайцева и И.М. Тикиджи-Хамбурова для поднесения в день юбилея адреса от имени городского управления; 2) внести в кассу Общества 1000 руб. как членский взнос от имени города Нахичевани-на-Дону [2, л. 2].

Г.Х. Чалхушьян в свою очередь инициировал организацию новых местных благотворительных учреждений: в ростовской классической и в нахичеванской женской гимназиях, в селах Чалтырь и Большие Салы, женского общества попечения в Нахичевани.

Значительное место в системе благотворительных обществ города занимало Нахичеванское-на-Дону женское общество пособия бедным. Его благотворительная деятельность фак-

тически началась с сентября 1903 г. [3]. Активную роль в его создании сыграло не только армянское духовенство в лице известного благотворителя протоиерея о. Хачатура Зарифьяна, но сам Г.Х. Чалхушьян. Последний состоял в числе его пожизненных членов.

Помощь он старался оказывать безвозмездно – об этом говорят сохранившиеся документы в Национальном архиве Армении, в частности это документ за подписью доцента СКГУ Балагурова, который подтверждает в документе 1930 г., что в 1911 г. обращался к присяжному поверенному Г.Х. Чалхушьяну как известному общественному деятелю, прося его взять на себя защиту интересов министерства народного просвещения и предъявить иск к наследникам Тархова, так как по завещанию все доходы с этого имения должны были идти на воспитание детей бедных жителей городов Ростова, Нахичевани, Азова. Григорий Христофорович совершенно бесплатно вел это дело и выиграл. Также Балагуров подтверждает, что он вел общественные дела против захватчиков безвозмездно, много времени уделял школам, председателем родительских комитетов которых он состоял бессменно [4, л. 24].

Вёл Григорий Христофорович и более крупные дела, имевшие общественное значение, например, против душеприказчиков по завещанию Н.Н. Аджемова, против местных тузов Переселенкова, Владоса и др., захвативших имущество попечительства о бедных армянах города Нахичевани, дело Гогоевского училища и др. Он собирал фонды — для армянских школ, которые преследовались правительством, мучной (фонд) в пользу голодающих армян, выкупа закрепощенных курдами армян и др. Стипендиат Нахичеванского армянского благотворительного общества, он вернул обществу все деньги, потраченные на его образование [5, л. 23].

Иногда и ему самому приходилось «защищаться», так как было даже возбуждено дело по обвинению его в клевете и в хищении со стороны душеприказчиков по завещанию покойного благотворителя Н.Н. Аджемова, редактора-издателя «Приазовского края» С.Х. Арутюнова, купца П.Х. Кечеджиева и вдовы И.М. Аджемовой. Городская дума постановила судебным порядком добиться истины, в ходе судебного заседания выяснилось, что Нахичеванская управа более года медлила с подачей этого иска, также душеприказчики дали управе заведомо ложную справку о количестве средств благотворитель-

ного фонда за 1897–1898 гг., не внося в государственный банк ни одной копейки. Все материалы, предоставленные Г.Х. Чалхушьяном и его адвокатом присяжным поверенным Л.Я. Леве, повлияли не только на весь судебный процесс, но и на сторону обвинения, которая больше оправдывалась, чем обвиняла. Г.Х. Чалхушьян был оправдан, резолюция была принята аплодисментами публики [5, л. 34].

В 1882 г., согласно завещанию купца П гильдии Никиты Христофоровича Гогоева, на его средства было создано Гогоевское училище для армянских девиц. Протоколом от 28 сентября 1901 г. Нахичеванской-на-Дону городской Думы Г.Х. Чалхушьян был избран одним из попечителей училища [6, с. 88–89].

Следует отметить, что армянские колонии, в особенности расположенные в России, всегда откликались и с наибольшей активностью принимали участие в событиях, носящих общенациональный характер [7, с. 323]. К сожалению, благотворительная деятельность Г.Х. Чалхушьяна не всегда была связана с победами или достижениями в образовании и воспитании подрастающего поколения, но и порой со спасением жизней ни в чем не повинных людей. В конце XIX – начале XX в. армянский народ подвергся серьезным испытаниям – погромы, гонения и массовые убийства с целью истребления народа и выселения с исторических земель. Конечно, Григорий Христофорович инициировал помощь армянскому населению, пострадавшему от погромов в Баку, происшедших 8–9 февраля 1905 г. Нахичеванская-на-Дону городская Дума констатировала, что события в Баку удивляют своими колоссальными размерами и загадочными причинами, поскольку десятки лет «мусульмане и армяне жили согласно и дружно, как хорошие соседи». На основании доклада Г.Х. Чалхушьяна городская Дума приняла следующее решение:

а) выражая глубокое сожаление по поводу равнодушия местных властей, проявленного в предотвращении откровенных избиений в Баку, принявших большие размеры, стоя почтить память погибших армян и азербайджанцев;

б) телеграммой выразить искреннее соболезнование бакинской городской думе по поводу случившегося политического бедствия и пожелать, чтобы посредством правомочного суда перед обществом были выявлены истинные виновники событий в Баку;

в) из средств городской казны выделить 1000 рублей для оказания равномерной помощи

потерпевшим бакинским армянам и азербайджанцам [7, с. 413].

Несмотря на то, что Нахичевань-на-Дону, находясь далеко от места, где происходили эти события, пыталась всеми силами помочь потерпевшим бакинским армянам. И во всем активное участие принимал Г.Х. Чалхушьян, для которого болезненным было осознавать тяжелое положение армян в Османской империи, в Западной Армении. Национальный вопрос в Османской империи так и оставался не решенным, проявления недовольств приводили к новым погромам и убийствам. В итоге – Османская империя взяла курс на уничтожение армянского народа.

Помощь беженцам и сиротам, которые чаще всего стремились в Россию, на которую возлагали большие надежды, организовывалась комитетом кружечного сбора, председателем которого стал Г.Х. Чалхушьян, почетным председателем – градоначальник генерал Климович, в состав его также вошли архимандрит Геворг, Н.Г. Бахчисарайцев, М.Е. Попова, Г. Чубаров, Ф.С. Генч-Оглуев и Л.А. Парамонова.

Г.Х. Чалхушьян занимался организацией сбора денежных средств, другой материальной помощи, в первую очередь – одежды, обуви, белья. Армянское благотворительное общество, которое не так давно выделяло деньги на учебу Г.Х. Чалхушьяна, теперь же по его просьбе ассигновало значительные средства Армянскому комитету. По всей Донской области велся сбор пожертвований в пользу армян. Вот строки из «Воззвания» (по эмоциональному тону этого публицистического текста можно предположить, что оно принадлежало перу Григория Христофоровича): «Наступили кошмарные дни для армян. Война с Турцией таит в себе, с одной стороны, светлый луч спасения всего населения Турецкой Армении от векового турецкого ига. Все армяне, способные носить оружие, весь цвет армянской молодежи взялись за оружие для борьбы с турецкой тиранией. Как львы, борются они бок о бок с доблестной Кавказской армией, деля с нею горе и радость, побеждая или умирая без ропота» [8, с. 421–424].

В Новочеркаске, Нахичевани и Ростове проводился кружечный сбор для армянских беженцев, пострадавших в Османской Турции. Дабы привлечь общественность к страшным для армянского народа событиям, Григорий Христофорович, будучи председателем Армянского комитета, направляет письма, пишет статьи, од-

но из них – московскому градоначальнику М.В. Челнокову, на которое был получен положительный ответ. «Это письмо – настоящий вопль во спасение. Чалхушьян специально акцентирует внимание своего адресата на том, что это не только помощь армянам, – это поддержание веры в русский народ. И Москва откликнулась, на помощь беженцам пришли 100 тысяч рублей. Получение этих денег – прямая заслуга Чалхушьяна» [8, с. 421–424]. На страницах газеты «Приазовский край» был опубликован призыв Г.Х. Чалхушьяна, который гласил: «...если мы немедленно не примем никаких мер, то к февралю поздно будет думать о мерах: царь-голод охватит и поголовно задушит все армянское население Закавказья, Эриванской и Карской губернии, Баязета, Алашкерта и Хныса. Голод объясняется сокращением рабочих рук, посевные площади сократились на 60 %. Имеющиеся крестьянские запасы были отданы войскам. Самый дешевый сорт муки доходит до 10 руб. за пуд. За два года от голода умерло 60 тыс. чел. Помощь правительства мала и недостаточна. Правительство раньше выдавало 6 руб. на человека, теперь вдвое меньше. 80 % беженцев состоит исключительно из стариков, старух, детей и женщин. Местный армянский комитет взывает к чувству милосердия и сострадания и усиленно просит помочь» [9]. Благотворительная деятельность Г.Х. Чалхушьяна помогла спасти тысячи жизней жителей Турецкой Армении.

Таким образом, Г.Х. Чалхушьян отдавал все силы защите интересов неимущих и обездоленных и в течение двадцати лет бескорыстно служил на благо местного армянского общества. Он стремился разоблачить беззакония, будучи профессиональным адвокатом, к нему не раз обращались за помощью, которую он мог оказать даже безвозмездно. Следует отметить, что особо важное место в его благотворительной деятельности занимал вопрос помощи беженцам и сиротам в годы Первой мировой войны.

Литература

1. Патканян Р. История основания Новой Нахичевани // Собр. соч. Ереван : Айастан, 1968. Т. 5. С. 263–271. (на арм. яз.).
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 1617.
3. Приазовский край. 1904. № 80.
4. Национальный архив Армении (НАА). Ф. 55. Оп. 1. Д. 112.
5. НАА. Ф. 314. Оп. 30. Д. 1.
6. Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской Думы. 1907.
7. Бархударян В. История армянской колонии Новая Нахичевань (1861–1917). Ереван : Айастан, 1985. 528 с.
8. Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Ростов н/Д. : Gefest, 1999. Т. 5. С. 421–424.
9. Приазовский край. 1917. № 11.

References

1. Patkanyan R. (1968). The story of the founding of the New Nakhichevan. *Collected works*. Yerevan, Aistastan Publ., vol. 5, pp. 263-271. (in Armenian).
2. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 91. In. 1. File 1617. (in Russian).
3. *Priazovskii krai*. (1904), No. 80. (in Russian).
4. *National Archive of Armenia (NAA)*. Fund 55. In. 1. File 112. (in Russian).
5. *NAA*. Fund 314. In. 30. File 1. (in Russian).
6. *Vedomosti Nakhichevan-on-Don City Duma*. (1907). (in Russian).
7. Barkhudaryan V. (1985). *History of the Armenian colony of New Nakhichevan (1861-1917)*. Yerevan, Aistastan Publ., 528 p. (in Russian).
8. Sidorov V. S. (1999). *Encyclopedia of the old Rostov and Nakhichevan-on-Don*. Rostov-on-Don, Gefest Publ., vol. 5, pp. 421-424. (in Russian).
9. *Priazovskii krai*. (1917), No. 11. (in Russian).

УДК 94(47).084.9
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-83-86

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КНИГИ И КУЛЬТУРЫ ЧТЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ГОРОДЕ В 1950–1960-е ГОДЫ

© 2021 г. Ф.К. Ярмолич ^а

^а Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

POPULARIZATION OF BOOKS AND READING CULTURE IN SOVIET CITY IN THE 1950s-1960s

F.K. Yarmolich ^а

^а Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

Ярмолич Фёдор Кузьмич –
кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник,
Санкт-Петербургский
институт истории РАН,
ул. Петрозаводская, 7, г. Санкт-Петербург,
197110, Россия.
E-mail: f.k.1985@mail.ru

Fedor K. Yarmolich -
Candidate of History, Associate Professor,
Researcher,
Saint Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences,
Petrozavodskaya St., 7, Saint Petersburg,
197110, Russia.
E-mail: f.k.1985@mail.ru

Читательская аудитория Советского Союза считалась одной из самых массовых в мире, чему способствовала целенаправленная политика советской власти в деле популяризации печатного слова: создание разветвленной библиотечной городской сети; пропаганда через средства массовой информации книжной продукции; объяснение как работать с книгой, журналом; проведение читательских конференций и т.д.

Подобный пример популяризации печатного слова может быть актуален в настоящее время, когда значительная часть населения России все меньше и меньше проводит свой досуг наедине с книгой, когда теряется навык работы человека с текстом научного, научно-популярного или художественного содержания.

Привлечение социологических исследований, периодической печати и архивных документов позволяет не только восстановить механизм популяризации книги в Советском Союзе, но и проследить, как удалось привить человеку культуру чтения широкого спектра литературы от идеологической до научно-популярной.

Ключевые слова: книга, Ленинград, библиотека, культура чтения.

The readership of the Soviet Union was considered to be one of the most massive in the world, which was facilitated by the purposeful policy of the Soviet government in popularizing the printed word: the creation of an extensive library network in the city; propaganda through the mass media of book products; explanation of how to work with book, magazine; holding reader conferences, etc.

This example of the popularization of the printed word among the population in the USSR can be relevant at the present time, when a significant part of the Russian population spends less and less of their leisure time reading books, when the skill of a person's work on the scientific text, popular science or artistic content is lost.

The involvement of sociological research, periodicals and archival documents allows not only to restore the mechanism of popularization of the book in the Soviet Union, but also to trace how it became possible to instill in a person a culture of reading a wide range of literature from ideological to popular science.

Keywords: book, Leningrad, library, reading culture.

В Советском Союзе государство уделяло большое внимание популяризации среди населения печатной продукции, поэтому читательская аудитория в СССР была одной из самых многочисленных в мире. Широкий круг читательских

интересов советского человека, включающий сатирические фельетоны в вечерней газете и серьезную художественную и профессиональную литературу, демонстрирует не только общий уровень грамотности населения, но и сложную

структуру мышления, необходимую для восприятия и понимания искусствоведческих или естественно-научных произведений.

Этого не могла не признать и зарубежная историография. В частности, в сборнике «Будущее советского общества», подготовленном американским Советом по изучению проблем в области международных отношений и состоящем из статей ведущих советологов США 1960-х гг., переведенном в СССР в 1970 г., отмечалось, что «чтение занимает большое место в проведении советскими гражданами досуга и оно, бесспорно, является одним из самых любимых занятий... У посетивших Россию в последнее время (1960-е гг. – Ф.Я.) складывается ... впечатление: советские люди читают во время прогулки, переходя улицу или стоя на эскалаторе; официантка, водитель такси и гардеробщица внимательно читают серьезную литературу в ожидании клиентов» [1, с. 200–201].

Признав это, американские специалисты обратили внимание на причины популярности чтения в СССР. Конечно, отметив вклад государственных учреждений, ученые сделали акцент на том, что печатная продукция позволяет советскому человеку разнообразить скучный досуг и уйти от забот повседневной жизни; обращение к специализированной литературе трактовалось ими как возможность советского человека продвигаться по карьерной лестнице; с точки зрения американских исследователей чтение становилось символом достижения более высокого общественного положения в жизни и фактором идеологического воспитания человека [1, с. 200–201].

Согласиться с рядом утверждений иностранных ученых не представляется возможным. Современная историография демонстрирует, что досуг в СССР был разнообразен [2]. С другим тезисом, что книга становилась символом более высокого общественного положения, согласиться можно лишь частично. Конечно, в СССР существовал дефицит на определенную литературу, например, на ту, которая находилась под цензурным запретом и распространялась среди ограниченного круга лиц, но мировая и отечественная классика, произведения современных советских и зарубежных писателей, которые не противоречили идеологическим нормам, всегда были на библиотечных полках.

Например, систематически на английском языке иностранным отделом Центральной городской библиотеки им. В.В. Маяковского проводились лекции, в частности, о романе английского писателя Джека Линдсея «Весна, которую преда-

ли», делались обзоры на тему: «Новые книги прогрессивных писателей Англии и Америки» и т.д. [3, л. 33].

Более того, проводившееся с 1964 по 1970 г. в Ленинграде социологическое исследование, респондентами которого выступили 1777 человек, позволяет оценить размеры домашних библиотек ленинградцев. Из 100 % опрошенных только 11,06 % не имели домашних библиотек; 14,44 % на своих книжных полках насчитали до 10 книг; 29,70 % располагали 50 книгами; у 21,27 % домашняя библиотека состояла из 100 книг; у 14,27 % дома находилось до 500 книг; 5,25 % в личной библиотеке хранили более 500 книг; а у 4,01 % домашняя книжная коллекция насчитывала более 1000 книг [4, л. 116].

Структура домашних библиотек в исследовании не приводилась, но можно предположить, что она отражала прежде всего читательские предпочтения человека.

Следует полностью согласиться с мнением зарубежных исследователей о популяризации советским государством среди населения идеологической литературы, что подтверждается в работах как советских, так и современных российских ученых. При этом необходимо отметить, что значительное внимание властью уделялось и распространению среди населения художественной, естественно-научной, исторической, философской, атеистической и другой печатной продукции [5].

Особое отношение жителей СССР к книге нашло отражение не только в периодической печати, социологических исследованиях и бюрократических документах, но и в мемуарной литературе. В своих воспоминаниях А. А. Баранович-Поливанова интерес, который возник к печатному слову у советского человека, описывает следующим образом: «С середины 60-х ... что-то совсем непонятное, прямо-таки мистическое, стало происходить с книгами. Вдруг повально все стали книголюбями. Не читателями, а именно книголюбями, а иногда сериолюбями... Наша приятельница, работавшая в ленинградском Доме книги, снабжала своих друзей невиданными деликатесами, которые ей отпускались в мясных и кондитерских отделах из-под прилавка, а продавщицы в свою очередь засыпали ее мольбами: «Книги, книги... любые!»» [6, с. 170].

Располагая финансовыми, кадровыми, материально-техническими ресурсами, власти Ленинграда в 1950–1960-х гг. могли использовать имеющийся инструментарий, который включал в себя книжно-журнальные библиотечные выстав-

ки; рекламу и обзоры в периодической печати новых книг; организацию на базе библиотек клубов «друзей книги»; проведение читательских конференций, лекций, бесед, литературных вечеров и утренников, общественных обсуждений книг, встреч с писателями и учеными, индивидуальные беседы с читателями; организовывались передвижные библиотеки [7].

К пропаганде печатной продукции привлекались не только культурно-просветительные учреждения: парки, дома культуры, кинотеатры и т.д., но и ленинградский книготорг, который наряду с техническими вопросами (организацией логистики книжной продукции) организовывал массовые мероприятия по распространению книги (книжные базары, месячники книг, вечера книг), проводил пропаганду книжной продукции через местные газеты, многотиражки, радио и кино; выпускал каталоги, листовки, плакаты и другие виды печатного информационного материала; изучал спрос населения на книги и принимал, насколько это было возможно, меры к его удовлетворению [8, л. 2].

Значительное число привлеченных организаций позволило создать условия, что называется шаговой доступности печатного слова. Например, книжные выставки организовывались как в стенах библиотеки, так и в красных уголках заводов, в цехах, лабораториях, отделах, заводских домах техники и т.д. [9, л. 26].

Книга, журнал, газета приближались и к дому человека. Это стало возможно благодаря проектированию городского пространства на рубеже 1950 – 1960-х гг. исходя из идеи микрорайона, структурно-композиционной основой которого являлся общественный центр, а библиотека выступала его неотъемлемой частью. Она располагалась буквально в нескольких метрах от жилища ленинградца и рассматривалась как учреждение повседневного пользования [10].

Однако, несмотря на все усилия власти, востребованность того или иного направления печатной продукции зависела от запроса населения, на который влияло много факторов. Например, интерес к идеологической литературе сильно зависел от политического климата в стране. После XX съезда КПСС процент выдачи общественно-политической литературы по сравнению с 1955 г. значительно снизился. Эту тенденцию отмечали сотрудники библиотек фабрики «Скорород», завода им. Жданова, завода им. Ленина [11, л. 19].

Формированию навыка и культуры чтения отводилось такое же важное значение, как и попу-

ляризации книги. Со страниц периодической печати обращалось внимание, что определенная часть читателей проводит много времени за книгами из разных областей знаний, но чтение «у них достаточно поверхностное». Именно для такой категории с 1954 г. начали проводиться тематические доклады, которые объясняли, как надо работать с печатным словом. В дальнейшем это переросло в молодежные литературные субботники [12, с. 20].

Для осознания читателем, что такое книга, как к ней следует относиться, чтобы раскрыть её смысл, необходимо было объяснить процесс создания, структуру и другие технические моменты, для этого организовывались встречи ленинградцев с писателями. Например, встреча ленинградцев с А.Е. Александровой, которая рассказала, как она стала писательницей, как создает книги, как работает над образами действующих лиц, какую роль играют книги в воспитании молодого поколения. После подробного рассказа со стороны слушателей последовали вопросы. Всего встречу с писателем посетило 250 человек [13, л. 24].

Передать многолетний опыт работы с печатным словом могли не только профессиональные писатели, но и любители. К одному из примеров относилась история инженера с 25-летним стажем работы на Ижорском заводе И.В. Яшина, который организовал семинар по изучению технической литературы для молодых специалистов.

Начиная семинары, И.В. Яшин провел своеобразное социологическое исследование и предложил пришедшим на занятие ответить на вопрос, читают ли они техническую литературу? Оказалось, что среди опрошенных очень незначительная часть довольно редко обращалась к данной литературе. Занятия проводились после работы два раза в месяц. Правда, с течением времени рабочие стали приходить в обеденный перерыв. По мере роста образовательного уровня участников семинара занятия проводились реже [14, л. 3, 21].

Советский опыт популяризации книги и культуры чтения 1950–1960-х гг. продемонстрировал, что общественный запрос на интеллектуальный досуг можно и нужно формировать. В рамках его государство решало не только политические и идеологические задачи, но и не игнорировало запрос человека на интересующую его литературу (художественную, научно-популярную). Следует также отметить, что в стремлении сделать чтение неотъемлемой частью повседневной жизни ленинградца власти не ограничивались только

пропагандой книги, а создали систему, которая популярными методами объясняла значение печати в жизни человека.

Литература

1. Холландер П. Досуг: единство развлечений и цели // Будущее советского общества / под ред. А. Кассофа. М.: Прогресс, 1970. Вып. 2. 283 с.
2. Культура свободного времени: историко-справочное пособие / под ред. Л.Н. Дороговой. М.: Ин-т военной истории, 1997. 104 с.
3. Докладная записка директора Центральной городской библиотеки имени В.В. Маяковского 6 марта 1954 г. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 105. Оп. 1. Д. 199.
4. Отчет о научно-исследовательской работе. Место печати и других средств массовой пропаганды в условиях современной научно-технической революции. Т. IV. 1970 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 8912. Оп. 1. Д. 167.
5. Беляков С.А. Роль и место клубных учреждений в системе культурно-просветительной работы СССР. М.: Московский государственный ин-т культуры, 1972. 222 с.
6. Баранович-Поливанова А.А. Оглядываясь назад. Томск: Водолей, 2001. 192 с.
7. Овштейн Н. Клуб друзей книги // Клуб. 1960. №9. С. 17.
8. Положение «О ленинградской городской и областной конторе книжной торговли “Ленкниготорг”» Управления культуры исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся [1954 г.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 117.
9. Совещание работников технических библиотек 11 апреля 1957 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. р-6276. Оп. 273. Д. 261.
10. Жилой район и микрорайон / отв. ред. А.В. Шквариков. М.: Изд-во литературы по строительству, 1971. 192 с.
11. Заседание библиотечной секции конференции работников профсоюзных клубов, домов и дворцов культуры г. Ленинграда и Ленинградской области 19 декабря 1956 г. // ЦГА СПб. Ф. р-6276. Оп. 273. Д. 76.
12. Литературные субботники // Клуб. 1954. № 1.
13. Докладная записка о проведенной работе за 1959 г. библиотекой завкома 191 з-да Ленстройкерамика // ЦГА СПб. Ф. р-6276. Оп. 273. Д. 615.
14. Совещание работников научно-технических библиотек Ленинграда, созванное совместно Ленинградским облпрофсоветом, Домом научно-технической пропаганды и методбазой ГНБ 21 июня 1956 г. // ЦГА СПб. Ф. р-6276. Оп. 273. Д. 53.

References

1. Hollander P. (1970). Leisure: unity of entertainment and goals. *The future of Soviet society*. A. Kassof (Ed.). Moscow, Progress Publ., iss. 2, 283 p. (in Russian).
2. *Culture of free time*. (1997). Historical and reference manual. L. N. Dorogova. (Ed.). Moscow, Institute of Military History Press, 104 p. (in Russian).
3. Report note Director of the V. V. Mayakovsky Central City Library on March 6, 1954. *Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (CSALA SPb)*. Fund 105. In. 1. File 199. (in Russian).
4. Report on research work. The place of the press and other mass propaganda media in the conditions of the modern scientific and technological revolution. Vol. IV. 1970. *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg*. Fund 8912. In. 1. File 167. (in Russian).
5. Belyakov S. A. (1972). *The role and place of club institutions in the system of cultural and educational work of the USSR*. Moscow, Moscow State Institute of Culture Press, 222 p. (in Russian).
6. Baranovich-Polivanova A. A. (2001). *Looking back*. Tomsk, Vodolei Publ., 192 p. (in Russian).
7. Ovshtein N. (1960). Club of friends of the book. *Club*, No. 9, 17 p. (in Russian).
8. The regulation “On the Leningrad city and regional office book trade “Linkdigital”” Department of Culture of Executive Committee of the Leningrad city Council of people's deputies [1954]. *CSALA SPb*. Fund 105. In. 1. File 117. (in Russian).
9. A meeting of workers of technical libraries April 11, 1957. *The Central State Archive of St. Petersburg (CSA SPb)*. Fund R-6276. In. 273. File 261. (in Russian).
10. *The residential district and the residential district*. (1971). A.V. Shkvarikov (Ed.). Moscow, Publishing House of Literature on Construction, 192 p. (in Russian).
11. Meeting of the library section of the conference of workers of trade union clubs, houses and palaces of culture of Leningrad and the Leningrad region on December 19, 1956. *CSA SPb*. Fund R-6276. In. 273. File 76. (in Russian).
12. Literary subbotniks. (1954). *Club*, No. 1. (in Russian).
13. Report note on the work carried out for 1959 by the library of the head committee 191 of the Lenstroykeramika plant. *CSA SPb*. Fund R-6276. In. 273. File 615. (in Russian).
14. Meeting employees of the research libraries of Leningrad, convened jointly by the Leningrad regional trade Union Council, the House of Scientific-technical propaganda and Metadata GNB June 21, 1956. *CSA SPb*. Fund R-6276. In. 273. File 53. (in Russian).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCES

УДК 330.8

doi 10.18522/2687-0770-2021-2-87-93

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ШКОЛ

© 2021 г. В.И. Адылгареев ^а

^а Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

PROBLEMS OF FORMATION AND DISTRIBUTION OF INCOME OF THE POPULATION IN THE FOREIGN SCIENTIFIC SCHOOLS CONCEPTS

V.I. Adylgareev ^а

^а Bashkir State University, Ufa, Russia

Адылгареев Вадим Ильдусович –
аспирант, кафедра общей экономической теории,
Башкирский государственный университет,
ул. Заки Валиди, 32, г. Уфа, Республика
Башкортостан, 450076, Россия.
E-mail: adylgareevvi@mail.ru

Vadim I. Adylgareev -
Postgraduate, Department of General Economic Theory,
Bashkir State University,
Zaki Validi Str., 32, Ufa, Republic of Bashkortostan,
450076, Russia.
E-mail: adylgareevvi@mail.ru

Проанализированы концепции формирования и распределения доходов населения в исторической ретроспективе зарубежных экономическими школами. Выявлены предпосылки возникновения таких экономических школ, как меркантилизм, физиократы, классическая политическая экономия, экономический романтизм, марксизм, маржинализм, кейнсианство, институционализм, монетаризм. Исследованы положения экономических школ на предмет их актуальности применения в настоящее время. Предложено дополнить концепции указанных экономических школ условиями их использования (временными, территориальными и адресными). Обосновывается, что создать универсальную теорию доходов невозможно ввиду наличия многочисленных противоречий, обусловленных государственным строем страны, географическими особенностями, историческим развитием, общепринятыми традициями, сущностью самих людей.

Ключевые слова: доход, распределение, факторы производства, труд, капитал, прибыль, заработная плата.

The article analyzes the concepts of the formation and distribution of incomes of the population in the historical retrospective by foreign economic schools. The prerequisites for the emergence of such economic schools as mercantilism, physiocrats, classical political economy, economic romanticism, Marxism, marginalism, Keynesianism, institutionalism, monetarism are revealed. The article also examines the provisions of economic schools for their relevance at the present time. It is proposed to supplement the concepts of these economic schools with the conditions of their use (temporary, territorial and targeted). The author substantiates that it is impossible to create a universal theory of income due to the presence of numerous contradictions due to the state system of the country, geographical features, historical development, generally accepted traditions, the essence of the people themselves.

Keywords: income, distribution, factors of production, labor, capital, profit, wages.

Формирование и распределение доходов населения – это одна из важнейших проблем как для отдельного человека, так и для мирового сообщества. Доходы определяют степень

удовлетворенности потребностей индивида. Неравномерная их дифференциация может привести к значительному классовому расслоению общества, увеличению количества бед-

ного населения, возникновению очагов конфликта и т.д. В различные периоды исторического развития общества ученые-экономисты пытались ответить на вопросы, как образуются и как должны эффективно и грамотно распределяться доходы между классами. В настоящее время интерес к данной проблеме не утратил свой значимости. В связи с этим анализ основных концепций экономических школ, посвященных доходам населения, в настоящее время крайне актуален.

Одна из первых экономических школ – меркантилизм – возникла под влиянием притока драгоценных металлов из Америки. Представители данного течения (В. Стаффорд, Т. Ман, Д. Юм, Ж.Б. Кольбер и др.) исключили рассмотрение производственной сферы и сделали акцент на необходимости сохранения благородных металлов в стране посредством торговли и государственных мер. Согласно Ману, «обычным средством для увеличения нашего богатства и денег является внешняя торговля» [1]. Меркантилисты обозначили следующие источники образования доходов: внешняя торговля, колонии, война. Одним из способов увеличения доходов государства они считали снижение заработной платы работников и создание избытка предложения на рынке труда.

Ухудшающееся экономическое положение Франции в XVIII в. способствовало пересмотру взглядов на источники доходов и появлению школы физиократов. Для ее представителей (А. Тюрго, Ф. Кенэ, В. Мирабо и др.) истинным источником дохода считалось земледелие, которое могло создать доход, значительно превосходящий первичные расходы. По их мнению, именно в результате трудовой деятельности земледельца образуется богатство за счет превышения доходов над расходами в отличие от рабочего, который получает заработную плату в зависимости от соглашения с работодателем.

С развитием мануфактурного производства появляются новые источники доходов, формируется промышленный капитал и происходит переоценка взглядов. Акцент ставится на сферу материального производства и возникает новое научное направление – классическая политическая экономия. Ее представители: В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Дж. Милль, Ж.-Б. Сэй и др.

Смит определил следующие источники дохода (факторы производства): земля, капитал

и труд. Соответствующие им доходы – земельная рента, прибыль капиталиста и заработная плата рабочего.

Доход рабочего зависит, по мнению Смита, от территориальных и временных рамок, общей экономической ситуации в стране. В случае роста национального богатства происходит и увеличение доходов. «Щедрая оплата труда является поэтому как неизбежным следствием, так и естественным симптомом роста национального богатства» [2, с. 69]. Кроме того, невысокие организованность и сплоченность класса рабочих, неспособные противостоять излишней скупости капиталистов, также определяют низкий уровень заработной платы. Приумножение же дохода возможно только при наличии дополнительных средств, обеспечивающих существование индивида в течение нескольких месяцев. В связи с этим наиболее выгодным есть капитал, инвестируемый в земледелие как добавляющий «большую стоимость к годовому продукту земли и труда страны, действительному богатству и доходу ее жителей» [2, с. 268].

Петти определил факторы, которые участвуют в производстве продукции и создают богатство. Основными являются земля и труд, неосновными – средства труда и квалификация работника. Неравномерность распределения дохода связана с недоработкой налоговых платежей, соответственно, «одни переобложены вследствие пагубного обычая, а другие должны терпеть жестокою нужду и кричащую нерегулярность жизни» [3, с. 86].

Рикардо классифицировал доходы на заработную плату, земельную ренту и прибыль, присущие трем классам: рабочим, землевладельцам и капиталистам. При этом труд есть источник «всякой ценности, а его относительное количество мерил, которое почти исключительно определяет меновую ценность товаров» [4, с. 26]. Возникновение земельной ренты связано с ограниченностью земельных участков и разнородностью их качества. Следовательно, увеличение ценности продуктов обусловлено приложением дополнительных усилий для возделывания худших участков.

Сэй подчеркнул, что именно соединение трех факторов производства способствует осуществлению производственной деятельности. Доход распределяется согласно доли обладания фактором производства, причем экономические отношения основаны на гармо-

нии. Таким образом, прибыль предпринимателя – это «вознаграждение за его промышленные способности, за его таланты, деятельность, дух порядка и руководство» [5].

Представители классической политэкономии отмечали, что между предпринимателем и рабочим существует определенная зависимость: с ростом заработной платы уменьшается прибыль и наоборот. При увеличении численности населения будет наблюдаться снижение заработной платы. Соответственно, для увеличения доходов рабочих и недопущения нищеты необходимо ограничить рождаемость.

Негативные черты раннего капитализма (низкий доход рабочих, разорение ремесленников в результате конкуренции с производством, суровые условия труда и т.д.) способствовали становлению новых концепций в школе экономического романтизма. Ее создатели (П.Ж. Прудон, Ж.С. Сисмонди и др.) утверждали, что рабочий в результате несправедливого распределения доходов получает лишь определенную часть. Справедливая дифференциация доходов возможна при реформировании существующего политического и социально-экономического строя.

Сисмонди считал ошибочным подразделение дохода на три вида (ренту, прибыль и заработную плату) в соответствии с факторами производства: землей, капиталом и трудом. Данные виды дохода являются лишь формами применения продуктов человеческой трудовой деятельности. Капиталисты и землевладельцы предоставляют средства производства и получают за это часть результатов труда рабочего. Оставшаяся часть у рабочего есть его заработная плата, или доход. «Заработная плата есть та цена, за которую имущий приобретает труд неимущего» [6, с. 186].

Прудон отметил непроизводительность любого отдельного фактора производства: земли, капитала, труда. «Производство является результатом этих трех одинаково необходимых элементов, которые, взятые порознь, одинаково бесплодны» [7, с. 118].

Существующий уровень дохода рабочего направлен только на погашение счетов и не позволяет сберечь часть средств. Капиталист или землевладелец ничего не производит и требует оплаты, считается «либо паразитом, либо мошенником» [7, с. 120].

Арендную плату, по мнению Прудона, нельзя интерпретировать как «излишек про-

дукта более плодородной земли над продуктом земель низшего качества» [7, с. 115]. Корректнее объяснить ренту через стремление к равенству.

Предпосылкой возникновения следующей экономической школы – марксизма стали многочисленные забастовки населения, вызванные снижением заработной платы, увеличением продолжительности рабочего дня, ростом безработицы и т.д. Марксисты определили сферу производства как первостепенную.

К. Маркс в качестве основного источника образования доходов выделил труд. При этом уточнил, что рабочий продает капиталисту рабочую силу, а не сам труд. «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми располагает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» [8, с. 174]. Капитал, согласно Марксу, бывает двух видов: переменный, создающий прибавочную стоимость и свой эквивалент, и постоянный, который преобразуется в средства производства. Капиталистами присваивается прибавочная стоимость, величина которой определяется продолжительностью рабочего дня и которая преобразуется в формы ренты, прибыли, процентов.

Во второй половине XIX в. завершение промышленного переворота способствовало развитию капитализма и установлению свободной рыночной конкуренции. Произошло усиление процессов разделения труда, появление новых товаров и услуг. В связи с этим ученые все больше внимания стали уделять вопросам ценообразования, экономического поведения субъектов рыночных отношений, что и привело к возникновению нового течения – маржинализма.

Маржиналисты первого этапа (Л. Вальрас, К. Менгер и др.) рассматривали сферу потребления и использовали для описания экономических явлений графики и уравнения, отображающие условия максимальных (предельных) величин: цены, полезности, дохода, издержек производства и т.д.

Согласно Менгеру, не во всех областях цена труда определяется минимумом средств. «На самом же деле и цена конкретного труда регулируется ... подобно цене всех других благ, сообразно с его ценностью. А эта по-

следняя определяется ... величиной значения удовлетворения потребности, которое не последует, если в нашем распоряжении не окажется данный труд» [9, с. 184].

Труд есть экономическое благо, как земля и капитал. Доходы землевладельцев и капиталистов формируются «за счет пользования землей и капиталом, которое для индивида и общества имеет ценность так же точно, как и труд» [9, с. 180].

Для *маржиналистов второго этапа*, или неоклассиков (Дж. Кларк, А. Маршалл, А. Пигу и др.), предметом исследования была экономика в целом, т.е. сферы производства и потребления, а в качестве основополагающего принципа – равновесие.

Кларк считал, что каждому фактору производства соответствует определенная часть богатства. «Каждому поэтому должна быть вменена специфическая доля производственной выручки: капиталу – процент, капитальным благам – рента, предпринимателю – прибыль, труду – заработная плата» [10, с. 25].

Уровень дохода рабочего примерно равен продукту его труда, так как невозможно присвоение им всего продукта целиком, не учитывая интересы других участников, например, предоставляющих средства производства.

Маршалл определил землю, капитал и труд как составляющие единицы национального дивиденда (дохода). Использование факторов производства осуществляется на условиях отношения спроса и предложения. Стоимости факторов равновесны благодаря перебросу капитала в наиболее выгодную область из менее выгодной. «Именно в этом заключается суть утверждения, что нам следует выявлять предельные виды использования и предельную производительность каждого фактора» [11, с. 503].

Согласно Пигу, труд есть основной источник дохода для неимущих и следует его определять «не как затрату мускульной и нервной энергии, а как ощущение тягостности, которая будто бы и компенсируется соответствующей заработной платой» [12, с. 27].

Мировой кризис 20–30-х гг. XX в. выявил определенные расхождения между теоретическими воззрениями ученых и фактической экономической ситуацией. На почве данных противоречий возникло новое направление – кейнсианство, выступающее за политику государственного регулирования, в том числе и в вопросах формирования и разделения доходов.

Согласно Дж. Кейнсу, при увеличении объема занятости повышается и сам доход. Доходы возрастают быстрее, чем потребление, так как с ростом последнего усиливается склонность людей к накоплению.

Для обеспечения максимально возможной занятости населения и экономического роста необходимо активное государственное участие, при этом недопустимо сокращение заработной платы для снижения безработицы. «Обычно при существующей денежной зарплате имеется больше желающих получить работу, чем занято в данный момент» [13].

Еще одним течением, не признававшим совершенство капиталистической системы, стал институционализм. Его представители (Дж. Коммонс, Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, У. Митчелл и др.) призывали рассматривать не только процессы формирования доходов, но и возникающие при этом экономические отношения. По мнению институционалистов, государство должно более активно принимать участие в жизни общества посредством расширения социальных программ, контроля здравоохранения, образования и т.д.

С точки зрения Гэлбрейта, труд как источник удовлетворения потребностей занимает основное место в жизни человека. Труд может приносить удовольствие, а может быть тягостным действием. Все же «труд мыслится необходимым для бедных, а избавление от труда богатых – достойным похвалы» [14, с. 36]. При общем росте цен увеличение оплаты труда направлено на компенсацию цен и лишь в малой степени на увеличение реального дохода.

Беккер считал, что доход человека определяется количеством вложенных средств в человеческий капитал, «который в свою очередь определяется рациональным взвешиванием связанных с этим выгод и издержек» [15, с. 141].

Во второй половине XX в. ряд экономических проблем (инфляция, стагфляция, рост цен, безработица и т.д.) не могли быть решены в рамках существующих концепций. В связи с этим получила развитие теория монетаризма М. Фридмана.

Он подчеркнул сложность равномерной дифференциации доходов, которая должна учитывать именно различные виды профессий. Это «уравновешивающие различия», необходимые для уравнивания суммарных «чистых преимуществ» денежного или неденежного порядка» [16, с. 188]. В их числе присущая капиталисти-

ческому хозяйству справедливая оплата труда согласно созданному продукту.

Государственное регулирование в части введения прогрессивного подоходного налога и налога на наследство, согласно Фридману, показало свою неприемлемость. Неравенство, как правило, обусловлено несовершенством рыночной системы. «Распределение дохода —

это еще одна область, в которой государство посредством одного комплекса мероприятий нанесло больше ущерба, чем оно было в состоянии исправить с помощью других мероприятий» [16, с. 204].

Итак, основные положения вышеуказанных теорий, связанных с вопросами исследования доходов можно свести в таблицу.

Основные положения концепций экономических школ по вопросам образования и распределения доходов / The main provisions of the concepts of economic schools in education and income distribution

№ п/п	Наименование школы	Предпосылки возникновения	Основные положения
1	Меркантилизм	Приток драгоценных металлов из Америки	Основной источник дохода – внешняя торговля. Акцент на увеличении дохода государства
2	Физиократы	Тяжелая экономическая ситуация во Франции	Основной источник дохода – земледелие
3	Классическая политическая экономия	Развитие мануфактурного производства	Трехфакторная система образования дохода (труд – заработная плата, земля – рента, капитал – прибыль)
4	Экономический романтизм	Проявившиеся негативные черты капитализма (безработица, тяжелые условия труда и т.д.)	Прибыль, рента, заработная плата – лишь формы применения продуктов деятельности. Неравномерную дифференциацию дохода возможно устранить путем реформ
5	Марксизм	Забастовки населения, вызванные снижением доходов, увеличением продолжительности рабочего дня и т.д.	Основной источник дохода – труд. Присвоение капиталистами прибавочного продукта
6	Маржинализм	Развитие капитализма и установление свободной рыночной конкуренции	Объяснение экономических процессов с позиции предельных величин
7	Кейнсианство	Мировой кризис 20–30-х годов XX в.	Необходимо государственное регулирование процессов образования и распределения доходов
8	Институционализм		Необходимо увеличение социальной роли государства
9	Монетаризм	Экономические проблемы (инфляция, stagflation, рост цен, безработица и т.д.)	Существующая оплата труда приемлема по произведенному продукту. Необходимо контролировать денежную массу

Таким образом, анализ приведенных концепций в области формирования и распреде-

ления доходов позволяет сделать следующие выводы:

1) экономические теории и положения формировались под влиянием внешних обстоятельств и имели временный характер;

2) возникновение новых кризисных ситуаций указывало на несостоятельность существующих концепций в исследуемой области;

3) экономические школы возникали, как правило, в пределах одного государства, т.е. не являлись продуктом деятельности общества в мировом масштабе.

В связи с этим, на наш взгляд, вышеуказанные теории необходимо дополнить условиями их использования: временными, территориальными и адресными (т.е. направленностью на решение конкретных задач). Определим такие условия, например, для марксизма. Как учение он возник в XIX в. под воздействием череды революций и забастовок в странах Западной Европы. Восстания лионских ткачей во Франции, силезских ткачей в Германии, чартистское движение в Англии были направлены на борьбу с негативными сторонами капитализма того времени: ростом безработицы, появлением новых налогов, снижением заработной платы, тяжелыми условиями труда и т.д. Таким образом, дополнительные условия для марксизма следующие:

1) временные – XIX в.;

2) территориальные – страны Западной Европы;

3) адресные – улучшение положения рабочего класса.

Очевидно, применив положения марксизма в исходной редакции в современном информационном мире, невозможно достичь необходимого результата, так как следует учесть множество изменений, произошедших как в отдельной стране, так и в мировой экономике в целом.

Таким образом, попытки создать универсальную теорию, обеспечивающую наиболее эффективный и рациональный способ ведения хозяйственной деятельности, формирования и распределения доходов, с нашей точки зрения, безуспешны. Обоснованием данной позиции служат многочисленные противоречия и различия, обусловленные государственным строем, географическими особенностями, историческим развитием, общепринятыми традициями, сущностью самих людей и т.д. В связи с этим любую экономическую теорию нельзя использовать в чистом виде, но при этом могут быть выделены общие для всех учений аспекты:

1) государственное регулирование социальной и ведущих отраслей национального хозяйства с целью сохранения в бюджете наибольшей части капитала и обеспечения наименее защищенных слоев населения;

2) наличие действующей эффективной правовой системы для выявления и устранения нелегальных доходов;

3) прогрессивное налогообложение как эффективная мера перераспределения доходов;

4) инвестиции в человеческий капитал, в том числе и в бедные слои населения, с целью формирования научного потенциала страны (гранты, дотации, организованная система выявления талантливых детей и т.д.).

Литература

1. Ман Т. Богатство Англии во внешней торговле или баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства // Научная цифровая библиотека «Порталус». URL: https://portalus.ru/modules/economics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1102593892&archive=1254315027&start_from=&ucat=& (дата обращения: 14.04.2021).

2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1962. 677 с.

3. Петти В. Экономические и статистические работы / предисл. и пер. Д. Розенберга. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. 324 с.

4. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Киев: Мультимедийное изд-во Стрельбицкого, 2015. 268 с.

5. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии // Библиотека им. Л. Канищенка. URL: <http://library.tne.u.edu.ua/files/EVD/HTML/sey/say.htm> (дата обращения: 21.02.2021).

6. Сисмонди Ж.С. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. I-II. Т. I / пер. под ред. А. Ф. Кона. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 387 с.

7. Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время / подгот. текста и коммент. В. В. Сапова. М.: Республика, 1998. 367 с.

8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. I: Процесс производства капитала / пер. И.И. Степанова-Скворцова. М.: Госполитиздат, 1952. 794 с.

9. Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 496 с.

10. *Кларк Дж.* Распределение богатства / пер. Д. Страшунского и А. Бесчинского; предисл. В. Серебрякова. М.; Л.: Соцэкгиз, Ленингр. отд-ние, 1934. 298 с.

11. *Маршалл А.* Основы экономической науки / предисл. Дж. М. Кейнс; пер. с англ. В.И. Бомкина, В.Т. Рысына, Р.И. Столпера. М.: Эксмо, 2007. 832 с.

12. *Пигу А.* Экономическая теория благосостояния: пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. Т. I. 512 с.

13. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег // Электронная библиотека «Гумер». URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/keins/index.php (дата обращения: 14.04.2021).

14. *Гэлбрейт Дж.* Экономика невинного обмана: правда нашего времени. М.: Европа, 2009. 88 с.

15. *Беккер Г.* Человеческое поведение: экономический подход: пер. с англ. / сост., науч. ред. пер., авт. послесл. Р. И. Капелюшников. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 670 с.

16. *Фридман М.* Капитализм и свобода: пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2006. 240 с.

References

1. Man T. The wealth of England in foreign trade or the balance of our foreign trade as a regulator of our wealth. *Scientific Digital Library "Portalus"*. Available at: http://portalus.ru/modules/economics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1102593892&archive=1254315027&start_from=&ucat=& (accessed April 14, 2021). (in Russian).

2. Smith A. (1962). *Research on the nature and causes of the wealth of peoples*. Moscow, Publishing House of Socio-Economic Literature, 677 p. (in Russian).

3. Petty V. (1940). *Economic and statistical works*. Pref. and translated under the editorship of D. Rosenberg. Moscow, State Social and Economic Publ., 324 p. (in Russian).

4. Ricardo D. (2015). *The Beginnings of Political Economy and tax taxation*. Kiev, Multimedia Publishing House of Strelbitsky, 268 p. (in Russian).

5. Sey J.-B. Treatise on political economy. *L. Kanischenko Library*. Available at: <http://library.tneu.edu.ua/files/EVD/HTML/sej/say.htm> (accessed February 21, 2021). (in Russian).

6. Sismondi J. S. (1937). *New beginnings of Political economy or About wealth in its relation to population. I-II*. Vol. I. A. F. Cohn (Ed.). Moscow, State Social and Economic Publ., 387 p. (in Russian).

7. Proudhon P. J. (1998). *What is property? or A Study on the principle of law and power; Poverty as an economic principle; Pornocracy, or Women in the present time*. Pr. text and comm. by V. V. Sapov. Moscow, Respublika Publ., 367 p. (in Russian).

8. Marx K. G. (1952). *Capital. Critique of Political Economy*. Volume one, book I: The process of capital production; Tr. by I. I. Stepanov-Skvortsov. Moscow, Gospolitizdat Publ., 794 p. (in Russian).

9. Menger K. (2005). *Selected works*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 496 p. (in Russian).

10. Clark J. (1934). *Distribution of wealth*. Trans. by D. Strashunskii and A. Beschinskii; Pref.: V. Serebryakov. Moscow; Leningrad, Sotsekgiz, Leningrad Branch, 298 p. (in Russian).

11. Marshall A. (2007). *Fundamentals of economic science*. Pref. by J. M. Keynes; transl. from English by V.I. Bomkin, V. T. Rysin, R. I. Stolper. Moscow, Eksmo Publ., 832 p. (in Russian).

12. Pigou A. (1985). *Economic theory of welfare*. Tr. from Engl. Moscow, Progress Publ., vol. I, 512 p. (in Russian).

13. Keynes D. General theory of employment, interest and money. *Electronic library "Gumer"*. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/keins/index.php (accessed April 14, 2021). (in Russian).

14. Galbraith J. (2009). *The Economy of innocent deception: the Truth of our time*. Moscow, Evropa Publ., 88 p. (in Russian).

15. Becker G. (2003). *Human behavior: an economic approach*. Tr. from Engl. Comp., scientific ed. tr., auth. pastw. by R. I. Kapelyushnikov. Moscow, Higher School of Economics Press, 670 p. (in Russian).

16. Friedman M. (2006). *Capitalism and Freedom*. Tr. from Engl. Moscow, New Publishing House, 240 p. (in Russian).

УДК 332
doi 10.18522/2687-0770-2021-2-94-99

СТРУКТУРНО-ДИНАМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ТРУДОВОЙ СФЕР Г. РОСТОВА-НА-ДОНУ: СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2021 г. Г.А. Бондаренко ^а, И.А. Полякова ^а

^а Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

STRUCTURAL AND DYNAMIC CHANGES IN THE ECONOMIC AND LABOR SPHERES OF ROSTOV-ON-DON: STATISTICAL ANALYSIS

G.A. Bondarenko ^а, I.A. Polyakova ^а

^а Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Бондаренко Галина Алексеевна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра статистики, эконометрики
и оценки рисков,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.

Galina A. Bondarenko -
Candidate of Economics,
Associate Professor,
Department of Statistics, Econometrics
and Risk Assessment,
Rostov State University of Economics,
Bolshaya Sadovaya Str., 69, Rostov-on-Don,
344002, Russia.

Полякова Ирина Абрамовна –
доктор экономических наук, профессор,
кафедра статистики, эконометрики
и оценки рисков,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: uef2@rsue.ru

Irina A. Polyakova -
Doctor of Economics,
Professor,
Department of Statistics, Econometrics
and Risk Assessment,
Rostov State University of Economics,
Bolshaya Sadovaya Str., 69, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: uef2@rsue.ru

Сравниваются структурно-динамические изменения таких показателей, как среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) и оборот организаций с численностью работников более 15 человек в разрезе видов экономической деятельности, что показало наличие структурного дисбаланса между экономической и трудовой сферой города и выявило наиболее сбалансированные сферы с учетом реалий пандемии коронавируса. Анализируется структура вакансий и резюме по профессиональным сферам по состоянию на конец 2020 г. по городу, что определило наличие низкого уровня различия структур вакансий и резюме по наиболее востребованным профессиональным сферам.

Ключевые слова: индекс, структура, динамика, анализ, показатель.

The scientific article provides a comparative analysis of the structural and dynamic changes in the indicators: the average number of employees of organizations (without small businesses) and turnover of organizations with more than 15 employees in the context of economic activities, which showed both the presence of a structural imbalance between the economic and labor spheres of the city, and revealed the most balanced areas, taking into account the realities of the coronavirus pandemic. A comparative analysis of the structure of vacancies and resumes in professional areas as of the end of 2020 for the city was made, which showed that there is a low level of difference in the structures of vacancies and resumes in the most popular professional areas of the city.

Keywords: index, structure, dynamics, analysis, indicator.

К числу наиболее значимых направлений государственной политики России на нынешнем этапе общественного развития относится повышение качества жизни населения. Актуальность решения данной проблема приобрела в период пандемии коронавируса, что в первую очередь повлияло на условия воспроизводства и состояние качественных компонентов человеческого и, следовательно, трудового капитала. В настоящее время наблюдаются высокие темпы процесса обновления технологического базиса общества и цифровизации экономики. Опыт практической деятельности свидетельствует, что преимущества экономики отдельных стран во многом определяются качественными характеристиками человеческого капитала, реализация которого осуществляется в рамках рынка труда. Пандемия коронавируса оказала влияние на снижение деловой активности и в целом на эко-

номическую активность всех стран мирового сообщества. Естественно это отрицательно отразилось и на состоянии рынков труда.

Авторами осуществлен сравнительный анализ динамики структурных изменений экономической и трудовой сфер деятельности г. Ростова-на-Дону на основе индекса В. Рябцева:

$$\sqrt{\frac{\sum(d_2-d_1)^2}{\sum(d_2+d_1)^2}}$$

Экономический смысл данного индекса заключается в соотношении фактической меры расхождения в значениях компонентов двух структур с их максимально возможным значением, а также в шкалировании значений данного индекса.

Для интерпретации полученных результатов в процессе дальнейшего анализа использована шкала оценки меры существенности различий структур (табл. 1).

Таблица 1

Шкала меры оценки существенности различий структур
/ Scale of measure for assessing the essentiality of differences in structures

Интервал значений коэффициентов	Уровень структурных различий
До 0,030	Тождественность
0,031 – 0,070	Весьма низкий
0,071 – 0,150	Низкий
0,151 – 0,300	Существенный
0,301 – 0,500	Значительный
0,501 – 0,700	Весьма значительный
0,701 – 0,900	Противоположный тип структур
0,901 и более	Полная противоположность структур

Авторами осуществлена оценка структуры двух показателей экономической деятельности: среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) и оборот организаций с численностью работников более 15 человек (табл. 2).

На основе данных, представленных в табл. 2, можно отметить, что за рассматриваемый период наиболее высокое значение удельного веса среднесписочной численности работников имело место в крупных и средних организациях города по следующим видам экономической деятельности: обрабатывающие производства, государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение, образование, деятельность в области здравоохранения, торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, транспортировка и хранение.

Наряду с этим, в 2020 г. наблюдался прирост удельного веса среднесписочной численности

работников организаций по следующим видам экономической деятельности: деятельность гостиниц и предприятий общественного питания – на 13,3 %; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение – на 11,0 %; строительство – на 7,4 %; транспортировка и хранение – на 3,6 %; сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство – на 3,3 %; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений – на 2,7 %. Следует отметить снижение доли занятых на предприятиях таких видов экономической деятельности, как предоставление прочих видов услуг – на 18,5 %; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений – на 14,2 %.

Согласно логике анализа, авторами рассчитан индекс Рябцева с целью получения оценки динамики в структуре занятых г. Ростова-на-Дону (табл. 3).

Таблица 2

Динамика удельного веса среднесписочной численности работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) по видам экономической деятельности в г. Ростове-на-Дону, % [1] / Dynamics of the share of the average number of organizations employees (excluding small businesses) by type of economic activity in Rostov-on-Don, % [1]

Сфера деятельности	2017	2018	2019	2020
Всего по обследуемым видам экономической деятельности	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	0,4	0,2	0,2	0,3
Обрабатывающие производства	15,3	13,4	12,8	12,2
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	3,6	3,4	3,3	3,2
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,3	1,1	1,1	0,9
Строительство	2,6	3,2	3,1	3,3
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	10,8	11,7	12,0	11,8
Транспортировка и хранение	8,8	9,8	9,6	9,9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,8	0,6	0,7	0,8
Деятельность в области информации и связи	4,8	4,8	4,7	4,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1,1	1,3	1,2	1,2
Деятельность профессиональная, научная и техническая	6,0	5,5	5,6	5,4
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,4	3,1	2,5	2,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	13,6	13,6	14,5	16,0
Образование	13,5	13,1	13,1	12,7
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	12,3	12,5	12,8	12,6
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2,2	2,3	2,3	2,4
Предоставление прочих видов услуг	0,5	0,4	0,4	0,4

Таблица 3

Обобщенные оценки структурно динамических различий в среднесписочной численности работников организаций г. Ростова-на-Дону (без субъектов малого предпринимательства) за 2009–2020 гг.* / Generalized estimates of structural and dynamic differences in the average number of employees in organizations in Rostov-on-Don (excluding small businesses) for 2009-2020

Сравниваемые периоды	Значение индекса Рябцева	Характеристика меры структурных различий
2009 и 2013 гг.	0,048	Весьма низкий уровень различий
2013 и 2020 гг.	0,053	Весьма низкий уровень различий
2009 и 2020 гг.	0,087	Низкий уровень различий

* – по расчетам авторов.

На основе данных табл. 3 можно сделать вывод о наличии низкого уровня различия структур по показателю среднесписочной численности работников организаций г. Ростова-на-Дону по видам экономической деятельности на протяжении рассматриваемого периода. Таким образом, данный тип структуры является доста-

точно стабильным. Для изменения структуры по данному направлению относительно запросов современного рынка труда города необходимы активные совместные действия органов власти и управления и образовательной системы.

Рассмотрена динамика оборота организаций, не относящихся к субъектам малого предпри-

нимательства г. Ростова-на-Дону по видам экономической деятельности (табл. 4).

Согласно данным табл. 4, на протяжении исследуемого периода предприятия и организации г. Ростова-на-Дону с численностью работников более 15 человек по видам экономической деятельности: торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов,

обрабатывающие производства обеспечивали в среднем 75,0–80,0 % валовой выручки от реализации товаров, работ и услуг. Причем доля оборота предприятий обрабатывающих производств имела тенденцию к снижению в 2020 г. по сравнению с 2017 г., в то время как организации сферы торговли наращивали объемы выручки за тот же период времени.

Таблица 4

Оборот организаций по видам экономической деятельности, не относящимся к субъектам малого предпринимательства (включая средние предприятия), средняя численность работников которых превышает 15 человек в г. Ростове-на-Дону, % [1] / The turnover of organizations by types of economic activity not related to small businesses (including medium-sized enterprises), the average number of employees of which exceeds 15 people in Rostov-on-Don, % [1]

Сфера деятельности	2017	2018	2019	2020
Всего по обследуемым видам экономической деятельности	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	0,0	0,0	0,0	0,2
Обрабатывающие производства	30,3	30,8	22,9	20,3
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	7,7	7,1	7,2	5,5
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,7	0,7	0,6	0,8
Строительство	2,3	1,6	1,9	1,6
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	46,9	47,4	54,1	60,6
Транспортировка и хранение	3,6	3,9	3,6	2,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,2	0,2	0,3	0,2
Деятельность в области информации и связи	3,4	3,4	3,6	2,9
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,4	0,4	0,5	0,6
Деятельность профессиональная, научная и техническая	2,5	2,5	2,5	1,6
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	0,5	0,5	0,7	1,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	0,0	0,0	0,1	0,0
Образование	0,5	0,5	0,6	0,5
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,6	0,6	0,9	0,8
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,2	0,2	0,5	0,5
Предоставление прочих видов услуг	0,0	0,0	0,0	0,0

Значение индекса Рябцева для анализа структурно-динамических изменений по рассматриваемому показателю по видам экономической деятельности за 2017 и 2020 гг., которое составило 0,142, свидетельствует о наличии низкого уровня различия структур. Тем не менее это значение выше аналогичного показателя для структуры среднесписочной численности работников. Таким образом, структура оборота

сильнее реагирует на изменение внешних условий экономической деятельности.

В целях углубления степени анализа соответствия экономической и трудовой сфер города авторами произведен расчет индекса Рябцева с целью сравнения структурно-динамических изменений в распределении работников и оборота организаций по видам экономической деятельности (табл. 5).

Таблица 5

Динамика обобщенных оценок структурно динамических различий в среднесписочной численности работников и оборота организаций г. Ростова-на-Дону (без субъектов малого предпринимательства)* / Dynamics of generalized estimates of structural and dynamic differences in the average number of employees and turnover of organizations in Rostov-on-Don (excluding small businesses)

Год	Значение индекса Рябцева	Уровень структурных различий
2017	0,570	Весьма значительный
2018	0,575	Весьма значительный
2019	0,605	Весьма значительный
2020	0,649	Весьма значительный

* – по расчетам авторов.

Расчеты показали весьма значительный уровень различия структур экономической и трудовой сфер г. Ростова-на-Дону и позволили сделать вывод о наличии тенденции к увеличению различий структур численности работников и оборота организаций (без субъектов малого предпринимательства) за исследуемый период [2].

В 2020 г. наибольшее несоответствие было выявлено по видам экономической деятельности: торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов – доля оборота организаций указанного вида экономической деятельности в общем объеме оборота всех организаций г. Ростова-на-Дону (с численностью работников более 15 чел.) на 48,8 п.п. выше доли занятых в общей численности работников всех организаций данной сферы, обрабатывающие производства – на 8,1 п.п. выше, государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение – на 16,6 п.п. выше, образование – на 12,3 п.п. меньше, деятельность в области здравоохранения – на 11,9 п.п. меньше, транспортировка и хранение – на 7,1 п.п. меньше.

Одновременно анализ позволил выявить наиболее сбалансированные виды экономической деятельности в 2020 г.: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность по операциям с недвижимым имуществом, предоставление прочих видов услуг. Тем не менее вышеназванные виды экономической деятельности вносят незначительный вклад в общий объем выручки и численность работников организаций г. Ростова-на-Дону.

Авторами осуществлен анализ соотношения структуры вакансий и резюме по профессиональным сферам города по состоянию на конец 2020 г. на основе информационных массивов сайта hh.ru [2]. Аналитиками компании hh.ru были выделены профессиональные сферы с наиболее высоким спросом на специалистов и числом поданных соискателями резюме (табл. 6).

Таблица 6

Структура вакансий и резюме в г. Ростове-на-Дону по состоянию на конец 2020 г., % от общего числа размещенных вакансий и резюме на портале hh.ru [2] / Structure of vacancies and resumes in Rostov-on-Don as of the end of 2020, % of the total number of posted vacancies and resumes on the hh.ru portal [2]

Вид профессиональной деятельности	Резюме	Вакансии	Число претендентов на 1 вакансию
Начало карьеры, студенты	0,18	0,09	13
Продажи	0,15	0,30	3,1
Административный персонал	0,08	0,08	6,3
Транспорт, логистика	0,07	0,09	4,2
Производство	0,05	0,09	3,2
Информационные технологии, интернет, телеком	0,05	0,13	2,3
Строительство, недвижимость	0,04	0,11	2,3
Маркетинг, реклама, PR	0,03	0,06	3,6

На основании данных табл. 6 рассчитан индекс Рябцева, значение которого составило 0,109, что говорит о наличии низкого уровня различия структур вакансий и резюме по наиболее востребованным профессиональным сферам города на конец 2020 г. Наибольшие расхождения наблюдались для следующих видов профессиональной деятельности: начало карьеры – студенты – спрос в 2 раза превышал предложение; продажи – предложение в 2 раза превышало спрос; производство – предложение в 1,8 раза выше, чем спрос; информационные технологии, интернет, телеком – предложение в 2,6 раза выше спроса; строительство, недвижимость – предложение в 2,75 раза выше спроса; маркетинг, реклама, PR – предложение в 2 раза выше спроса.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов:

– на рынке труда города Ростова-на-Дону сложился определенный структурный дисбаланс между экономической и трудовой сферами в период 2017–2020 гг., т. е. экономическая структура меняется более быстрыми темпами относительно трудовой и рынок труда «не успевает» отвечать на потребности экономической и производственной сфер;

– наиболее высокий темп прироста вакансий в профессиональной сфере был зафиксирован в г. Ростове-на-Дону в 2020 г. в системе государ-

ственной службы и некоммерческих организаций, медицины и фармацевтики, строительства и недвижимости, производственной сфере.

Таким образом, принятие мер по снижению уровня структурного дисбаланса, ориентация на цифровой и инновационный вектор развития социально-экономической среды города, активное инвестирование в образовательный и научный потенциал позволят сформировать гибкий и сбалансированный рынок труда г. Ростова-на-Дону.

Литература

1. Центральная база показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения: 05.12.2020).
2. Портал Россия – статистика рынка труда. URL: https://stats.hh.ru/rostov_on_don/ (дата обращения: 05.12.2020).

References

1. *Central base of indicators of municipalities.* Available at: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (accessed December 5, 2020). (in Russian).
2. *Portal Russia - labor market statistics.* Available at: https://stats.hh.ru/rostov_on_don/ (accessed December 5, 2020). (in Russian).

УДК 332.1

doi 10.18522/2687-0770-2021-2-100-105

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В 2018–2020 ГОДАХ*

© 2021 г. Д.И. Узнародов ^а

^а *Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия*

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF CRIMEA IN 2018-2020

D.I. Uznarodov ^а

^а *Federal Research Center Southern Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

*Узнародов Дмитрий Игоревич –
кандидат политических наук, научный сотрудник,
лаборатория социологии,
Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр
Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru*

*Dmitry I. Uznarodov -
Candidate of Political Sciences, Researcher,
Laboratory of Sociology,
Federal Research Center
Southern Scientific Center,
Russian Academy of Sciences.
Chekhova Str., 41, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru*

Рассматриваются особенности социально-экономического развития Республики Крым в 2018–2020 гг. При помощи анализа статистических данных выявляются наиболее и наименее экономически благополучные муниципальные образования Республики Крым. К проблемам, оказывающим отрицательное воздействие на социально-экономические процессы в республике, относятся: низкий показатель ВРП на душу населения, высокие цены на продовольственные товары, слишком быстрые темпы роста цен на коммунальные услуги, значительная дифференциация муниципальных образований республики по средним показателям заработной платы населения и уровню безработицы. Приводятся рекомендации по снижению общего уровня социальной напряженности в республике.

Ключевые слова: *Республика Крым, экономическое развитие, социально-экономические процессы, социальная напряженность.*

The article examines features of the socio-economic development of the Republic of Crimea in 2018-2020; in the article the main problems that have a negative impact on the socio-economic processes in the republic are highlighted. Using the method of statistical data analysis, the most and least economically prosperous municipalities of the Republic of Crimea are identified. Problems, that have a negative impact on the socio-economic processes in the republic, include a low GRP per capita, high prices for food products, too fast growth rates of prices for utilities, significant differentiation of municipalities of the republic in terms of average wages of the population and the level of unemployment. In conclusion, in the article the recommendations for reducing the overall level of social tension in the republic are given.

Keywords: *Republic of Crimea, economic development, socio-economic processes, social tension.*

---

* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190184-2.

В настоящее время процесс интеграции Крымского полуострова в российскую экономическую систему нельзя назвать полностью завершенным. В рамках решения данной задачи властями Российской Федерации был принят ряд мер, которые имеют несомненно положительный характер. Например, к ним можно отнести создание Специальной экономической зоны на территории полуострова, а также ряд полезных инфраструктурных проектов, в частности строительство Балаклавской и Таврической ТЭС, обеспечивших энергетическую независимость республики. Нельзя не упомянуть и о проектах, способствовавших разрешению транспортной проблемы. Подобными проектами являются строительство транспортного моста через Керченский пролив, строительство нового аэровокзального комплекса аэропорта г. Симферополя (включает современный терминал для обслуживания 6,5 млн пассажиров в год), а также запуск автомобильной дороги федерального значения «Таврида» (Керчь – Феодосия – Белогорск – Симферополь – Бахчисарай – Севастополь) [1, с. 102].

Несмотря на ряд принятых вышеназванных положительных мер, в настоящее время уровень социально-экономического развития в Республике Крым по-прежнему не является высоким. Об этом свидетельствуют многие статистические показатели. Например, по внутреннему региональному продукту (ВРП) Республика Крым занимает лишь пятое место в Южном федеральном округе (ЮФО), опережая только такие субъекты, как Республика Адыгея и Республика Калмыкия. Для сравнения: ВРП Краснодарского края превосходит ВРП Республики Крым в пять раз [2]. Если говорить о таком показателе, как ВРП на душу населения, то здесь Республика Крым и вовсе занимает последнюю позицию среди всех субъектов ЮФО.

Также одной из проблем является высокая степень зависимости Республики Крым от поступлений из федерального бюджета: если в Астраханскую область они составляют 24 % от общего объема бюджета региона, в Волгоградскую область – 25 %, в Краснодарский край – 17 %, в Республику Калмыкия – 48 %, в Республику Адыгея – 46 %, то объем таких поступлений в Республику Крым находится на уровне 62 % от консолидированного бюджета всех муниципальных образований полуострова [2]. Кроме того, следует обратить внимание и на другие важные статистические показатели, которые также свидетельствуют о достаточно

сложном положении экономики Крымского полуострова в настоящее время.

Республика Крым продолжает оставаться лидером среди всех субъектов ЮФО по уровню цен на продовольственные товары [3, 4]. По идее, открытие моста через Керченский пролив в 2018 г. и железнодорожной его части в конце 2019 г. должно было повлиять в положительном плане на ценовую политику на полуострове, однако, к сожалению, этого не произошло. Конечно, нельзя не отметить, что цены в сравнении с периодом 2014–2018 гг. в определенной степени снизились, но они по-прежнему превышают цены в соседних регионах ЮФО. Разница в ценах между другими субъектами ЮФО в среднем составляет 36–40 %, в зависимости от категории товаров, но по ряду товаров разница доходит и до 60–80 % [4]. Причина более высоких цен в Крыму вызвана прежде всего тем, что крупные федеральные торговые сети никак не хотят рассматривать Крым как площадку для своего развития. Как известно, в торговых сетях, благодаря различным скидкам и акциям, цены бывают, как правило, ниже. Главная проблема состоит в стоимости аренды торговых площадей в Республике Крым, которая в несколько раз выше чем в Краснодарском крае. При этом количество объектов торговли превышает нормативные показатели в 1,6 раза (7 тыс. стационарных торговых точек).

Немаловажной проблемой для Республики Крым являются тарифы на коммунальные услуги. Особенно высоки темпы роста цен на электроэнергию. Вообще темпы роста тарифов в Республике Крым самые высокие из всех субъектов ЮФО. Например, в 2018 г., по сравнению с 2016 г., увеличение тарифов на электроэнергию составило 55 % [5, 6], а если сравнивать с 2015 г., то на 134,72 %. В свою очередь, с 2015 по 2016 г. рост тарифов составлял 30,56 % (с 1,44 до 1,88 кВт/ч); с 2016 по 2017 г. – 35,64 % (с 1,88 до 2,55 кВт/ч); с 2017 по 2018 г. – 32,55 % (с 2,55 до 3,38 кВт/ч), а в период с 2018 по 2020 г. – на 22,78 %. Для сравнения: в Краснодарском крае с 2018 по 2020 г. рост тарифов на электроэнергию составил 8,89 %, в Ростовской области – 6,81 %, в Волгоградской области – 8,15 %, в Астраханской области – 6,14 %, в Республике Калмыкия – 10,46 %, в Республике Адыгея – 8,89 % [7]. В соответствии с приказом Государственного комитета по ценам и тарифам Республики Крым в 2021 г. рост тарифов будет не таким значительным, как в предыдущие го-

ды, и составит в среднем 9 %, что, безусловно, является положительным моментом [8]. Кроме того, как и в предыдущие годы, в Республике Крым в 2021 г. будет действовать дифференцированная тарифная сетка на электроэнергию (при потреблении до 150 кВт/ч, от 150 до 800 кВт/ч, а также свыше 800 кВт/ч).

Также в настоящее время в Республике Крым остается открытой проблема низких зарплат в ряде муниципальных районов. В целом по уровню средней заработной платы Республика Крым занимает 55 место, а размер средней зарплаты по республике составляет 31 263 р. [9], что на первый взгляд не является каким-то неудовлетворительным показателем. Однако в ряде муниципальных образований (Джанкойский, Красноперкопский, Красногвардейский районы) средняя зарплата составляет всего 24–25 тыс. р. [10], что находится на уровне некоторых наиболее отстающих по этому показателю российских субъектов, в частности Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии [11, 12]. В Республике есть и другие муниципальные районы, где показатели по заработной платам населения также находятся на довольно низком уровне (Сакский, Кировский, Раздольненский, Первомайский), где этот показатель колеблется от 27 до 28 500 р. [10].

Конечно, нельзя не отметить тот положительный момент, что в целом в сравнении с 2014 г. средние значения заработной платы населения муниципальных районов Республики Крым заметно выросли. В частности, за последние четыре года они возросли на 5–7 тыс. р. В то же время за прошедший период, в особенности 2020 г., наблюдаются определенные тенденции в некоторых районах по снижению других социально-экономических показателей.

В рамках исследования нами были определены наиболее и наименее развитые в социально-экономическом плане районы, проанализирован ряд показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития во всех муниципальных образованиях полуострова. За основу были взяты: уровень безработицы (по методологии Международной организации труда – МОТ), среднемесячная заработная плата, а также коэффициент напряженности на рынке труда. В качестве источниковой базы использовалась статистическая информация с официального сайта Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю.

Уровень безработицы по муниципальным районам был определен по формуле, применяе-

мой МОТ для расчета показателя общей численности безработных, в процентах к экономически активному населению:

$$R_U = \frac{U}{EAP} * 100,$$

где R_U – уровень безработицы, %; U – численность безработных в среднем за год; EAP – численность экономически активного населения (рабочей силы) в среднем за год (среднесписочная численность населения).

Численность экономически активного населения высчитывалась посредством суммирования среднесписочной численности занятых в экономике каждого отдельно взятого муниципального района, с одной стороны, и численности незанятых, официально зарегистрированных в органах службы занятости муниципальных образований в качестве ищущих работу, а также признанных безработными – с другой. Информация о численности безработных, а также о среднесписочной численности занятых была собрана из паспортов социально-экономического развития, которые регулярно размещаются на официальных сайтах муниципальных районов.

В результате проведенного анализа собранных статистических данных нами были выявлены наиболее развитые и наиболее проблемные в социально-экономическом аспекте муниципальные районы. Приходится констатировать, что в настоящее время в республике существует определенное расслоение между северной и южной частью по уровню социально-экономического развития. Большинство муниципальных образований с наиболее благоприятной социально-экономической ситуацией располагаются в южной части республики. К ним относятся городские округа Алушта, Евпатория, Керчь, Симферополь, Феодосия и Ялта, которые занимают первые места по уровню средней заработной платы населения, а также лидирующие позиции по уровню наиболее низкой безработицы и менее высокому коэффициенту напряженности на рынке труда. Помимо вышеназванных муниципальных образований одним из наиболее социально-экономически благополучных районов является также городской округ Саки, находящийся в центральной части Республики Крым (табл. 1). Следует учитывать и то, что сразу пять муниципальных образований Юга Крыма входят в десятку по уровню среднемесячной заработной платы (городские округа Ялта, Керчь, Феодосия, Алушта и Бахчисарайский район).

Таблица 1

**Наиболее социально-экономически развитые муниципальные образования Республики Крым [10]
 / The most socially and economically developed municipalities of the Republic of Crimea [10]**

Район/городской округ	Уровень безработицы (по методологии МОТ), %			Коэффициент напряженности на рынке труда			Среднемесячная заработная плата, р.		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020
Алушта	1,52	2,17	5,39	0,33	0,56	0,76	29 307	33 755	36 960
Бахчисарайский район	1,36	2,23	15,0	0,37	0,59	0,48	28 872	29 410	31 210
Евпатория	1,28	2,41	14,9	0,55	0,88	2,99	27 097	28 743	30 256
Керчь	1,23	0,83	16,52	0,37	0,16	0,33	31 846	33 916	34 112
Саки	1,00	0,82	7,38	1,6	5,8	2,1	27 839	29 566	29 858
Симферополь	0,2	0,74	5,81	0,27	0,09	0,7	37 717	41 100	43 400
Феодосия	1,27	1,78	5,31	0,4	0,1	0,47	30 625	32 824	33 018
Ялта	0,37	0,51	3,04	0,17	0,23	0,8	33 167	36 397	39 158

Наименее экономически развитые муниципальные образования находятся преимущественно в северной части полуострова. К ним относятся Джанкойский, Краснопереконский, Первомайский и Раздольненский районы. Помимо этого к муниципальным образованиям с повышенной социальной напряженностью относятся районы центральной и южной части Крымского полуострова – Нижнегорский, Кировский, Красногвардейский и Сакский (табл. 2) [10].

ципальным образованиям с повышенной социальной напряженностью относятся районы центральной и южной части Крымского полуострова – Нижнегорский, Кировский, Красногвардейский и Сакский (табл. 2) [10].

Таблица 2

**Наименее социально-экономически развитые муниципальные образования Республики Крым [10]
 / The least socially and economically developed municipalities of the Republic of Crimea [10]**

Район	Уровень безработицы (по методологии МОТ), %			Коэффициент напряженности на рынке труда			Среднемесячная заработная плата, р.		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020
Джанкойский	4,64	4,63	40,1	1,8	1,8	13,3	21 369	22 272	25 101
Кировский	6,01	14,43	57,6	0,56	0,91	2,2	25 255	27 517	28 558
Красногвардейский	1,81	1,80	30,1	0,74	0,8	5,9	28 887	25 174	24 389
Краснопереконский	12,04	28,08	69,97	3,2	1,05	23,3	22 089	23 860	24 138
Нижнегорский	12,4	7,00	30,38	1,2	0,33	1,43	24 395	26 633	29 432
Первомайский	9,02	7,85	10,2	1,6	1,9	1,7	23 572	24 248	28 521
Раздольненский	10,1	7,57	22,77	3,42	1,99	4,9	25 569	26 620	28 050
Сакский	6,52	7,72	44,09	0,35	0,86	8,5	25 615	26 806	27 251

В 2020 г. в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, повлекшей по всему миру многочисленные проблемы социально-экономического характера, в Республике Крым, как и в других регионах России, наблюдалось увеличение уровня безработицы в 9,2 раза на конец года [13], что является максимальным показателем среди всех субъектов ЮФО. В целом по России по итогам 2020 г. уровень безработицы вырос на 24,7 % и, по официальным данным, составил 5,9 % [14]. Рекордное увеличение уровня безработицы произошло в Красногвардейском и Симферополь-

ском районах – в 30 (с 1,8 до 30,1 %) и 47 раз (с 1,6 до 47,4 %) соответственно.

Если с 2015 по 2017 г. практически во всех муниципальных образованиях Крымского полуострова наблюдалось снижение уровня безработицы, то с 2018 г. ситуация начинает постепенно меняться. По сравнению с 2017 г. сразу в 11 муниципальных образованиях полуострова происходит увеличение уровня безработицы: городской округ Алушта (с 0,61 до 1,52 %), городской округ Армянск (с 2 до 3,8 %), городской округ Джанкой (с 1,57 до 3,05 %), городской округ Керчь (с 1,22 до 1,23 %), Кировский

район (с 4,48 до 6,01 %), Нижнегорский район (с 6 до 12,4 %), Первомайский район (с 5,14 до 9,02 %), Раздольненский район (с 9,81 до 10,1 %), городской округ Саки (с 0,89 до 1 %), Сакский район (с 5,86 до 6,52 %), городской округ Судак (с 2,3 до 3,93 %) [10]. В период с 2018 по 2019 г. увеличение уровня безработицы наблюдалось уже в 15 муниципальных образованиях: городской округ Алушта (с 1,52 до 2,17 %), Бахчисарайский район (с 1,36 до 2,23 %), Белогорский район (с 4,1 до 11,1 %), городской округ Евпатория (с 1,28 до 2,41 %), Кировский район (с 6,01 до 14,43 %), городской округ Краснопереконск (с 1,28 до 1,47 %), Краснопереконский район (с 12,04 до 28,08 %), Ленинский район (с 4,04 до 6,91 %), Сакский район (с 6,52 до 7,72 %), городской округ Симферополь (с 0,2 до 0,74 %), Симферопольский район (с 1,4 до 1,6 %), городской округ Судак (с 3,93 до 5,03 %), городской округ Феодосия (с 1,27 до 1,78 %), Черноморский район (с 3,5 до 8,88 %), городской округ Ялта (с 0,37 до 0,51 %) [10].

Итак, следует отметить, что в настоящее время существует ряд нерешенных проблем, оказывающих негативное влияние на социально-экономическое развитие Республики Крым. К ним относятся: низкий показатель ВРП на душу населения, высокие цены на продовольственные товары, слишком быстрые темпы роста цен на коммунальные услуги, значительная дифференциация муниципальных образований республики (между наиболее отстающими северными районами и наиболее развитыми южными) по средним показателям заработной платы населения и уровню безработицы. Помимо этого серьезные опасения вызывают темпы роста уровня безработицы по итогам 2020 г. в ряде муниципальных образований республики, вызванные массовым снижением экономических показателей вследствие произошедшей пандемии коронавируса, что в свою очередь требует от правительства страны и республики принятия новых эффективных мер по восстановлению экономики в 2021 г. В качестве рекомендаций можно предложить следующие меры, способные, на наш взгляд, снизить общий уровень социальной напряженности в республике: 1) снижение налоговой ставки для предпринимателей до 2 % (как это было в период с 2015 по 2018 г.; в настоящее время и по 2022 г. ставка составляет 6 %, а с 2022 г. будет достигать 13,5 %); 2) введение фиксированного тарифа за оплату

коммунальных услуг, в частности снижение тарифа на электроэнергию до 1,44 кВт/ч (в настоящее время тариф составляет 4,15 кВт/ч, что также абсолютно несоразмерно доходам населения Крыма в настоящее время); 3) введение фиксированных цен на бензин на уровне 39 р. (т. е. на уровне Челябинской области, где на данный момент самые низкие цены на бензин в России; в настоящее время Республика Крым занимает 7-е место в России по стоимости бензина – 45,86 р. за литр).

Литература

1. *Знаменщиков А.О.* Республика Крым и Севастополь: первые итоги реализации государственных программ в экономической и социальной сферах // Управленческое консультирование. 2019. № 10. С. 100–109.
2. *Швец А.Б., Вольхин Д.А.* Крым в пространстве Юга России: приоритетные форматы и векторы межрегиональных взаимодействий // Геополитика и экодинамика регионов. 2018. № 4. С. 319–336.
3. Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27544> (дата обращения: 18.02.2021).
4. Индексы цен по Южному федеральному округу. Июнь 2018 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics_fo/prices/efb9d6804987f46eab68eb2d12c3261e (дата обращения: 18.02.2021).
5. Энерго 24. Справочная таблица тарифов на электроэнергию для населения Республики Крым на 2016 год. URL: <https://energo-24.ru/tariffs/electro/2016/11010.html> (дата обращения: 18.02.2021).
6. Энерго 24. Справочная таблица тарифов на электроэнергию для населения Республики Крым на 2018 год. URL: <https://energo-24.ru/tariffs/electro/2018-elektro/12881.html> (дата обращения: 18.02.2021).
7. Энерго 24. Справочная таблица тарифов на электроэнергию по субъектам Российской Федерации. URL: <https://energo-24.ru/tariffs/electro.html> (дата обращения: 18.02.2021).
8. В Крыму установлены тарифы на электроэнергию для населения на 2021 год // Государственный комитет по ценам и тарифам Республики Крым. URL: <https://gkz.rk.gov.ru/ru/article/show/1328> (дата обращения: 26.02.2021).
9. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации // Феде-

ральная служба государственной статистики. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t2.xlsx (дата обращения: 26.02.2021).

10. Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. Рынок труда и занятость населения. URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27542> (дата обращения: 26.02.2021).

11. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. Численность и заработная плата работников организаций Кабардино-Балкарской Республики (без субъектов малого предпринимательства) за январь – декабрь 2020 г. URL: <https://stavstat.gks.ru/folder/37373> (дата обращения: 03.03.2021).

12. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. Численность и заработная плата работников организаций по КЧР за январь – сентябрь 2020 г. URL: <https://stavstat.gks.ru/folder/41555> (дата обращения: 03.03.2021).

13. Число безработных в Крыму за 2020 год выросло в 9 раз // Новости Крыма. URL: <https://crimea-news.com/society/2021/01/26/751668.html> (дата обращения: 03.03.2021).

14. Росстат: число безработных в России в 2020 году выросло на 24,7 % // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10572707> (дата обращения: 11.03.2021).

References

1. Znamenshchikov A.O. (2019). The Republic of Crimea and Sevastopol: the first results of the implementation of state programs in the economic and social spheres. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, No. 10, pp. 100-109. (in Russian).

2. Shvets A.B., Vol'hin D.A. (2018). Crimea in the space of the South of Russia: priority formats and vectors of interregional cooperation. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov*, No. 4, pp. 319-336. (in Russian).

3. *Department of the Federal State Statistics Service for the Republic of Crimea and Sevastopol*. Available at: <https://crimea.gks.ru/folder/27544> (accessed February 18, 2021). (in Russian).

4. Price indices for the Southern Federal District. June 2018. *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Rostov Region*. Available at: [\[tov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics_fo/prices/efb9d6804987f46eab68eb2d12c3261e\]\(http://tov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics_fo/prices/efb9d6804987f46eab68eb2d12c3261e\) \(accessed February 18, 2021\). \(in Russian\).](http://ros-</p></div><div data-bbox=)

5. *Energo 24*. Reference table of electricity tariffs for the population of the Republic of Crimea for 2016. Available at: <https://energo-24.ru/tariffs/electro/2016/11010.html> (accessed February 18, 2021). (in Russian).

6. *Energo 24*. Reference table of electricity tariffs for the population of the Republic of Crimea for 2018. Available at: <https://energo-24.ru/tariffs/electro/2018-elektro/12881.html> (accessed February 18, 2021). (in Russian).

7. *Energo 24*. Reference table of electricity tariffs for the subjects of the Russian Federation. Available at: <https://energo-24.ru/tariffs/electro.html> (accessed February 18, 2021). (in Russian).

8. In Crimea electricity tariffs for the population were set for 2021. *State Committee on Prices and Tariffs of the Republic of Crimea*. Available at: <https://gkz.rk.gov.ru/ru/article/show/1328> (accessed February 26, 2021). (in Russian).

9. Average monthly nominal accrued salary of employees for the full range of organizations in the subjects of Russian Federation. *Federal State Statistics Service*. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t2.xlsx (accessed February 26, 2021). (in Russian).

10. *Department of the Federal State Statistics Service for the Republic of Crimea and Sevastopol*. The labor market and employment of the population. Available at: <https://crimea.gks.ru/folder/27542> (accessed February 26, 2021). (in Russian).

11. *Department of the Federal State Statistics Service for the North Caucasus Federal District*. The main indicators of the socio-economic situation of municipalities. The number and salary of employees of organizations of the Kabardino-Balkar Republic (without small businesses) for January-December 2020. Available at: <https://stavstat.gks.ru/folder/37373> (accessed March 3, 2021). (in Russian).

12. *Department of the Federal State Statistics Service for the North Caucasus Federal District*. The main indicators of the socio-economic situation of municipalities. Number and salary of employees of organizations in the KCR for January-September 2020. Available at: <https://stavstat.gks.ru/folder/41555> (accessed March 3, 2021). (in Russian).

13. The number of unemployed in Crimea in 2020 increased by 9 times. *Novosti Kryma*. Available at: <https://crimea-news.com/society/2021/01/26/751668.html> (accessed March 3, 2021). (in Russian).

14. Rosstat: the number of unemployed in Russia in 2020 increased by 24.7 %. *TASS News Agency*. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/10572707> (accessed March 11, 2021). (in Russian).

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ TOUCHES TO THE PORTRAIT

doi 10.18522/2687-0770-2021-2-106-110

А.Г. Филонов и его книга «Очерки Дона»

A.G. Filonov and his book “Essays of the Don”

В 1859 г. в Санкт-Петербурге была опубликована книга «Очерки Дона» на тот момент молодого учителя Андрея Григорьевича Филонова. В последующем автор книги сделает успешную карьеру как чиновник Министерства народного просвещения, руководитель ряда учебных заведений. Зарекомендовав себя специалистом в области русского языка и словесности, А.Г. Филонов стал автором-составителем хрестоматий и книг для народного чтения, получивших известность и неоднократно переиздававшихся до 1917 г.

«Очерки Дона» – важный шаг на пути становления донской историографии, однако научная библиография ее автора ограничивается несколькими статьями, включая автобиографические статьи самого Филонова. В донской региональной краеведческой литературе отсутствуют какие-либо сведения о личности Филонова, об обстоятельствах написания им книги «Очерки Дона». Наиболее цитируемым (и практически единственным) является сюжет о так называемых домашних школах, явившихся первыми ростками донского просвещения и получивших распространение в войсковой столице г. Черкасск в начале XVIII в. В научный оборот до сих пор полностью не введена рецензия на эту книгу Н.А. Добролюбова, написанная сразу после выхода ее в свет и опубликованная в журнале «Современник» (1859). Все изложенное делает актуальным углубленный объективный, непредвзятый анализ начального периода литературно-педагогической деятельности А.Г. Филонова, который проходил в г. Новочеркасск и нашел отражение в написанных им в те годы «Очерках Дона».

А.Г. Филонов родился в 1831 г. в семье пономаря Смоленской губернии. Образование получил в Смоленской семинарии и Главном педагогическом институте в Санкт-Петербурге [1, 2]. В институте Филонов учился одновременно с Н.А. Добролюбовым, ставшим известным российским критиком и публицистом [3]. Отношения между ними не складывались, о чем свидетельствует запись в дневнике Добролюбова от 27 января 1856 г.: «Два года тому назад, когда Филонов выдумал, будто бы я написал пасквиль на богородицу, двое студентов духовной академии, видевшие меня там раза два-три, восстали против этого, уверяя, что такой милый, благородный человек, как Николай Добролюбов, не может быть способен на подобную мерзость. И в самом деле, как это пришло в голову Филонову! С какой стати стал бы я писать на богородицу пасквили? Что она мне сделала? Разве не имеет это отношение к самому Филонову, которого звали у нас “китайской богородицей”? Да и на него я ничего не писал» [4]. Судя по тому, что запись была сделана спустя два года после описываемых событий, они оставили в его памяти крайне негативные воспоминания.

После окончания в 1855 г. Главного педагогического института, в котором Филонов обучался за государственный счет, он был направлен на службу в Новочеркасскую гимназию. В книге И.Г. Артинского, вышедшей к 100-летию учреждения гимназии, в числе работавших в ней учителей несколько раз упоминается учитель русского языка и словесности А.Г. Филонов [5]. Работая в гимназии, Филонов одновременно занялся литературным трудом. Результатом стала книга «Очерки Дона», опубликованная в Санкт-Петербурге в 1859 г. Добролюбов в рецензии выделил в ней в зависимости от содержания материалов собственно очерки Дона и «три ученые статьи», а именно «О книге капитана Чуйкевича “Подвиги казаков в Пруссии”» (статья библиографического содержания), «Войсковой атаман Иван Ефремов» и «Учебные заведения на Дону. 1790–1807 гг.». (На разборе последней критик остановился наиболее

подробно). Добролюбов обратил внимание на то, что книга была написана очень «хорошим слогом», но общая тональность его рецензии была остро критической.

В первую очередь от рецензента досталось очеркам, которые, по его словам, были «легкие, поверхностные, красноречивые и решительно ничтожные фельетоны». «Очерки» представляли собой зарисовки донской действительности, совершенно незнакомой Филонову до приезда в Новочеркасск. Их можно озаглавить словами самого Филонова: «Я увидел Новочеркасск». Впервые оказавшись в незнакомом городе, он подробно описывал все, что находил нового и особенного на Дону. Нередко это были совершенно обычные вещи, которые по причине молодости и жизненной неопытности Филонов просто не ожидал увидеть почти за 2000 верст от столичного Петербурга. Нужно сказать, что Добролюбов неоднократно и с глубокой иронией обращал внимание на эту особенность созданных Филоновым зарисовок Новочеркасска.

Путешествие Филонова из Петербурга в Новочеркасск продолжалось, по его словам, две недели. Приехав в казачью столицу, он прежде всего отправился в Новочеркасский собор, в котором увидел «много молящихся». Главная улица Московская (так она называется и сегодня) удивила Филонова обилием и разнообразием экипажей. «Почти на верстном протяжении улицы» он увидел следующую картину: «Коляски, кареты, щегольские санки, открытые и закрытые экипажи – все это летит и гремит перед моими изумленными очами». В городе был театр, который давал 3–4 представления в неделю – среди них «Горе от ума» Грибоедова. Городское сообщество обсуждало вопрос об открытии Новочеркасской городской публичной библиотеки. Из учебных заведений в Новочеркасске были гимназия, в которой стал служить Филонов, Пансион и незадолго до этого открытый Донской Мариинский институт благородных девиц.

Много внимания Филонов уделил описанию материальных и бытовых условий жизни учителей, т. е. тому, что его непосредственно касалось и что он прочувствовал на собственном опыте. Конечный вывод был неутешительным: «Остается одно из двух учителю: или вести жизнь поденщика – бегать с утра до вечера из Гимназии в Пансион, из Пансиона в Институт, из Института в Гимназию: это все в один день и прийдя (ездить вы лучше и не думайте) домой, снопом рухнуть на постель и лежать до завтра – или пуститься в неоплатные долги» [6, с. 163].

Как можно видеть, очерки Филонова, несмотря на отмеченную Добролюбовым «поверхностность», сохранили для истории облик города, каким он был через 50 лет после его основания. Зафиксированные Филоновым характеристики Новочеркасска свидетельствуют о его статусе как одного из провинциальных губернских городов Российской империи середины XIX в. В этом смысле «Очерки Дона» можно сравнить с работами Скальковского, который побывал в 1845 и 1856 гг. в Ростове-на-Дону и оставил яркое описание этого ближайшего соседа Новочеркасска, на тот момент являвшегося одним из 8 уездных городов Екатеринославской губернии. Однако на фоне того, что объединяло Новочеркасск с другими провинциальными губернскими городами тогдашней России, Филонов не увидел его особенностей как казачьего города, не смог передать его особую атмосферу и ментальность. На наш взгляд, это не было случайностью. Описывая свои новочеркасские впечатления, Филонов, в частности, отметил: «Здесь стоял памятник Кому? Я не знал». Этот пассаж заставил в свою очередь удивиться Добролюбова, поскольку это был памятник атаману Платову. Слова Филонова говорили о том, что, приехав на службу в Новочеркасск, он ничего не знал об истории города, о его основателе – легендарном для казаков войсковом атамане М.И. Платове.

Главное внимание Добролюбова в книге привлекла статья «Учебные заведения на Дону 1790–1807 гг.». Он объяснил это следующим образом: «Описание прежнего положения местных училищ – дело важное и близкое автору как учителю. Тут смог выразиться его взгляд на учение и иные начала образованности, его понятия об отношении школы и жизни, о потребностях народа, принимающего образование и пр.» [7, с. 473–474]. Эта статья была посвящена начальному периоду развития народного образования на Дону. Опираясь на документы архива Новочеркасской гимназии, Филонов изложил сведения о первых училищах, учрежденных на Дону в конце XVIII – начале XIX в., о численности их учащихся и составе преподавательского корпуса, подробно остановился на истории открытия войсковой гимназии и первых годах ее работы. Ценность указанных сведений трудно переоценить, особенно в свете замечания Филонова по поводу судьбы гимназического архива: «Пожар архива произошел в

1858 г. Июля 28. В архиве заключалось много драгоценных материалов. Там были дела с 1743 года. Теперь весь почти 18 век сгорел»... [6, с. 153].

Дата пожара – 1858 г. и дата публикации очерков – 1859 г. свидетельствуют о том, что Филонов был одним из последних, кто использовал их при написании рассматриваемой статьи. Вследствие пожара многие из указанных документов были утрачены и сведения о них сохранились только в передаче Филонова при цитировании в статье, что изначально предопределило ее ценность.

Как всякий исторический источник, статья предполагает критический подход со стороны исследователей, сравнение приведенных в ней данных с данными других источников, проведение их научной верификации. На критический лад настраивает уже заглавное предложение статьи: «Первое учебное заведение на Дону под названием “Главное народное училище” было основано 1790 года в 1-й день апреля». С точки зрения современного знания истории донского просвещения данное предложение заключает в себе две ошибки. Во-первых, открытое на Дону в 1790 г. училище называлось «Малое народное училище» и было преобразовано в Главное, согласно Уставу учебных заведений 1786 г., спустя два года, т. е. в 1792 г. Во-вторых, данное училище было далеко не первым учебным заведением на Дону. Известный новочеркасский краевед А.А. Кириллов, опираясь на выявленные им в начале XX в. в войсковом архиве Новочеркаска документы, установил, что ему предшествовали Латинская семинария (1749–1758 гг.) и Черкасское духовное училище (1766–1779 гг.), а первым директором Малого, затем Главного училища был не полковник П. Иловайский, как считал Филонов (за ним и некоторые современные авторы), а служивший до этого в войсковых структурах Андрей Ягодин [8].

В гимназическом архиве Филонов обнаружил документы, свидетельствовавшие о «печальном» «первобытном» состоянии просвещения на Дону в начале XIX в. В одном из них, подписанном директором народных училищ, говорилось: «Народ скудостью отягощенный, хоть и желает учить детей, но повседневные его нужды его от этого отвлекают: один пасет овец, другой в кузнице помогает отцу, третий на пашне пахал и пр.». Как следствие «случалось очень часто, что в станице находится только один грамотный, умеющий читать человек, что один и тот же казак и справлял две должности: в церкви дьячка, в станичном правлении писаря» [6, с. 186–187]. Прочитав документы, столь убедительно и красноречиво говорившие о бедственном состоянии просвещения в массе донского населения в начале XIX в., Филонов пришел к выводу, крайне удивившему Добролюбова: «И все эти акты приводят г. Филонова к тому заключению, что в народе не было любви к просвещению. “Мы обязаны признаться, что в народе понятия о просвещении были самые жалкие” (с. 186). Ну, конечно, понятия народа виноваты» [7, с. 181–182]. Исходя из того, что на Дону было больше учащихся, чем в Архангельской или Олонецкой губерниях, Филонов совершенно серьезно рассуждал о том, что положение в деле просвещения здесь было намного лучше. В связи с этим Добролюбов отметил: «Филонов не потрудился вывести пропорцию учащихся на число жителей, без чего никакое сравнение невозможно» [7, с. 481].

По ходу статьи Филонов неоднократно обращал внимание на низкий уровень образования донских учителей начала XIX в. и в связи с этим подчеркнул: «Будучи ограниченных познаний, наставники с учениками обходились грубо, резко и жестоко» [6, с. 188]. Документы говорили о рукоприкладстве учителей в отношении учеников первых донских училищ. Данное явление имело столь широкое распространение, что 31 мая 1805 г. попечитель Харьковского учебного округа граф С. Потоцкий направил в адрес директора народных училищ Войска Донского А.Г. Попова письмо: «Дабы училища сии сделать возможно полезнейшими для обучающихся в них, предлагаю вам (директору), обратя особое внимание на порядок и исправность учения, внушать учителям, чтобы они обхождением и любовью к учащимся приобретали взаимную любовь и в то же время усердным и рачительным отправлением своей должности и примерным поведением снискивали доверенность их родителей; сие есть лучшее средство поставить учителя на степень доброты и совершенства» [6, с. 190].

«Сильное влияние на массу» оказало, по мнению Филонова, открытие в 1805 г. войсковой гимназии (до этого на Дону было всего 4 училища). Он подробно описал церемонию торжественного открытия гимназии, охарактеризовал первый набор ее учащихся и состав преподавателей, стиль работы первого директора гимназии подполковника А.Г. Попова. То

есть, по словам Добролюбова, он поступил по принципу «любопытно все, относящееся к детству учебного заведения».

Рецензирование статьи Филонова «Учебные заведения...» Добролюбов использовал как возможность изложить свои мысли об образовании и воспитании подрастающих поколений, о том, какую роль играют в этом учителя и наставники молодежи. Проанализировав статью, критик заявил, что Филонов использовал в ней старый метод «кропотливых и мертвых изысканий, не оживленных никакой идеей». По словам Добролюбова, Филонов пишет по законам «мертвой схоластики», боится рассуждать и демонстрирует уважение только к формальностям. Он причислил его к учителям, которые с юности берут себе принципом – «оставаться на том, что предано и заповедано старшими, и без сомнения, те же принципы будут проводить и для назидания своих учеников».

Отметив распространенность и живучесть такого рода учителей в русском обществе, Добролюбов высказал предположение, что Филонов скоро может стать «почтеннейшим деятелем русской науки». Предположение оказалось прозорливым. Нам неизвестно, до какой ступеньки служебной Табели о рангах поднялся Филонов, но в конце своей карьеры он был удостоен персональной биографической справки в одном из авторитетных изданий в России – словаре Брокгауза и Ефрона. Из справки ясно, что после возвращения из Новочеркасска в Петербург Филонов работал учителем русского языка в Морском кадетском корпусе, преподавал русский язык и словесность в Смольном институте. В 1873 г. был приглашен к участию в постоянной комиссии по устройству народных чтений; был назначен инспектором открытой на Выборгской стороне прогимназии (его речь при открытии о важности классического образования помещена в журнале Министерства народного просвещения 1873 г.). Прогимназией он управлял вплоть до 1889 г., когда был определен директором Новгородской мужской гимназии. На момент составления справки являлся членом особого отдела Ученого комитета по рассмотрению книг для народа.

Справка в энциклопедии включала библиографию трудов Филонова, начиная с его первой статьи по теории русской словесности в журнале Министерства за 1856 г., однако указание на книгу «Очерки Дона» в списке отсутствует. Чем это было обусловлено? В рамках настоящей статьи можно предположить, что книга, целиком посвященная донской проблематике, стояла в ряду его работ особняком. Однако такое предположение представляется маловероятным по отношению к полноформатной авторской работе, изданной в столице. Гораздо более убедительным является объяснение с точки зрения психологии, связанное с тем, что книга имела за собой шлейф отрицательной рецензии выдающегося критика и литератора Н.А. Добролюбова. Не указывая книгу в списке своих трудов, Филонов, вероятно, хотел избежать напоминаний о данной рецензии.

Таким образом, новочеркасский период был лишь одним из эпизодов в жизни Филонова, но служба в Новочеркасской гимназии дала ему большой жизненный опыт, на эти годы пришлось формирование его педагогических взглядов. В основе взглядов Филонова-педагога лежал консервативный принцип «оставаться на том, что предано и заповедано старшими», который делал его своим среди большинства педагогов того времени и, несомненно, способствовал его продвижению по служебной лестнице. Именно в Новочеркасске на основе донских впечатлений и изучения документов по истории Дона Филонов написал свою первую книгу «Очерки Дона» (1859).

После нескольких лет службы в войсковой гимназии Филонов покинул Новочеркасск и никогда не возвращался в своем творчестве к донской проблематике. Эта страница его жизни была перевернута вплоть до отсутствия в дальнейшем каких-либо упоминаний автором написанных тогда «Очерков Дона». Сегодня, спустя более полутора веков после публикации указанной книги, очевидно, что они заняли свое место у истоков донской историографии. Книга является одним из немногих сохранившихся источников по начальной истории донского просвещения и истории донской повседневности. Ряд документов, приведенных в книге и полученных из архива Новочеркасской гимназии, в дальнейшем был утрачен, что многократно повысило ее ценность для исследователей. «Очерки Дона» Филонова входят в книжные фонды ряда крупнейших библиотек страны, включая Донскую государственную публичную библиотеку, и постоянно востребованы донскими краеведами.

Литература

1. Филонов А.Г. Мое детство. СПб. : Тип. Рогальского и К°, 1864.
2. Филонов А.Г. Как я шел пешком в Петербург учиться. СПб. : С-Петербург. о-во грамотности, 1903. 64 с.
3. Рейснер С.А. Н.А. Добролюбов и его товарищи в Главном педагогическом институте // Освободительное движение в России. Вып. 3. Саратов : Саратовский гос. ун-т, 1973.
4. Добролюбов Н.А. Дневник // Собр. соч. М., 1962. Т. 8. С. 544.
5. Артинский И.Г. Очерки истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск : Обл. В.Д. тип., 1907. 469 с.
6. Филонов А.Г. Очерки Дона. СПб. : Тип. Королева и К°, 1859. 195 с.
7. Добролюбов Н.А. «Очерки Дона» А. Филонова // Собр. соч. 1962. Т. 5.
8. СОВДСК. Вып. 2, 3,4. Новочеркасск, 1902, 1903, 1904.

References

1. Filonov A.G. (1864). *My childhood*. Saint Petersburg, Printing house of Rogalsky and Co. (in Russian).
2. Filonov A.G. (1903). *How I walked to Petersburg to study*. Saint Petersburg, St. Petersburg Literacy Society, 64 p. (in Russian).
3. Reisner S.A. (1973). N.A. Dobrolyubov and his comrades at the Main Pedagogical Institute. *Liberation Movement in Russia*. Issue 3. Saratov, Saratov State University. (in Russian).
4. Dobrolyubov N.A. (1962). *Diary. Col. works*. Moscow, vol. 8, 544 p. (in Russian).
5. Artinskii I.G. (1907). *Essays on the history of the Novocherkassk military gymnasium*. Novocherkassk, Regions of the Don Army Printing House, 469 p. (in Russian).
6. Filonov A.G. (1859). *Essays of the Don*. Saint Petersburg, Printing House of Korolev and Co, 195 p. (in Russian)
7. Dobrolyubov N.A. (1962). “Essays of the Don” by A. Filonov. *Col. works*, vol. 5. (in Russian).
8. *SOVDSK*. (1902, 1903, 1904). Iss. 2, 3, 4. Novocherkassk. (in Russian).

И.Г. Кислицына,
свободный исследователь

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOK REVIEWS

doi 10.18522/2687-0770-2021-2-111-114

Армяне Причерноморья : энциклопедия / науч. ред. и сост. И.В. Кузнецов, рук. проекта, ред. Х.В. Мхитарян. М.: УП Принт, 2020. Т. 1. 492 с.

Armenians of the Black Sea region: encyclopedia / scientific ed. and comp. I. V. Kuznetsov, project manager, ed. H. V. Mkhitaryan. Moscow: UP Print, 2020. Vol. 1. 492 p.

Энциклопедические издания по-прежнему остаются весьма востребованной справочной литературой. Несмотря на широкие возможности электронных средств получения информации, книжные публикации не лишаются актуальности и читательского спроса. Нет сомнения, что и рассматриваемое издание, выполненное в рамках уникального научно-исследовательского и публикационного проекта, посвященного одной из диаспорных групп армянского народа, вызовет интерес широкого круга читателей.

Рассеяние, в результате которого во многих странах и регионах мира образовалась армянская диаспора (спюрк), является основной причиной, определившей исторический путь Армении и ее народа. Ранние миграции армян зафиксированы еще в начальных веках новой эры, однако самый массовый исход связан с трагическими событиями геноцида 1915 г., когда, спасаясь от катастрофы, миллионы армян были вынуждены покинуть исконные зоны проживания в Восточной Анатолии. Рассеявшись по миру, беженцы частью освоили новые территории, частью влились в старожильческие армянские общины, что в целом обусловило достаточно сложную структуру и разнородный состав отдельных частей спюрка.

Между тем, куда бы не водворялись армяне, они неизменно занимали нишу созидательного и производительного труда, внося вклад в социальное, экономическое и культурное развитие окружающего социума. В то же время они никогда не забывали свои этнические корни, не порывали связи с исторической родиной, стойко сохраняя в спюрке национальную идентичность и культурные особенности. В этом двуедином служении видится особый феномен армянской диаспоры, многие черты которой освещены на страницах энциклопедии «Армяне Причерноморья».

В свет вышел пока 1-й том энциклопедии, тем не менее общие концептуальные и эдиционные принципы издания достаточно очевидны, что позволяет высказаться о них в рецензионном обзоре.

Географические рамки энциклопедии обозначены землями, примыкающими к бассейну Черного моря (древнего Понта Эвксинского). Действительно, армянское присутствие в понтийской зоне отмечается с достаточно давних времен, при этом миграционные перемещения, порой существенно менявшие границы расселения народа, оставляли неизменным присутствие армянского «цвета» в многоцветии этнической карты этого региона. Хотя формальный территориальный принцип вряд ли может представлять значимую доминанту для объединения этих весьма разных диаспорных сегментов в некую целостность. Последняя базируется на других исторических основаниях.

Чл.-кор. РАН, профессор С.А. Арутюнов отметил в «Вводном слове», что «основные “точки роста” армянского этнического достояния находились, особенно после утраты последних остатков национальной государственности, не в “корневой” части этноса, то есть не в области исторической прародины, а именно в диаспорных ответвлениях, от Венеции до Калькутты». Составитель и редактор энциклопедии И.В. Кузнецов конкретизировал это положение применительно к понтийской зоне армянского спюрка, указав, что, «расселившись от

Константинополя и Аккермана до Трапезунда и Артвина, они представляли для армянского народа альтернативный проект развития». В этом *проекте* для сохранения национальной идентичности армянам суждено было максимально раскрыть свой творческий потенциал, развивая самые разные сферы социокультурной деятельности, о чем ярко повествуют статьи «Энциклопедии».

При этом важно подчеркнуть еще одну важную роль, которую армяне Причерноморья сыграли в историческом развитии региона. Выбирая жизнестроительные стратегии, они часто отдавали предпочтение негостиции, коммерции и торговле. Это делало необходимым перемещения и поездки по региону, что помимо прочего наделяло их функциями своеобразных коммуникаторов и ретрансляторов многообразной информации, представлявшей общественный интерес в среде их контрагентов. Кроме того, пребывание в местной среде обуславливало знание армянами индигенных языков и принятия на себя дополнительных функций толмачей и переводчиков как в обыденных контактах, так и в дипломатических сношениях между политическими игроками в регионе, что также способствовало интегративным процессам в причерноморской зоне и статусной идентификации проживающих здесь представителей армянских общин.

«Энциклопедия» в значительной степени освещает эти тренды исторического развития армянской диаспоры.

Из представленных в издании сюжетных блоков выделяются материалы, посвященные отдельным диаспорным группам. В соответствии с исторически сложившимися особенностями расселения они рассматриваются в рамках крупных ареальных зон проживания в соответствии с административно-территориальной и государственной принадлежностью. Таковы, например, статьи «Абхазия» (авторы М.Г. Минасян, И.В. Кузнецов), «Аджария» (И.В. Кузнецов), «Анапа» (В.И. Колесов, С.С. Мирзоян, Х.В. Мхитарян), «Анапский район» (И.В. Кузнецов), «Армавир» (С.Н. Ктиторов, В.И. Колесов, С.С. Мирзоян, Х.В. Мхитарян) и др. Блок статей посвящен отдельным селам, основанным армянами, с преобладающим армянским населением или его значительной долей в составе жителей. Важным концептуальным решением является присутствие в «Энциклопедии» статей об исчезнувших армянских поселениях, в основном Восточной Анатолии, что дает возможность читателю получить информацию о границах и ареалах армянского исторического присутствия в Причерноморье. Наконец, важным представляется интерес авторов «Энциклопедии» к специфическим зонам местожительства армян. Предположу, что в последующих выпусках «Энциклопедии» будет содержаться специальная статья о Тбилиси, но в рассматриваемом томе присутствует статья «Авлабар» (И.В. Кузнецов), в которой дана характеристика древнего квартала грузинской столицы, тесно связанного с историко-культурным и фольклорно-этнографическим наследием его армянских жителей.

Этнографический быт армян Причерноморья отличается богатством и разнообразием артефактов материальной и духовной культуры. Очевидно, этот аспект также найдет отражение в статьях «Энциклопедии». Пока в 1-й том включен блок статей, посвященный ряду ярких этнографических реалий понтийских армян. Например, описание народного театрального представления зимнего календарного цикла «Алелук», стремительного народного танца «Алмаджук», характеристика персонажа народной демонологии «Алк», рассмотрены элементы пищевой модели амшенцев «Абур», «Аганц», «Апохт», женский одежный комплекс «Антари», характерное явление хозяйственной жизни городских армян «Амкар» и др. (автор статей этнографического блока И.В. Кузнецов).

Составители «Энциклопедии» включили в статейный тезаурус материалы о культурных институциях, в рамках которых в известном смысле организовывалась социальная жизнь причерноморских армян. В этом отношении интересны статьи об армянской (армяно- и русскоязычной) прессе: газетах «Агос», «Ардзаганк», «Аревелк», журналах «Азгагракан хандес», «Амшен» и др. (И.В. Кузнецов), партиях и общественных организациях, в разных формах и направлениях деятельности представляющих армянские интересы: «Арменаканы» (Л.А. Карапетян), «Айартун» (И.В. Кузнецов) и др. На страницах тома можно встретить материалы, посвященные историческим событиям, во многом определявшим геополитическую ситуацию в Причерноморском регионе и, следовательно, непосредственно воздействовавшим

на судьбы местного армянского населения; например, статьи об Адрианопольском (1929 г.) и Александропольском (1920 г.) мирных договорах.

Между тем форма подачи некоторых информационных материалов вызывает вопросы и возражения. Так, в ряде случаев обращает на себя внимание явная избыточность содержащихся сведений. Например, в 22-страничной статье «Абхазия» собственно «армянский» материал начинается лишь с 7 страницы; предшествующие отданы сведениям о древней и средневековой истории края, которая к его нынешнему армянскому населению не имеет никакого отношения. Аналогичные претензии и к статье «Аджария». Искомый подзаголовок «Армяне в А[джарии]» появляется лишь на 7-й странице 11-страничного текста. Нужно заметить, что баланс общих сведений допустим лишь в энциклопедиях универсального типа; в специализированных изданиях внимание читателя должно быть сосредоточено лишь на спецификации объекта. Как ни парадоксально, но в энциклопедиях избыточность информации порой столь же неуместна, как и ее скудость.

В структуре энциклопедии присутствуют, на мой взгляд, весьма спорные решения. В частности, в алфавитную последовательность статей в качестве врезок включены «дополнительные» тексты. Это достаточно обширные отрывки из воспоминаний, образцы литературного творчества героев, выписки из исторических документов или научных сочинений и т.д. Полагаем, в рамках принятой концепции Энциклопедии они призваны дополнить, конкретизировать или расширить представления о конкретном объекте или герое. Но, во-первых, непонятны соображения, по которым в одном случае потребовалось информационное «расширение», а в другом – оказалось ненужным. Во-вторых, специализированные задачи энциклопедических изданий состоят в том, чтобы дать читателю лишь необходимый информационный минимум, объем и детализированность которого напрямую соотносится со «значимостью» объекта; желание же читателя дополнить и расширить свои представления удовлетворяются прилагаемыми к статьям спискам литературы. Всякого рода врезки, вставки и т.п. являются все тем же избыточным материалом, он разрушает структурную ткань Энциклопедии, перемещая ее в жанр справочно-информационных изданий.

Между тем значительный объем Энциклопедии отдан персоналиям. Причерноморские армяне выдвинули из своей среды многих ярких представителей, проявивших себя в самых разных сферах социальной деятельности. Их биографии нашли достойное отражение на страницах издания. Понятно, что объемы соответствующих статей не равны и наиболее крупные закономерно посвящены знаковым фигурам понтийского спорка. Так, чрезвычайно насыщены и интересны тексты о всемирно известном Иване Константиновиче Айвазовском (автор статьи Т.Г. Тавадян) и его брате – ученом, просветителе, архимандрите Гаврииле Константиновиче (С.С. Казаров). Яркие биографические очерки написаны о гениальном ученом Викторе Амазасповиче Амбарцумяне (М.О. Саркисян), выдающемся актере Петросе Иеронимовиче Адамяне (авторство статьи не указано), предпринимателе и меценате Микаэле Овсеповиче Арамянце (М.О. Саркисян), крупнейшем кубанском предпринимателе Иване Овакимовиче Аведове (С.Н. Ктиторов), выделяется серия статей о представителях славных родов Абамеликов/Абамелеков-Лазаревых (М. Гогитидзе, Г. Бежиташвили, С.М. Саядов, И.В. Кузнецов) и Аргутинских (Р.М. Абрамян, И.В. Кузнецов, С.С. Казаров, М. Гогитидзе, Г. Бежиташвили).

При этом ряд статей посвящен не персоналиям, а отдельным фамилиям причерноморских армян. Этот прием дал возможность представить читателю многие группы понтийцев, связанных узами родственной близости, во многом определивших их солидарные действия в разных сферах социальной действительности, например в сфере профессиональных интересов, хотя, конечно, многие однофамильцы избирали самые разные пути в жизни и в профессии. В то же время, получая известность прежде всего в личном качестве, своей позитивной деятельностью они одновременно прославляли весь род, принадлежность к которому вызывало чувство фамильной чести и гордости, основанной на авторитете и уважении окружающих. Таковы фамилии Агабаловы (И.В. Кузнецов), Айвазовы, Акобжановы, Алабердовы, Аладжаловы, Аракеловы (все – В.И. Колесов) и др.

Впрочем, охватить всю биографическую мозаику Энциклопедии задача практически невыполнимая. Ее составляют люди самых разных судеб, профессий и индивидуальностей,

которые в целом свидетельствуют о талантливости, трудолюбии, жизнестойкости и патриотической самоотверженности армянского народа.

Вполне оправданно, что в поле зрения авторов Энциклопедии находятся также потомки понтийцев, проявившие себя далеко за пределами региона. В этом отношении значительную информацию несет серия статей И.Я. Гаюк об армянских деятелях в Польше и Украине, а также статьи, в которых прослежена жизнь и профессиональная деятельность американского продюсера Джорджа Авакяна (А.Р. Геворкян), американского художника, графика, иллюстратора Константина Ивановича Аладжалова (С.М. Саядов), выдающегося деятеля католической церкви, патриархе АКЦ и Киликийской Армении Григоре-Петросе XV Агаджаняне (В.З. Акопян), французского писателя и драматурга Артюра Адамова (И.М. Ямпольский). По всему, в томе должна была присутствовать и статья «Азнавур, Шарль», но авторы по непонятным причинам предлагают читателю познакомиться с ней под номинацией «Шарль Азнавур». Зато, к счастью, из 1-го тома никуда не делась статья «Абдулла фрер» (Н.И. Кузнецова), повествующая о братьях Абдуллахян, оставивших богатейшее фотографическое наследие, и ряде других представителей спюрка.

Отдельного благодарственного слова заслуживает иллюстративная часть Энциклопедии. Авторами собран и введен в оборот богатейший и в большинстве уникальный изобразительный материал, позволивший зримо документировать многие стороны жизни и культуры причерноморских армян.

Очевидно, что Энциклопедия прошла тщательную эдичионную подготовку, тем не менее бросаются в глаза некоторые недоработки. Малозначащие на первый взгляд, они тем не менее нежелательны в справочно-энциклопедических изданиях, например, разноречивыми в указаниях на место рождения персоналий – встречаются варианты: род. в Тифлисе (ныне – Тбилиси, Грузия); в Тифлисе (совр. Тбилиси); в Тифлисе Рос. имп. (ныне – Тбилиси, Грузия). В данных случаях желательна некая унификация. Вызывают досаду ошибки, которые никак не должны присутствовать в энциклопедии. Так, в 1920 г. город носил наименование Сухум, а не Сухуми (с. 89), которым он стал лишь в 1936 г.; в 1916 г. с Грозным никак не могла ассоциироваться Чеченская республика (с. 125), а в 1940 г. такого субъекта, как РСФСР (с. 140), не существовало. Замечательный польский художник армянского происхождения Т. Аксентович был членом венского «Сецессиона», а не «Сецессии». Встречаются небрежности в подрисовочных подписях, во всяком случае недопустимо указывать, что герой, запечатленный на фотографии с римским понтификом, находится «в компании с нов. Папой Иоанном XXIII». Не всегда понятна логика постатейного расположения иллюстраций. Так, неясно, как свидетельствуют о жизни армян в Абхазии размещенные в соответствующей статье фотографии, под которыми читаем «Крейсер “Тесей” в Батуми», «Нем. ген. Фр. Кресс фон Крессенштайн и полковник Готт в Худже, Палестина», или живописное изображение маршала Советского Союза Л.П. Берия.

Уверен, что следующие тома Энциклопедии будут проходить более тщательную и дотошную подготовку.

Выход же 1-го тома энциклопедии «Армяне Причерноморья» можно только приветствовать. Ставшее результатом творческих и организационных усилий большой группы специалистов, издание аккумулировало огромный интеллектуальный и исследовательский опыт по изучению истории и современного состояния одной из частей великой армянской диаспоры. В целом это значительное достижение отечественной энциклопедистики и российского кавказоведения. Энциклопедия «Армяне Причерноморья» несет большой позитивный социальный и идеологический заряд, утверждающий важность межэтнического и межкультурного сотрудничества для развития всех народов нашей многонациональной России и всего человечества.

*Ю.Д. Анчабадзе,
доктор исторических наук,
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

doi 10.18522/2687-0770-2021-2-115-117

**Рябцев В.Н. Из истории геополитической мысли
в годы Гражданской войны на Юге России. 1918–1920 гг. (очерки).
Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2020. 624 с.**

**Ryabtsev V.N. From the History of Geopolitical Thought during
the Civil War in the South of Russia. 1918-1920 (essays).
Rostov-on-Don: Foundation of Science and Education, 2020. 624 p.**

В 2020 г. исполнилось ровно сто лет одному из самых сложных, трагических и в то же время судьбоносных событий в нашей истории – Русскому Исходу в годы Гражданской войны. Поражение базового анклава противоборствующих сил – Белой армии П.Н. Врангеля – свидетельствовало о близящемся завершении братоубийственной войны и победе Советского проекта, о новом этапе в истории и геоистории России.

Исследование таких исторических вех сталкивается с проблемой живой коллективной памяти и затрудняет выявление значения и анализ глубинных процессов, которые за ними стоят. Существует представление, что для взвешенной, объективной оценки острых событий прошлого нужно, чтобы прошло сто лет. Однако до сих пор в среде не только обывателей, но и профессиональных историков присутствует политизированность в оценках, нередко обусловленная судьбой своей семьи в те непростые годы.

Гражданская война – это глубинный онтологический, цивилизационный раскол, который не изжит в коллективной памяти до сих пор, что отягощает не только состояние современной историографии вопроса, но и усугубляет и без того сильную идеологическую, даже шире – культурно-цивилизационную поляризацию в обществе. А ведь в ходе Гражданской войны, сопровождавшейся всемирной интервенцией против нашей Родины, речь шла о её сохранении как геополитического феномена, о том, в каком виде ей существовать – в виде россыпи государств-сателлитов Запада, как замышлял американский президент В. Вильсон и его европейские партнёры, или же в виде реорганизованной новой империи, державы, цивилизации?

В рецензируемой работе В.Н. Рябцева дается глубокий анализ событий Великой Русской Смуты XX века через призму концепций, в том числе и малоизученных, представителей разных направлений русской геополитической школы, а также мыслителей, которые высказывали ценные суждения геополитического содержания. Эта работа – настоящее открытие для всех специалистов в области истории отечественной геополитической мысли и истории Юга России. В.Н. Рябцев показал через обширную источниковую и научно-доказательную базу, что в сложное время Гражданской войны, в самый её разгар именно Юг России стал центром притяжения геополитических «пассионариев», умов, которые здесь смогли раскрыться в области геософии, геоэкономики, внутренней геополитики и геостратегии.

Особенно урожайным на геополитические концепции был 1919 г. Это время ожесточенных боев за Юг России Красной и Белой армий, а также активного вмешательства в дела региона преследовавших свои геостратегические цели интервентов. Геополитический «вызов» получил здесь «ответ» русской геополитической мысли.

Сегодня южные рубежи нашей Родины также являются очагом геополитической нестабильности в контексте гибридных войн. Однако многие геополитические идеи, разработанные в период Гражданской войны, о которых говорится в книге, по-прежнему сохраняют свою актуальность. Поэтому книга представляет большой интерес для всех, кто интересуется судьбой Юга России не только в историческом контексте, но и современности.

Авторы, о которых говорится в книге, оказавшись именно здесь – в гуще стремительно меняющихся событий «Второй Великой Смуты», осмысливали эти процессы, что называется «изнутри». Среди них были и такие крупные известные, можно и нужно сказать, профессиональные геополитики, как основоположник русского евразийства П.Н. Савицкий,

выдающийся геостратег А.Е. Снесарев, представитель экономическо-географического направления «внутренней геополитики» В.П. Семёнов-Тян-Шанский, и малоизвестные, плохо исследованные, например «русский Мэхэн» Н.Л. Кладо, и др.

В этой связи стоит отметить, что метод работы Рябцева похож на технику археолога и одновременно кладоискателя, он буквально откапывает в огромной толще источниковой базы покрытые слоем забвения пласты геополитической культуры русской мысли, в которой находит яркие самородки. В его очерках отражены работы отца и сына Вернадских. Владимир Иванович Вернадский – один из выдающихся представителей русского космизма, основоположник биогеохимии, минералог, крупный мыслитель, пребывая на Юге, в 1919 г. обратился к геополитической проблематике, издав цикл статей «О мировой обстановке русской политики», которая перекликалась с «Очерками международных отношений» Савицкого (с. 271). Рябцев отыскал и другие малоизученные работы В.И. Вернадского, посвящённые проблемам организации местной власти в Крыму и многим другим. А Георгий Владимирович Вернадский, профессиональный историк, впоследствии адепт евразийства в Русском Зарубежье, в годы Гражданской войны на Юге активно занимался развитием геоисторического направления русской геополитики. Обратившись к исследованию его работ из недавно рассекреченных газет Крыма, Рябцев нашёл ценные материалы, касающиеся «обстоятельств и необходимости присоединения Тавриды к России, представляющие немалый интерес в свете недавних событий “Крымской весны” и реалий сегодняшнего дня» (с. 291).

Настоящим откровением для многих станет включённый Рябцевым в книгу очерк о геополитических изысканиях Максимилиана Волошина относительно перспектив Крыма в годы Гражданской войны. В этом очерке-главе Рябцев приводит ранее неизвестные работы поэта – русского символиста, где даётся необычное геополитическое и геоэкономическое переосмысление роли «Большого Черноморского региона» в истории, его значение для России. Особое место уделял Волошин и изучению геополитических перспектив Белого движения на Юге России и будущего России.

Большой интерес представляет очерк «Вопросы политико-территориального устройства и внутренней геополитики России в работах учёных, публицистов и общественных деятелей». Здесь называются забытые сегодня имена мыслителей, деятелей культуры и науки начала XX в., которые, пребывая на Юге в годы Гражданской войны, анализировали всё происходящее в геополитическом ключе. Среди них писатель С.Я. Елпатьевский, философ Е.Н. Трубецкой, политики В.М. Пуришкевич и В.В. Шульгин. В очерке приведены изыскания в области внутренней геополитики учёного-теплотехника В.И. Гриневицкого, историка и правоведа И.А. Малиновского, публициста А.И. Савенко, крупного учёного и политического деятеля П.Б. Струве. В.Н. Рябцев уделил большое внимание концепциям – «ответам» на внешнее вмешательство иностранных государств, что в свете современных событий имеет особое значение.

В книге рассматриваются и проблемы «внутренней геополитики», связанной с решением внутригосударственных региональных, этнополитических, административно-территориальных вопросов. Возможно, этот аспект можно в дальнейшем и расширить, так как геополитика внутреннего пространства влияет на выбор пути развития государств не меньше, а может и больше, чем геополитические основы взаимодействия с другими государствами и центрами силы в окружающем Россию мире.

Изучение истории идей – крайне сложная работа, поскольку требует особого внимания к деталям, нюансам и контексту. Этим тонкостям во всех исследованиях В.Н. Рябцева всегда уделялось особое внимание, что позволяет максимально точно передать смысл той или иной теории [1, 2]. Каждая из них рассматривается в историко-биографическом контексте с учётом тех специфических условий Юга России, в которых оказывался тот или иной мыслитель, оставивший свой след в истории геополитической мысли. В то же время каждая геополитическая концепция анализируется с учётом актуальной для того времени практической геополитики, т. е. изменений на международной арене, когда решался вопрос места России в системе будущего мироустройства.

Многие прогнозы учёных-геополитиков, рассматриваемых в книге, со временем стали воплощаться в политическую практику уже советской власти. К сожалению, как показано в данной работе, руководство Юга не прислушивалось к этим «фактам-пророчествам». В то

время как на Западе ценили своих учёных. Как отмечает В.Н. Рябцев, на Парижской мирной конференции в команде В. Вильсона было «Исследовательское бюро», состоящее из 1300 экспертов в области геополитики (с. 222).

Большое количество идей, стратегий, проектов представителей русской геополитической школы, которые разрабатывались в годы Гражданской войны, не потеряли своей актуальности и поныне. Особенно это касается вопросов, связанных с судьбой Крыма. Поэтому хочется надеяться, что те положения, которые вновь представил широкой общественности В.Н. Рябцев, будут учитываться в геополитической практике современной России.

Рецензируемая работа Рябцева – не просто собрание очерков, где представлен анализ идей русской геополитической школы, это концептуальное исследование, наполненное рефлексией через призму истории своей семьи. Его он посвятил своему деду, участнику Гражданской войны, донскому казаку. Естественно, это предопределяет своё видение автором сути и последствий «Второй Смуты» – глубоко историко-философское, очень интересное, однако, как всё субъективное, связанное с политическими пристрастиями и воззрениями этнонационального порядка, – спорное. Но, как точно указал сам В.Н. Рябцев, цитируя методологов Раца и Никитина, «субъективность есть плата за целостность». В то же время цепляющая за эмоции и интерес, дискуссионность некоторых вопросов и особый – не сухой академический, а живой эмоциональный, при этом научный стиль изложения с использованием обширной фактологической базы делает работу В.Н. Рябцева привлекательной и ценной как для специалистов, так и для всех интересующихся историей нашей страны и геополитической проблематикой.

Бесспорно, творчество автора – это большой вклад в исследование истории геополитической мысли, в науку.

Литература

1. *Рябцев В.Н.* Геополитическая мысль в России в преддверии, во время и после окончания «Второй Великой Смуты». М. : АИРО-XXI, 2017. 608 с.
2. *Рябцев В.Н.* Из истории геополитической мысли в России. XX век. Малоизвестные страницы. М. : АИРО-XXI, 2018. 720 с.

References

1. Ryabtsev V. N. (2017). *Geopolitical thought in Russia on the eve, during and after the end of the "Second Great Turmoil"*. Moscow, AIRO-XXI Publ., 608 p. (in Russian).
2. Ryabtsev V. N. (2018). From the history of geopolitical thought in Russia. 20th century. Little-known pages. Moscow, AIRO-XXI Publ., 720 p. (in Russian).

А.М. Матвеева,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии,
Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ)

doi 10.18522/2687-0770-2021-2-118-121

**Болдырев Р.Ю., Болдырева С.Ю. История Германии : в 2 ч. :
учеб. пособие. Архангельск: Северный (Арктический) фед. ун-т, 2021.
Ч. 1 : 1493–1815. 101 с.; Ч. 2 : 1815–1914. 128 с.**

**Boldyrev R.Yu., Boldyreva S.Yu. History of Germany: in 2 parts.
Training manual. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University Press, 2021,
part 1: 1493-1815, 101 p.; part 2: 1815-1914, 128 p.**

Учебное пособие «История Германии» в двух частях предназначено для студентов бакалавриата высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки «История», «Педагогическое образование (история и обществознание)», «Историческая политология». Данное учебное пособие подготовлено к. и. н., доцентом кафедры Всеобщей истории САФУ Р.Ю. Болдыревым, который на протяжении многих лет преподает курс «История Германии», и доцентом кафедры регионоведения, международных отношений и политологии САФУ С.Ю. Болдыревой. Сфера научных интересов Р.Ю. Болдырева и С.Ю. Болдыревой сфокусирована на изучении германской проблематики, именно поэтому отличительной чертой рассматриваемого учебного пособия является высокий профессиональный уровень, который продемонстрировали авторы.

В рамках учебного пособия предложено комплексное, но при этом лаконичное изучение основных и наиболее значимых этапов немецкой истории, начиная с эпохи раннего Нового времени и вплоть до начала Первой мировой войны. Учебное пособие «История Германии. Ч. 1 : 1493–1815» состоит из 5 глав, каждая из которых включает в себя несколько параграфов.

Глава 1 «Священная Римская империя германской нации в раннее Новое время (1493–1648)», состоящая из 2 параграфов, посвящена особенностям исторического и политико-идеологического развития Германии, которые отразились на системе управления империей. Анализируя эволюцию становления системы имперского управления, авторы делают экскурс в более ранние исторические периоды, затрагивая эпоху раннего Средневековья, для того чтобы проследить динамику развития данной системы. Справедливо обращается внимание на волеизъявления племенных вождей при выборе германского императора, конфликтогенный характер во взаимоотношениях между императорской властью и римским папством, а также на влияние коллегии курфюрстов на императорскую власть и усиление роли данного института в политической жизни империи. Особо отмечены, причем совершенно оправданно, реформы императора Максимилиана I, направленность которых на укрепление и сохранение целостности империи вполне очевидна.

Во втором параграфе главы 1 «Германия в XVI – первой половине XVII века» авторы методически грамотно обращают внимание студентов на деление данной эпохи на 2 периода: Реформацию и период от Контрреформации до Вестфальских мирных договоренностей, выделяя при этом значимость для Германии Аугсбургского мира. Анализируются магистральные аспекты: «дуализм власти», усиление княжеского сепаратизма, отсутствие конфессионального единства, которое снижало роль общеимперских начал и способствовало усилению кризиса империи.

Глава 2 «Развитие германской экономики в раннее Новое время» состоит из 5 параграфов, в рамках которых авторы рассматривают демографические изменения, специфику развития сельского хозяйства, ремесленного и промышленного производства, торговли и финансов. Приведены интересные статистические данные, позволяющие проследить демографическую ситуацию в Германии, начиная с первой трети XVI в. вплоть до начала Тридцатилетней войны. При изложении материала, касающегося развития аграрного сектора немецкой экономики, обращается внимание на наличие двух типов аграрных отношений, значимость животноводства и причины начавшегося в XVII в. кризиса, постигнувшего сельское хозяйство.

При освещении проблемы развития ремесленного и промышленного производства, изложенной во 2-м и 3-м параграфах, уделяется внимание значимости ферлагсистемы, активно

распространенной в области ремесла. Авторы, повествуя о внедрении технических и технологических инноваций в производственную сферу, приводят в качестве примеров интересную и любопытную информацию о системе зейгерования, водоподъемных устройствах, что, безусловно, вызовет неподдельный интерес у студенческой аудитории.

В рамках 5-го параграфа обращается внимание студентов на специфику немецкой торговли, основанной на разнонаправленных векторах внешних торговых связей, и влияние революции цен на ситуацию в торговой сфере. Также интересна информация о владельцах наиболее значимых торговых домов и их деловых связях с Максимилианом I и Карлом V.

Оригинально и свежо выглядит 6-й параграф, который позволит студентам получить информацию по любопытной, но фактически незатронутой в российской учебной литературе теме – становления немецкой денежной системы.

Глава 3 «Экономическое развитие Германии в 1648–1815 гг.» сохраняет структурный принцип предыдущей главы, что вполне логично и оправдано. При рассмотрении демографической ситуации, сельского хозяйства, мануфактурного производства, а также торговли и банковского дела обращается внимание на существенные изменения, вызванные последствиями Тридцатилетней войны.

При анализе демографических изменений приведены не только интересные статистические сведения, но и особо отмечен тот факт, что с целью улучшения демографических показателей немцы стали охотно принимать мигрантов, многие из которых являлись высококвалифицированными специалистами. Затрагивается тема эмиграции немецкого населения в Северную Америку, Восточную и Юго-Восточную Европу, а также внутригерманской миграции, способствовавшей усилению экономического потенциала отдельных княжеств. Подобного рода информация является крайне полезной и оригинальной, поскольку находится на периферии учебно-методического интереса российской высшей школы.

Даже при рассмотрении состояния сельского хозяйства в поствестфальский период, который, казалось бы, сопряжен с известными в исторической науке событиями – наличием феодальных пережитков, «второго издания крепостничества», системным отставанием немецких территорий, авторы смогли существенно «оживить» данный параграф малоизвестной информацией о расширении ассортимента посевных культур; обратили внимание на технологию мелиорации, осушения и окультуривания торфяников, что способствовало решению проблемы расширения посевных площадей. Все это является свидетельством того, что авторы пособия, работая над его созданием, были заинтересованы в том, чтобы представить студентам не только базовые и общеизвестные факты и события немецкой истории, а на основе интересного, порой малоизвестного материала приобщить студентов к изучению истории Германии, мотивировав их превосходно подобранным в пособии материалом.

Особое внимание уделено развитию ремесла, мануфактурного производства и торгово-банковского дела, при этом учитывается специфика эпохи. Анализируется изменение разновидностей мануфактур, трудности мануфактурного производства в неблагоприятных экономических условиях, а также фиксируется рост спроса в отношении предметов роскоши. Торгово-банковская сфера рассматривается в пособии с позиций камералистско-меркантилистской экономической политики, показываются при этом ее сильные и слабые стороны, анализируется развитие страхового и вексельного дела, а также формирование крупнейшего банковского центра.

Глава 4 «Политическое развитие Германии в 1648–1789 гг.» состоит из 2 параграфов. Параграф 1 «Итоги и последствия Тридцатилетней войны» посвящен не столько территориальным изменениям, сколько специфике «немецкого абсолютизма», выявляя ключевые аспекты немецких государственно-политических структур. По справедливому замечанию авторов учебного пособия, в поствестфальский период существенно изменились представления о государстве и его функциях, что отражалось на внутренних делах империи и ее внешнеполитическом положении.

Параграф 2 «Австро-прусский дуализм» посвящен значимой для немецкой истории теме – формированию в рамках Священной Римской империи второй великой державы – Пруссии, появление которой существенным образом повлияет на ход немецкой истории. В параграфе рассматривается деятельность Фридриха I и Фридриха Великого, которые стояли у истоков

прусской государственности и благодаря деятельности которых Пруссия получит статус великой европейской державы.

Глава 5 «Германия в эпоху революционных и наполеоновских войн 1789–1815 гг.» включает в себя 2 параграфа. Параграф 1 посвящен рассмотрению участия Австрии и Пруссии в антифранцузских коалициях. Р.Ю. Болдырев и С.Ю. Болдырева вскрывают причины, побудившие Пруссию пойти на заключение сепаратного мира с французами, а также приводят интересные статистические данные, отражающие последствия этого дипломатического шага, как и поражения Пруссии в войне с наполеоновской армией, что было воспринято немцами как подлинная катастрофа.

Параграф 2 описывает период французской оккупации, включая деятельность Рейнского союза, а также попытки модернизации государственной, социальной и военной систем путем проведения реформ в Австрии и Пруссии.

Учебное пособие «История Германии. Ч. 2: 1815–1914» состоит из 5 глав, каждая из которых подразделяется на параграфы.

Первая глава «Германия в предмартовскую эпоху (1815–1848 годах)» состоит из 2 параграфов. Параграф 1 отражает специфику Германского союза в постнаполеоновский период с учетом демографических показателей, начавшихся модернизационных процессов в экономике, в нем также уделяется большое внимание австро-прусскому дуализму, который наиболее ярко проявлялся в политико-государственном соперничестве двух государств.

Во втором параграфе «Политическое развитие Германии в 1815–1848» Р.Ю. Болдыреву и С.Ю. Болдыревой удалось отразить палитру общественно-политических настроений рассматриваемого периода, отличительной особенностью которой было участие интеллектуальной и творческой элиты Германии в решении ключевых аспектов развития страны. В рамках параграфа обращено внимание на наиболее значимые и интересные исторические события.

Глава 2 «Экономическое развитие Германии в 1815–1850 годах» состоит из 3 параграфов. Первый параграф «Начало индустриальной революции» содержит множество интересных фактов и статистических данных, отражающих зарождение модернизационных процессов в экономике, начало которым было положено в период введения Наполеоном I континентальной блокады, что способствовало стремительному развитию немецкой текстильной промышленности. Бесспорным достоинством данного параграфа является то, что в нем лаконично, но весьма продуманно представлена значимая информация, благодаря которой у студентов появляется возможность узнать об известных немецких промышленниках, оценить роль железнодорожного транспорта и транспортных коммуникаций в экономическом развитии Германии.

Эволюции системы коммуникаций в жизни немецкого общества посвящен 2-й параграф, который не менее интересен, чем предыдущий, и также насыщен любопытными и редкими фактами. Логическим завершением темы экономической модернизации является 3-й параграф, в рамках которого рассматривается динамика создания таможенных союзов, направленных на достижение немецкого экономического единства, что подкреплено приведенными в учебном пособии статистическими данными.

В главе 3 «Революция 1848–1849 годов в Германии», состоящей из 3 параграфов, последовательно представлены причины и начальный этап революции, отражен кульминационный этап революционных событий, нашедший отражение в деятельности предпарламента и созыве Национального собрания, а также уделено внимание заключительному этапу и подведению итогов немецкой революции.

Глава 4 «Политическое развитие Германии в 1850–1914 годах» состоит из 3 параграфов. В первом весьма обстоятельно анализируются предпосылки объединительного процесса, приведены сведения о биографии О. Бисмарка и его роли в достижении германского единства. Второй параграф знакомит с внутренней и внешней политикой «эпохи Бисмарка», а также содержит анализ конституции 1871 г. Третий параграф посвящен деятельности Вилгельма II, который, помимо курса на социальное реформирование в стране, активно занимался решением внешнеполитических задач, что существенно усилило позиции Германской империи на международной арене.

Глава 5 «Экономическое развитие Германии в 1850–1914 годах» включает в себя 3 параграфа, каждый из которых рассматривает тенденции экономического развития Германии в 1850–1871 гг. (1-й параграф), в 1871–1895 гг. (2-й параграф) и 1895–1914 гг. (3-й параграф). Авторы учебного пособия весьма подробно рассматривают экономическую ситуацию, демонстрируя поступательное развитие немецкой экономики, а также анализируют ее положение в условиях начавшегося в 70-е гг. XIX в. кризиса и завершения второй волны модернизации в 90-е гг. XIX в.

В приложении учебного пособия содержится весьма ценный материал, представленный в таблицах и отражающий информацию о численности населения, распределении людских ресурсов в основных отраслях промышленности, показателях ВВП, удельном весе промышленности на душу населения, уровне заработной платы наемных рабочих, демографических показателях и урбанистических сведениях, что, бесспорно, также свидетельствует о высокопрофессиональном подходе авторов.

Части 1–2 учебного пособия содержат в себе разделы: «Словарь персоналий» и «Словарь терминов», каждый из которых отличается грамотной подачей репрезентативного, хорошо структурированного и логически выверенного материала.

Несомненным достоинством обеих частей рассмотренного учебного пособия является наличие тестов, позволяющих проверить знания студентов по материалам каждой главы. Тесты с учебно-методических позиций составлены грамотно, отличаются разнообразием форм проверки знаний студентов, в том числе навыков работы с картами, что только усиливает благоприятное впечатление о рецензируемой работе. В библиографическом разделе представлены источники и репрезентативный список литературы по истории Германии на немецком и русском языках.

Обе части пособия характеризуются оригинальным подходом в изложении материала, который отличается нетривиальным характером и свежестью авторских идей. Авторам удалось представить интересный, грамотно отобранный материал, «добытый» из немецких источников и немецкоязычной литературы, профессиональное изложение которого демонстрирует глубокое понимание предложенной тематики и аналитический подход.

Учебное пособие «История Германии» отличает высокий методический уровень, хороший стиль изложения, логически выверенная структура и сбалансированность исторического материала.

Все вышесказанное позволяет высоко оценить проделанную авторами работу и рекомендовать данное учебное пособие для использования в образовательном процессе.

Н.Е. Пуховская,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории
и международных отношений,*

*Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета*

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Монографии, книги целиком

Neymark M.A. (1969). Linear differential operators. Moscow, Nauka Publ., 526 p. (in Russian).

Flora of the Lower Don (1984). G.M. Zozulin, V.V. Fedyayeva (Eds.). Rostov-on-Don, Rostov University Press, ch. 1. (in Russian).

Статьи в журналах

Pechentsov A.S. (1984). Boundary value problems for differential equations containing a parameter with multiple roots of the characteristic equation. *Differentsial'nye uravneniya*, vol. 20, No. 2, pp. 263-273. (in Russian).

Диссертации, авторефераты

Saakian N.S. (1985). Boundary value problems for differential equations of the fourth order in the case of multiple roots of the characteristic equation. Dissertation Thesis. Baku, 135 p. (in Russian).

Авторские свидетельства, патенты

Grezin V.S., Novosyadly V.A. The software tool automatically determine the age of the participant social network Ageception. Version 1.1. Certificate, No. 2014614425, 24.04.2013. (in Russian).

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed October 10, 2014).

Ivanov S.E. Marine industry and the global crisis - monitoring of codebroker. Available at: http://www.korabel.ru/news/comments/morskaya_industriya_i_globalniy_krizis_-_nablyudeniya_sudobrokera.html (accessed December 12, 2013). (in Russian).

Нормативные документы

On approval of the water quality standards fishery water bodies, including the maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of fishery water bodies: Order of the Rosrybolovstvo No. 20 at 18.01.2010. Moscow, 2010. (in Russian).

GOST 10444.9-88. Food products. Method for determination of *Clostridium perfringens*. Moscow, 2010. (in Russian).

Материалы конференций, семинаров, сборников

Nazarko O.V., Pavlov I.V., Chernov A.V. (2012). Deformation and deformed stochastic basis. *Mathematical methods in modern and classic models of economics and science*. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, Antei Publ., pp. 37-54. (in Russian).

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах: – «Заметки о книгах»; – «Научная жизнь»; – «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007, 2010, 2016 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Список литературы также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через Объединенный каталог «Пресса России» в подписной период. Индекс издания – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi 10.18522/2687-0770-2021-2.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2021. № 2